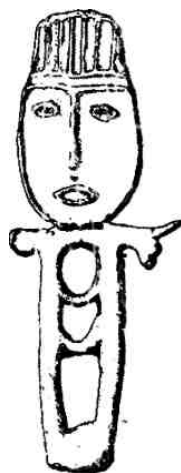

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

№ 3 (39) 2017

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е.,
Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю., Григорьева О.М. (отв. секретарь), Халдеева Н.И.,
Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика
Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США),
Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим
(Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

По вопросам оформления статей

Белова Наталья Андреевна

belovanatalia2009@yandex.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2017

© Журнал «Вестник антропологии», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Современные трансформационные процессы и этнологическая наука

- Губогло М.Н.* Концепт «советскости» в этнолого-антропологическом контексте 4
- Чешко С.В.* Мультикультурализм или культурный промискуитет? 27

Русские за рубежом

- Иникова С.А.* Российские скопцы в Румынии. Часть I 41

Антропологическая мозаика

- Казиев С.Ш.* Доверие: концепты и историческая реальность 60
- Малькова В.К.* Этика и СМИ 77

Физическая (биологическая) антропология

- Агджоян А.Т., Качанов Н.В., Юсупов Ю.М., Макмак Н.И., Мустафаева Л.А., Атраментова Л.А., Балановская Л.В.* Генетическая летопись Крымского полуострова по данным о генофонде караимов, крымских татар и греков 91
- Габучан А.В., Князь В.А., Большаков Г.В.* Одонтометрические и окклюзиометрические исследования на компьютерных трехмерных изображениях премоляров и моляров 98
- Калмин О.В., Калмина О.А., Иконников Д.С.* Особенности посткраниального скелета жителей Пензы XVII–XVIII вв. 116
- Помазанов Н.Н.* Вековые особенности кефалометрического разнообразия у мужчин южного региона Беларуси в связи с проблемой эпохальной изменчивости морфологии черепа 138

Дискуссии

- Арутюнов С.А.* Куда ты, черепаха? 153

Рецензии

- Кириченко О.В.* Рец.: *Таболina Т.В.* «Русский дом на Тубабао. М.: Дарь, 2016. – 192 с. 160
- Чешко С.В.* Рец. на: *Соколова З.П.* Этнограф в поле. Западная Сибирь. 1950–1980-е годы. Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016. – 942 с. 165

- Contents** 171

- Our authors** 172

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 392+930.85

© М.Н. Губогло

КОНЦЕПТ «СОВЕТСКОСТИ» В ЭТНОЛОГО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье анализируется феномен «советскости», совмещающего в себе концепты (смыслы): «советский образ жизни», «советский человек», «советское общество», и пронизывающего «мозг, душу и судьбы людей». История становления, расцвета и признаки увядания советскости дает возможность обобщить вывод о непотопляемости некоторых материальных и ментальных атрибутов советского прошлого. Советскость сохраняет свое реальное или виртуальное значение не только для взрослого населения, но и для части молодежи, озабоченной символами, лозунгами и брэндами постсоветской жизнедеятельности, а также прошлой историей своего народа и его культурным наследием. Это тем более важно проанализировать, что радикальные критики советскости и на Западе, и в СССР, по высказыванию А. Зиновьева, «метили в коммунизм, а убивали Россию».

Ключевые слова: «советскость», советское общество, «постсоветскость».

О выяснении отношений с советским прошлым

Современное российское общество, особенно его научная, художественная и политическая элита «буриданит» по поводу своей гражданской идентичности, растерянно выстраивая ряд признаков советскости и этничности. Люди разных поколений, родившиеся до и после развала Советского Союза проявляют активный интерес к этническим, социальным, политическим, религиозным категориям, в том числе к различным аспектам культурной жизни. В основе мотивов нарастающей «ностальгии по советскости» легко угадываются воспоминания о молодости старшего поколения и закономерное любопытство молодежи, не приемлющей либеральное по духу изображение прошлой истории своего народа одной лишь черной краской (Самов 2015).

В академическом дискурсе набирают обороты исследовательские проекты, нацеленные на изучение связи языка с сознанием, мышлением, ментальностью и традиционной культурой народа, когда язык индоктринируется как культурный код этнической общности или нации (Сокровенное 2004). В предметной области такого рода исследований центральное место занимает изучение концепта как своеобразного орудия познания и осмысления картины мира (Тань Аошунан 2004). Исходной базой смыслового наполнения концепта «советскости» на материалах словарных источ-

Губогло Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, зав. Центром межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: guboglo@yandex.ru.

ников, включая толковые, этимологические, словообразовательные словари, тексты художественной и научной литературы, беллетристики, СМИ и публицистики, служит сопоставление его с социально-политическими однородными концептами «Советский Союз», «советское общество», «советский человек», «совок», «советский образ жизни» и др. (Тишков 2003; Флиер 2010; Чепкина 2009; Советский стиль 2011).

Выход в свет 8-томной «Антологии концептов» под редакцией профессоров В.И. Карасика и И.А. Стернина (2005–2011 гг.) знаменовал собой разворот междисциплинарных исследований, посвященных «концептам» или, иными словами, содержащихся в них смыслом. В аннотациях к томам указано, что издание «представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении» (Антология 2008: 2).

В каждом из томов содержится более двух десятков концептов без какой-либо систематической классификации и типологизации. Энтузиасты «концептологии» сочли возможным говорить о новом этапе развития отечественной лексикографии, назвав его «когнитивной лексикографией» или «лингвистической концептологией» (лингвоконцептология), цель которой «описать концепты и концептосферы лингвистическими средствами».

Особое впечатление в оценках сторонников этого направления вызывает уверенность в том, что в рамках лингвоконцептологии уже сложились Воронежская, Краснодарская, Волгоградская и Кемеровская научные школы, хотя по собственному признанию авторов и рецензентов многие итоги исследований и методических приемов находятся в процессе осмысления.

Сторонники более взвешенного подхода и более осторожной оценки нового направления указывают на то, что неправомерно считать 8 томов «Антологии» «словарем нового типа» по той простой причине, что в книгу «включены описания, выполненные на материале разных языков, разных эпох, частью посвященные одному языку, частью сопоставительные, исследования, выполненные в разных научных идеологиях, на основе разных методик и с привлечением инструментария разных наук» (Антология 2008: 18).

Отражая в известной мере состояние и атмосферу постсоветской науки, «Антология концептов» чем-то по замыслу напоминает 6-томный «Свод этнографических понятий и терминов», подготовленный учеными Советского Союза и ГДР, под общим руководством академика Ю.В. Бромля и Г. Штробаха и изданный на закате Советского Союза (Свод 1986–1995).

Для современных антропологических исследований, последовательно разворачивающихся лицом к человеку и его ментальности, особого внимания концептологических и понятийно-терминологических исследований заслуживает сравнительно-сопоставительный анализ концептов (смыслов) выраженных лексическими средствами, с помощью которых в наибольшей степени отражаются общие и этноспецифические особенности традиционной культуры народа. В предметной области этнологии/антропологии, особенно в практике этносоциологических исследований, были успешные попытки выделения понятий-терминов, отражающих, с одной стороны, внешний и внутренний мир человека, с другой – интра-, интер- и экстраэтнические явления и факты, в совокупности характеризующие состояние (скажем концепт) этничности (Брагина 2013).

Среди более чем 170 словарных статей, посвященных концептам, в т.ч. порой двум в одной статье и, напротив, одному концепту в двух статьях, нет ни одного материала о советскости.

Таблица 1

Список слов-терминов (концептов) в «Антологии концепций»

Том 1. 2005	Том 2. 2005	Том 3. 2006	Том 4. 2006
Быт	Америка	Русский язык	Время
Воля	Вода	Родной язык	Семья
Дружба	Встреча, приветствие, прощение, расставание	Добро и зло	Успех
Душа, сердце, ум	Грех	Воля	Деньги
Закон	Деньги	Свет и тьма	Материальное богатство
Здоровье	Домовой и русалка	Рай и ад	Победа и поражение
Красота	Дорога	Правда и истина	Застолье
Любовь	Дурак	Бог	Кочевье
Любовь и ненависть	Женщина	Ангел	Родина
Обман	Жизнь	Бог и дьявол	Германия
Приватность	Купля/продажа	Надежда	Социальный протест
Пунктуальность	Наказание	Любовь	Порицание
Свобода	Оскорбление	Дружба	Обвинение
Страх	Преступление	Стыд и вина	Конфликт
Тоска	Пространственная ориентация	Мечь	Спор
Удивление	Путешествие	Долг	Брань
Ум и разум	Риск	Судьба	Услуга
Форма	Россия	Мечта	Гарантия
Язык	Собственность	Одиночество	Футбол
	Торг	Мысль	Вода
	Труд	Интеллект	Цветок
	Умение жить	Смерть	

Таблица 2

Список слов-терминов (концептов) в «Антологии концептов»

Том 5. 2007	Том 6. 2008	Том 7. 2009	Том 8. 2011
Добро	Свободная страна	Свет и тьма	Добро и зло

Таблица 2 (продолжение)

Том 5. 2007	Том 6. 2008	Том 7. 2009	Том 8. 2011
Добро	Слава и позор	Радость	Счастье
Зло	Татарский язык, русский, английский	Волеизъявление	Родина
Злость	Провинция	Толерантность	Подвиг
Скромность	Путешествие	Толерантность	Смерть
Терпение	Путешествие	Терпимость	Небо
Страх	Возраст	Родина	Сердце
Антипатия	Возраст	Народ	Гордость и стыд
Гармония	Женщина	Запрет	Лицемерие и искренность
Культурный	Остроумие	Богатство и бедность	Воровство
Вежливость	Предательство	Зависть	Жертва
Женщина	Верность и предательство	Глупость	Мода
Семья	Здоровье и болезнь	Cool	Женщина
Детство	Труд	Fun	Брак
Война	Дом	Подарок	Дом
Труд	Театр	Питие	Старость
Демократия	Времена года	Винопитие	Человек
Демократия	Пища	Болезнь	Учитель
Значение		Похороны	Интернет
Деньги		Свадьба	Настольные игры
Воровство		Родство	
		Семья	
		Книга	
		Чай	

В завершающем серии «Свода этнографических понятий и терминов» 6-м томе «Этнические и этно-социальные категории» в алфавитном перечне словарных статей находим: государство, гражданство, двуязычие, диаспора, интеграция межэтническая, интернационализм, консолидация этническая, космополитизм, ксенофобия, культура этническая, мегаэтническая общность, миграция, национализм, национальная политика, нация, патриотизм, расизм, традиции этнические, самоопределение этническое,

символика этническая, советский народ, цивилизация, шовинизм, этнографическая группа, этнократия, этноцентризм и ряд других, без которых трудно себе представить описание смысловой нагрузки концепта советскость, но тем не менее ни концепт «советскость», ни «этничность» в этот том, как и во все предыдущие тома, не попали. Возникают вопросы, почему и что сегодня означают «советскость» и придуманная ее критиками понятия «совок», «совковость», несущие в своей коннотации уничижительность, раздражительность и неприятие (Лысенкова 2011).

Полезным источником для изучения советскости в лоне повседневности служит «Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки», созданная самоотверженным трудом доктора исторических наук Н.Б. Лебиной – автора и соавтора множества работ по истории советской повседневности. Наряду с предметами материальной культуры (жилье, одежда, мода, предметы обихода и средства передвижения) в паноптикуме (по словам рецензента, автора трехтомной истории повседневной жизни в России, профессора Цюрихского университета Карстена Герке), содержится масса слов – «тематических эссе» о формах поведения, обычаях и ритуалах, социалистических праздниках (Герке, интернет-ресурс). Без риска ошибиться назовем их языком новомодной концептологии – концептами, отражающими неологизмы и лексические новообразования западного происхождения (Герке 2009).

В неологизмах советского периода, особенно времен хрущевской оттепели и брежневского застоя, отражены сдвиги в стиле жизни советских граждан и изменения в их ценностных ориентациях. Трудно себе представить советскость как образ жизни без концептов, отражающих судьбу человека, основные контуры быта, дефицит, распределительные практики планового социалистического хозяйства, инновации, типа пижамы, считавшейся признаком мещанства, ставшей, однако, в после- сталинский период парадной одеждой курортников, знаменитые трусы до колен, по которым советского человека идентифицировали на всех зарубежных пляжах (Понятие судьбы 1994; Память как объект 2016).

Через анализ и расшифровку смыслов вещей, явлений и бытовых практик появляется возможность понимать людей советской эпохи и советскость как определенное цивилизационное состояние. Каждая словарная статья (концепт) – по словам одного из рецензентов «как окошко, через которое видна часть интерьера советского общества» (Ляский 2016).

Вещный мир, как иллюстрированное описание (концепты) отражены в ряде изданий, в том числе в коллективном издании «Время и вещи». Изображение внешнего облика городов, портретов и костюмов представителей различных социально-профессиональных групп (купцов, духовенства, полиции и жандармерии, дворян и бюрократии, детей и учащихся, работников транспорта и обслуживающего персонала) позволяет видеть те исходящие позиции, от которых отказалась или унаследовала «советскость» (Советский стиль 2011).

Уникальная информация собрана и отрефлексирована в ряде статей, в том числе в двух работах М.Ю. Тимофеева, о вещах, описаниях и названиях кафе, ресторанов и прочих питейных заведений, советскость которых интригует, удивляет, впечатляет своим «советским колоритом»: ленинградская «рюмочная», тбилисская «хинкальская», одесская «бodega», московские «пивные бары» и т.д. Реанимация советскости имеет место в незамысловатых прямолинейных названиях: ресторан-клуб «Советский», чебуречная «Советские времена», кафе «Пивная на Советской», «Советская

ностальгия», бар «Серп и молот», ресторан «Ленин жив», в Астрахани, Воронеже и Липецке предикат «Советский» отсутствует, но постсоветский человек получает услуги в кафе «Ностальгия» (Тимофеев 2012: 2, 62).

Советское гастрономическое прошлое в пресс-релизах и рекламных текстах порой сочетает в себе советское и антисоветское. Гатчинский ресторан советской и постсоветской кухни «Будь готов!» предлагает «Обед кулака», суп «Антисоветский», салат «Тимуровский», одновременно напоминая, как проходили «сбор металлолома», «пионерская зарница» или «поход в лес и на картошку» (Тимофеев 2012: 2, 72).

Читателя порой завораживает ироническое сочетание советизмов и антисоветизмов в описании ингредиентов блюд. Так, например, в меню ресторана «Совок» гостиницы «Россия» в городе Советское Калининградской области в описании блюд имплантированы известные каждому советскому человеку советизмы¹.

Число определений советскости нарастает как снежный ком, однако отсутствие хотя бы двух совпадающих концепций свидетельствует о том, что ясности не достигнуто. Наиболее активно интернет заселен дефинициями, предложенными российскими философами. Как ни парадоксально, но нарастание общественного интереса к освоению советскости началось после того, как идейные реформаторы с самого начала 1990-х годов начали систематическую атаку (Сомов 2015).

Согласно текстам одного из наиболее активно представленных авторов в интернете, философа Максима Евгеньевича Попова понятие (скажем – концепт) советскости «раскрывает сущность проблемы формирования и социокультурной динамики надэтнической идентичности советского человека» (Попов 2004).

И хотя идентификационный аспект толкования советскости признается ключевым, не отрицается необходимость осмысления практик повседневной жизни, доктринальные аспекты идеологии и политики, он все же ограничивает смысловое содержание и реальное наполнение концепта советскость. Примечательна красноречивая реплика-признание одного из заметных лидеров перестроечного времени Ю.Н. Афанасьева о том, что «советскость» как качественная характеристика нашей истории XX века – скорее продолжение российской исторической традиции, чем ее отрицание и преодоление» (Афанасьев 2016).

Мысль об исторических корнях «советскости» в жизни Императорской России удивительным образом нашла продолжение в трудах бывшего комсомольского и партийного работника, ныне профессора Опольского университета (Польша) Бориса Михайловича Лепешко, в частности, в его сравнительно коротком эссе-проекте «Царско-советско-русский крест», расшифрованном им самим как триединая, взаимосвязанная система концептов: «царскость», «советскость», «русскость». Широта его подхода к трем указанным концептам связана с пониманием и толкованием данных определений как несущих в себе ресурсное единство ментальных, мировоззренческих и метафорических характеристик, присущих обладателям этих концептов.

В последовательном изложении советской и постсоветской повседневности, формирующейся в качестве междисциплинарной исследовательской предметной области, центральное место занимает описание и характеристика советскости, проявляемой в растущем, как снежный ком, интересе к проблемам быта, вещей, семьи, частной жизни (Поляков 2000: 127).

«Изюминкой» и одновременно главным козырем «истории повседневности» выступает тщательное исследование повседневных практик рядовых людей в конкрет-

ных жизненных ситуациях, что вызвано стихийным или осознанным неприятием «институциональной истории», трактующей ход истории преимущественно на материале истории власти, институтов, доктрин и идей (Журавлев 2010: 19).

Опыты повседневной жизни характеризуют советскость не только с точки зрения правил и запретов советского времени, но и примерами девиантного поведения, в том числе способами уклонения и отступления от существующих нравственных и этических норм. Одной из наиболее впечатляющих характеристик советскости, особенно времен хрущевской оттепели и брежневского застоя, стало массовое пристрастие советских людей к чтению, закономерно принесшее гражданам СССР звание «самого читающего народа в мире» (Грачев 2017).

Те или иные аспекты советскости, например, тосты, анекдоты, пение хором, обычай наряжаться перед выходом на улицу, присесть перед дорогой, пожелание «с легким паром», не ходить в гости с пустыми руками, отмечать рождество, обращаться к подругам-пенсионеркам по школьной привычке «девочки» и ряд других коммуникативных акций проявляются до сих пор, наряду с ностальгическими чувствами по прошлой жизни.

«Сделано в СССР»

В книге «Сделано в СССР – 2013» содержатся 63 иллюстрированных очерка о забытых, полузабытых и сохранившихся до постсоветских дней вещах, интерпретируемых в качестве символов советской жизни, советизма и трендах советского образа жизни. В каждом очерке приведена краткая история создания вещи, о ее значении в быту, отношении к ним граждан. В конечном счете история вещи, ее предназначение и использование представляет особый способ исследования и репрезентации этнографии советскости на разных этапах истории советского общества.

Случайный подбор вещей-символов и тематически неупорядоченный порядок изложения собранных материалов, тем не менее, позволяет выделить и типологизировать предметы домашнего обихода, одежду, набор продовольственных товаров, детские игрушки и украшения для взрослых, парфюмерные изделия и, наконец, общегосударственные символы, которые вполне могут служить совокупным маркером советскости или брэндом советского государства. Популярные предметы домашней обстановки и обихода служили для удовлетворения повседневных материальных, духовных, этических и эстетических нужд.

Перечень и описание состава и обихода позволяет воспроизводить историческое пространство и опредмеченную индивидуализацию жизни обитателей советской цивилизации. У поколений россиян, вступивших во взрослую жизнь в советские времена, сегодня не могут не вызывать неподдельный интерес знаменитый граненый стакан и легендарная авоська, красный чайник в белый горох и треугольная упаковка молока, стенка и финский домик, часы «Победа», «Полет», «Слава» и радиоприемник «Маяк», телевизор «Темп-2» и пылесос «Ракета» или «Чайка». Перечислять предметы обихода можно до бесконечности...

Во втором десятилетии нового тысячелетия россияне далеко неоднозначно относятся к опыту советскости. Старшее поколение вспоминают о ней с сожалением, либералы оценивают отрицательно. В качестве брэндов советскости на передний план выдвигаются роль СССР в разгроме фашизма, первый полет в космос, бесплат-

ные медицина и образование, пропаганда коллективизма, дружбы, русского языка как «второго родного языка» нерусских народов, готовность жертвовать собой ради общего блага (Попова 2017: 195–196).

Немаловажным показателем советскости, как и советского образа жизни, служат продовольственные товары, входящие в ассортимент меню советских граждан. В книге «Сделано в СССР» специальные очерки посвящены цистернам с квасом и советскому мороженому, баночкам икры и салату оливье, банкам сгущенки и плавленным сыркам «Дружба», автоматам с газированной водой, конфетам «Мишка косолапый» и шоколаду «Аленка».

Ни одно монографическое исследование по этнографии того или иного народа не обходится без обстоятельного описания одежды, обуви и украшений. В качестве символов советской одежды указаны буденовка и кирзовые сапоги, сатиновые (до колен) трусы и байковые панталоны, школьная форма и спецодежда. Особое внимание уделено изготовлению тканей с промышленной графикой, с рисунками в виде простых геометрических форм, шестеренок, тракторов, самолетов, «лампочек Ильича».

Так это было...

Серьезное внимание строительству советскости уделялось в сфере воспитания подрастающих поколений. По рекомендациям психологов, подхваченных коммунистическими идеологами, в больших количествах изготовлялась и широко распространялась немудреная игрушка-погремушка кукла-неваляшка. Любовь к ней объяснялась не только тем, что это забавная игрушка. «Мужественно выстоять в любой самой сложной ситуации, не пасть духом, подняться после неудачи – вот эти черты русского характера символизировала маленькая куколка». «Мой характер не сломить, меня никак не положить. Хоть старайся-расстарайся. Никогда тому не быть».

Популярными среди советских детей и взрослых были скромные и неприязнательные куклы советского производства «пупсы» (из немецкого Puppe – «кукла») – любимая продукция советской кукольной промышленности. При этом бесполость куклы полностью соответствовала педагогическим установкам советскости, так как в Советском Союзе «секса не было», и вся нескромная тематика была затабуирована.

После официального разрешения праздновать Новый год, в 1935 году началось широкое производство игрушек для елочных украшений. Позднее было организовано производство видеоигры «Электроника».

Если исходить из посыла о том, что советская парфюмерия была связана со всеми аспектами советскости – экономическим, политическим, культурным, – то нельзя не признать, что парфюмерная продукция была не менее важна, чем продовольственные товары. Чрезвычайно популярными среди советских женщин, наряду с французскими духами, были духи «Красная Москва», среди мужчин – «Тройной одеколон», «Шипр». Советские кремы, отличающиеся в целом в составе декоративной косметики довольно высоким качеством. Большим спросом пользовался крем «Огни Москвы», тушь для ресниц «Бархатная», с 1970-х годов – «Нева» для бровей и ресниц, лак для волос «Прелесть», пудра, румяна, советский блеск для губ и гигиеническая помада.

Едва ли не каноническими и эффективными факторами воспитания советскости были пионерские лагеря, рабочие клубы, система школьного образования, в том числе наличие в каждой школе влиятельного заместителя директора школы по воспитатель-

ной работе. Стратегия отдыха и социализации детей, воспитание патриотизма, как основы советскости во многом зависела от начальства. В одних лагерях делали упор на отдых и оздоровление детей, в других на трудовое или патриотическое воспитание.

Наряду с локальными, личностными и групповыми показателями и маркерами советскости на территории всей страны осознавались в качестве общегосударственных символов флаг СССР, герб, серп и молот, общие денежные знаки, Кремль, Красная площадь, гордость советских людей за первый в мире спутник, за первого космонавта, скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница», пионерский галстук, горн, барабан.

Брэндом советскости сталинского разлива можно, пожалуй, считать высотки, «составляющие особый замысел Сталина, реализованный зданием МГУ, домом на площади Восстания, на Котельнической набережной и гостиницей “Ленинградская” у трех вокзалов, и... оставшийся нереализованным, который судя по проекту» должен был начисто подавить образ Кремля своими размерами (Козлов 2017: 169–170).

Чрезвычайно популярными были коллективные поездки на «картошку», на «уборку винограда», турпоходы, телепередачи «Клуб путешественников», «С добрым утром», «Репортажи с футбольных матчей», демонстрации 7 ноября и 1 мая, военные парады, интерес к Олимпийским играм и лекциям о международном положении.

Советскость – это набор вербальных и невербальных привычек, убеждений и поступков, от которых в немалой мере зависит карьера, жизненный стиль, счастье и психологический настрой.

Барды и авторские песни, проникающие, по словам Владимира Высоцкого «не в уши, а прямо в души». Эти песни обладали невероятной магией и вместе с тем обладали флером оппозиции профессиональной эстрадной песне и более того, несли в себе потенциальный заряд социального протеста.

Общепризнанными лидерами авторской песни были Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Александр Галич, Юрий Визбор, Юрий Кукин, Вероника Долина, и ряд других менее популярных, но не менее любимых публикой. Советское правительство вынуждено было прекратить гонение и признать творчество авторов самодельной песни.

Отдавая себя служению Отечеству и пытаясь внести свой вклад в позитивный имидж Отечества, композиторы и поэты с риском для своей карьеры выступали порой с весьма едкими пародиями и откровенной критикой существующего режима и советскости. Во время одной из своих лекций Ю.А. Левада вспомнил пародийное четверостишие Никиты Богословского: «Над страной холодный ветер веет. Не хотим веселых песен петь. И никто на свете не умеет лучше нас смиряться и терпеть». Многие факты, этапы истории и личности отечественной культуры отчетливо выражены в привычках.

Привычки, ассоциированные с суевериями или устаревшими этическими нормами

С течением времени артефакты и ментифакты советского прошлого приобретают важное значение, в том числе и для современной молодежи (Самов 2015: 13). Важная в концептуальном плане эскизная характеристика советскости как «советской жизни» на исходе XX века была дана академиком В.А. Тишковым. В ней, по его словам, «что-то было задавлено, как например, гражданские свободы и уважение человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось, как, например, социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было

просто недостижимо в силу неэффективного хозяйствования и плохого управления, как, например, личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность» (Тишков 1999: 13).

Советскость – доктрина эпохи сталинизма: от становления и расцвета до агонии саморазрушения

Этнография советскости как крупная научно-исследовательская задача и как важная зона в предметной области этнологии/антропологии впервые отчетливо была выдвинута на III Конгрессе этнографов и антропологов России (1999 г.) в завершающем году прошлого столетия. К сожалению, за истекшие почти два десятилетия нового, XXI века, мало, что удалось сделать в этом направлении. По крайней мере, лоскутная историография этой проблемы убеждает, что философы и историки продвинулись больше, чем этнографы/этнологи/антропологи по той простой причине, что цена этнологического/антропологического исследования «в поле», в постсоветский период возросла неизмеримо больше, чем кабинетная работа общетеоретического плана.

По М.Е. Попову «Советскость – это совокупность культурных стереотипов социального и культурного поведения, которые, в свою очередь, формируются и управляются соответствующими социальными, идеологическими и культурными институтами. Социокультурный смысл советскости состоит в приобщении к надэтнической общности сограждан страны “реального социализма”. В зависимости от места этнических идентичностей в социокультурном пространстве советской принадлежности, человек располагал разными возможностями доступа к жизненным ресурсам. Во многих случаях этническая идентичность означала на практике разные стартовые возможности и разные ресурсы делания карьеры в советском обществе (при официально декларируемом этническом паритете и гражданском интернационализме в соответствии с советскими демократическими принципами)» (Попов 2012).

Этнографический подход к осмыслению советскости и этапов ее развития в истории советского общества необходим в связи с появлением в широкой печати весьма нелепых утверждений. Так, например, в газете «Московский комсомолец», одной из самых популярных на заре нового тысячелетия автор, хирург по профессии, в статье с вызывающе эпатажным названием «Ржавые социальные лифты совка» (Пяттов 2017), пытается огульно, без каких-либо фактов, отрицать роль образования в вертикальной и горизонтальной мобильности советских народов. Он, в частности, утверждает: «Принцип отбора “по социальному отбору” крайне жестко действовал примерно первые сорок лет существования “совка”» (Пяттов 2017).

Чуть ниже, саморазоблачая ошибочность своего тезиса, он поясняет: «Во времена хрущевской «оттепели» наступило некоторое послабление, но полностью этот принцип не был отменен до самого развала СССР» (Пяттов 2017). Следовательно получается, что «совок», как продукт и как носитель советскости, существовал 40 лет – выходит, с 1917 по 1957 год, что не подтверждено никакими фактами и никакими исследованиями. Между тем, за реальное и форсированное «изготовление» совка И. Сталин целеустремленно приступил в первой половине 1930-х годов, разочаровавшись в идеалах интернационализма 1920-х годов и совершив переход на позиции государственника. При подготовке знаменитого Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от

15 мая 1934 года, И. Сталин, по словам тогдашнего наркома просвещения А.С. Бубнова «взял инициативу на себя и сам непосредственно строчку за строчкой, букву за буквой, запятую за запятой отредактировал это решение» (Цит. по: Сталинизм 2017).

В соответствии с этим документом усиливался контроль над школьной системой образования и одновременно расширялись масштабы репрессий 1936–1938 гг. Преподавание истории становилось мощным рычагом и фактором воспитания патриотизма, как неотъемлемой составной части советскости и одновременно возвышения личности вождя.

Подлинной доктринальной энциклопедией культа личности и одновременно теоретико-методологической основой советскости как показательной составной части сталинизма стала книга «История ВКП (б). Краткий курс», отредактированная И. Сталиным и увидевшая свет в 1938 году. Важную роль в воспитании советскости играл «стабильный» школьный учебник по истории СССР для 10 класса, подготовленный на основе «Краткого курса», в котором И. Сталин изображался выдающимся организатором и руководителем Советского Союза, вдохновителем и организатором индустриализации и колхозного строя, обеспечившим успех «культурной революции» и условия счастливой жизни (*Ахизер* 1997).

После смерти И. Сталина в учебнике, изданном в 1954 году, и далее в середине 1950-х годов, продолжилось изложение сталинской схемы истории страны в XX веке, хотя она и была подправлена неосталинской трактовкой. Следовательно, вопреки периодизации в 40 лет, приведенной в «Московском комсомольце», нижние границы становления советскости очерчены серединой 1930-х годов, а не 1917 годом, а верхние – развалом Советского Союза и далее в постсоветский период сохранились в отдельных предметах «вещного» мира и в духовной жизни россиян.

Советскость: становление, расцвет и увядание

Если подходить к описанию советскости не из «мышьиной норы», а масштабно, с «высоты птичьего полета», и циклично с учетом рождения, расцвета и упадка (но не гибели), то можно выделить в качестве предтечи плоды новой экономической политики (НЭП) как ранний период индоктринации идеала всеобщего согласия, а также одновременно провозглашения новой этнической политики на X съезде ВКП (б), с целью помочь отсталым народам в успешной модернизации ускоренными темпами. В основу экономической политики была заложена соблазнительная идея об «американской мечте», т.е. «мечта об обществе» процветания и благополучия, в основу этнической – стратегия affirmative action, т.е. создание условий для оказания искусственной помощи отсталым народам. В совокупности обе политики – экономическая и этническая – заложили основу «раннего идеала всеобщего согласия» и одновременно предтечу советскости. Несостоятельность этнического аспекта НЭПа выявилась, когда политические элиты некоторых отсталых в прошлом народов, не только догнали по некоторым показателям ушедших вперед, но и перегнали по уровню претензий и по стремлению сохранить и приумножить социально-экономические и этнокультурные льготы, предоставляемые государством в соответствии с изживающей себя политикой affirmative action.

Решительный шаг в становлении советскости материально-вещного и духовного становления советского человека, был сделан в 1930-е годы в период сталинизма, оли-

цетворявший собой торжество крайнего авторитаризма и разгул массовых репрессий. Однако именно в этот период «единство народа и власти достигло высшей точки». Загадка, абсурдность этой исторической реальности заключается в причастности к истреблению граждан в громадных масштабах и еще в том, что реализацию курса на доносительство и террор поддерживала едва ли не вся страна, ввергнутая в состояние самоистребления и саморазрушения. Трагическая противоречивость формирования (социализации) советского человека, превращение его в совка, состояла в том, что он оказался в смертельной схватке между ценностями коллективизма и индивидуализма, втянутым в борьбу, в которой он становился то жертвой, то палачом. Одновременно сильнейший по разрушительной силе удар сталинизм нанес по нравственности людей, морально освобождая их от стыда и совести во имя высших целей. Индоктринация сталинизма означала реанимацию такой древней ментальности, в основе которой лежала не собственная активность советских граждан, а инициатива и влияние внешней среды. Народы Советского Союза, в том числе воспитываемые политикой affirmative action, превращались в «винтиков системы», в иждивенцев, не способных сохранять собственное достоинство и этнокультурную самобытность.

Советскость как принцип организации жизнедеятельности еще не успел закрепиться в повседневной жизни, как стали видны ее разрушительные интенции. Самоотрицание уравнительности первыми осознали крестьяне, ответив уже на рубеже 1929–1930-х годов вспышками возмущения, волнениями и бунтами. Главный трагический результат коллективизации и связанного с ним раскулачивания, состоял не только в ударе по производительности труда, но и в девальвации трудовой этики, а также по реанимации архаических форм труда, в создании идеологически извращенных производений культуры. Отрицание рыночного хозяйства вело к его натурализации. Серьезный удар авторитаризма по свободе и закрепощенности советских граждан нанесло постановление ЦИКа и СНК СССР от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов».

Историки и философы до сих пор не могут разгадать загадку «великого террора», сыгравшего трагическую роль в формировании страха, апатии и уныния у значительной части населения. В основе террора лежал внедряемый большевистской пропагандой концепт преобладания мирового зла над добром, отрицание принципов нравственности, игнорирование совести и морали, как не способствующих борьбе с нарастающей межклассовой напряженностью. Тотальная атеизация вела к возрождению язычества, оказывающего разрушительное влияние на этнополитическую ситуацию в стране, на распространение страха и страхов в массовом масштабе, как особого типа социальных отношений.

Смерть И. Сталина означала формальное завершение самого парадоксального этапа в истории страны. «... И началась другая русская история XX столетия, – как пишет один из авторов книги “Москва: место встречи”, поясняя, – с той же вечной ласковой гнильцой, но уже без кровавых потоков» (Архангельский 2016: 488). Парадокс сталинской советскости заключался в попытках истреблять одну часть общества силами другой ее части. Массовая реакция на смерть вождя является важным антропологическим, до сих пор аналитически не освоенным феноменом. Как себе объяснить, почему на общешкольной линейке я, ученик 6-го класса, рыдал от страха и отчаяния вместе со всей школой, оплакивая конец правды. Однако, когда вернулся из школы домой, в окружение спецпереселенцев, депортированных в 1949 году из

Молдавии, услышал, как кто-то неосмотрительно, но мстительно произнес: (на гагаузском языке – «Allah Verdi geberdi») «Слава, Богу, сдох». Между тем дело обстояло таким образом, что завершение абсурдности реальности превратила даже смерть «вождя народов» в абсурд.

Перед руководителями Советского Союза возникла задача по пересмотру системы ценностей, на которых держалась советскость при сталинизме, в том числе повышать образовательный уровень правящей элиты и бюрократии и подрывать слепую веру населения в мифы.

Обновление правящей элиты, особенно после знаменитого XX съезда КПСС в 1956 году, сопровождалось изменениями в системе советскости и порождало надежды на оптимизацию социально-экономической, этнополитической и культурной жизни. Важнейшей из надежд была вера в то, что наступает пора для реального воплощения правды социализма на основе всеобщего согласия. Поставленная, как оказалось утопическая, задача по ускорению экономического развития общества порождала растущий утилитаризм, основанный на культивировании гедонистических устремлений и на желании удовлетворения потребностей в благах. Реформы, наспех проведенные Н.С. Хрущевым по политической децентрализации, привели к административному локализму, разрушающему авторитаризм, но не внедряющему демократию. Волонтаризм, как новая особенность советскости периода оттепели, привел к тактике саботажа или стихийному протесту руководителей среднего и низшего звена. Руководители хозяйств, в том числе председатели колхозов, «овладели» тактикой разрушительных интерпретаций директив и установок, идущих сверху, или имитацией выполнения установочных циркуляров. Вместо реального продукта научились составлять комфортные отчеты о нем (*Ахиезер* 1977). Предпринятое Хрущевым наступление на частные инициативы, в том числе ограничение приусадебных участков и личного хозяйства, означало новое издание авторитаризма, и как ответ, последовало накопление социальной энергии, выразившееся в падении доверия к власти, к росту неслыханного цинизма и насмешек над политической элитой и самим Хрущевым.

Не обладая достаточным политическим чутьем и профессиональным авторитетом, необходимым для харизматического вождя, Н.С. Хрущев попытался лозунгами утилитаризма сменить курс аскетизма на гедонизм. Однако консервативный характер общества, толкавший его на стратегию принудительной модернизации, не обеспечил рост материальных благ и подорвал основы «всеобщего доверия». Таким было начало конца сталинской советскости (*Ондар* 2016).

Еще одним разрушительным импульсом и одновременно роковой ошибкой партийного руководства страны стал Всемирный фестиваль молодежи, состоявшийся с 28 июля по 11 августа в Москве. Во-первых, он манифестировал миру новый облик страны и внес в идеологему советскости открытость, миролюбивость и демократичность, во-вторых, стал стартовой точкой начала краха советскости «сталинского разлива», в-третьих, породил поколение диссидентов различной степени радикализованности от так называемых стилиаг до патриотов «с фигой в кармане» и «внутренне эмигрировавших» представителей творческой элиты, в-четвертых, способствовал зарождению нового поколения партийно-комсомольских активистов, все понимающих изнутри, но внешне преданных советскости.

Именно из их состава в первые постсоветские годы рекрутировались активные сторонники гайдаровских реформ и чубайсовской приватизации. Многие из них прошли

школу перевоспитания советскости от лозунга «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» до «модернизационных художеств» Н. Хрущева, таких как кукурузная кампания, попытки игры «в перегонки» с Америкой, обещание построения коммунизма в 1980 году, Берлинский, Карибский кризисы, очереди за хлебом, разрыв с Китаем из-за разоблачения культа личности И. Сталина, гонения на Б.Л. Пастернака, В.С. Гроссмана, А.Т. Твардовского и А.И. Солженицина, скандал в Москве и встречи Хрущева с художественной интеллигенцией (подробнее см.: *Аксютин* 2004: 243–404; *Ондар* 2016, 29–35).

Этап советского застоя

В годы правления Л.И. Брежнева (1964–1982), получившие название «развитого социализма», или по простонародному – «застоя», «советскость» характеризовалась попытками официальных властей сместить мифологию романтической мечты о процветании в грядущем к идеалу спокойной жизни, выражающемуся в неудовлетворительности достигнутым. Одним из красноречивых примеров этой стратегии было стремление к формированию новых ритуалов, характерных для советского человека периода развитого социализма (*Попова* 2017).

В формировании облика советскости известную роль на рубеже оттепели и застоя сыграли так называемые лимитчики, получавшие работу и временную прописку в крупных городах. Наряду с категорией лимитчиков немаловажным показателем советскости в ее поздней редакции накануне перестройки и последующего развала Советского Союза сыграла монополия дефицита – социальное явление, охватившее широкие массы людей, от продавца овощного магазина до первых лиц государства. Определяя образ жизни советского человека, дефицит консервировал советскость и служил средством для руководства страны, укрепляя коммуникационные связи ее частей.

Еще одной знаменательной гранью в период развитого социализма стало разномыслие, ставшее катализатором и возбудителем нравственного беспокойства в обществе. Пробивая цензурные рогатки, художественная литература в ее лучших произведениях, пыталась раскрыть бездну нравственного падения людей, искушенных дефицитом, охваченных жаждой вещиц, имплицитно отвергающих лживость официальной пропаганды.

Перестройка

Трагедия последовавшего после брежневского застоя дозревания, или точнее сказать, перезревания советскости, состояла в том, что любые попытки М.С. Горбачева преодолеть скрытый раскол между консервативно-коллективистскими и либерально-индивидуалистскими ценностями оканчивались неудачей.

В конечном счете, маргинальное состояние, в котором оказались носители советского образа жизни, в годы горбачевской перестройки привела к развалу Советского Союза но, как и следовало ожидать, к частичному сохранению советскости. Своим отрицанием всего предшествующего опыта советской истории либеральная доктрина нанесла разрушительный, хотя и не сокрушительный удар не только по советскости, но и по самой себе. Специфика противоречивости и маргинального состояния советскости заключается в том, что различные ее компоненты могут до поры до времени двигаться в противоположных направлениях, до тех пор пока не

произойдет полное отмирание или адаптация к вызовам модернизации. Нарастание влияния либерализма в ходе вялотекущих гайдаровских реформ имело место при одновременном усилении ностальгических настроений и при активизации консервативных сил и убеждений.

Трагический развал, если не сказать саморазвал Советского Союза, во-первых, не вызвал гражданскую войну, как это случилось в 1917 году, во-вторых, не привел к уничтожению почвенных корней классической отечественной культуры, унаследованной Советским Союзом от Императорской России, в-третьих, радикально-либеральная попытка полного низвержения советскости как социокультурного феномена оказалась несостоятельной по причине корневой устойчивости культурных интеграторов, как глубинных ценностей, сохранившихся в недрах исторически сложившейся надэтнической общности советского народа, без каких-либо усилий доктринально переименованной в российскую нацию.

Обращение к историческому опыту, какой бы краской он ни был окрашен, позволяет рельефно представить заложенные в многовековой традиционной культуре народа мироохранительные и миротворческие интенции и ресурсы (*Губогло* 2016), которые подпитывают постсоветскую советскость оживляющей энергией. Вместе с тем, исторический опыт может служить весомым аргументом в деле выявления и анализа культуросгенных корней советскости, феномен которой некоторые сторонники либеральных убеждений предвзято истолковывают исключительно в качестве «продукта» Сталина и сталинизма.

Нарастание ностальгических настроений по поводу стабильной и спокойной жизни брежневских времен, начавшееся в первом десятилетии XXI века, совокупно с продолжающейся изощренной пропагандой потребительства как основы демократического образа жизни и подражания американской мечте оказало сильное влияние на пересмотр ценностей бывших советских граждан и детей, родившихся после развала Советского Союза. Бомбой замедленного действия оказалась внедряемая доктрина гедонизма, укоренившаяся у неискушенной части молодежи, быстро перенявшей потребительские привычки и навыки из репертуара американской мечты, но не усвоившая основную заповедь американизма – культ труда как основу рациональной американскости вместе с эмоциональным осознанием труда, как добродетели и высокой нравственной нормы.

К чему это привело, хорошо видно на примере подготовки и проведения выпускных вечеров в Москве после завершения средней школы в 2017 году. Они превратились в соревнование тщеславия родителей, а дети оказались жертвами социального неравенства родителей. Наряды для выпускниц состоят не из одного, а трех платьев – строгого коктейльного, которое надевается на вручении аттестата, второе – вечернее, более изысканное, как правило в пол, необходимое для вечернего бала и, наконец, третье – для утренних прогулок после банкета. При этом средняя цена приличного платья колеблется от 30 до 50 тысяч рублей, а возможности родителей, разделенных прогрессирующим социальным неравенством, колеблются от 20 до 100 тысяч рублей. Подготовка к выпускному вечеру становится, во-первых, испытанием не для слабонервных, особенно для родителей и детей, не имеющих возможности заплатить за стоимость «вечера» в несколько сот тысяч рублей.

Во-вторых, родители, не имеющие таких денег, ставят своих детей в дискомфортное положение, которое травмирует их на всю жизнь. У малообеспеченных

подростков формируется обостренное чувство несправедливости, болезненное самолюбие, ведущее к стрессу и мотивам девиантного поведения. В-третьих, сами родители берут кредит, чтобы покрыть расходы на выпускной вечер, а потом расплачиваются годами. Это одна из неприятных тенденций второго десятилетия XXI века, в ходе которой недобросовестные кредитные организации выдают деньги не только родителям, но и самим выпускникам под огромные проценты. Материалы, заимствованные из статьи в «МК» (23 июня 2017), метафорически названной «Деньги на вечер», хотя точнее было бы назвать «Деньги во вред», а не ассоциативно «Деньги на ветер», потому что за дань гедонизму, общество рискует потерять целые поколения иждивенцев, готовых к безумным тратам и роскошеству, не заработав своими силами ни копейки (Боброва 2017: 5).

Значительная часть молодежи, опьяненная свободой и потребительством, упоенная возможностью лучше развлекаться, чем упорно трудиться, бросает мрачную тень на будущее страны, в которой русская идея вряд ли когда-либо сравняется с американской мечтой. Даже беглое сравнение ряда случайно избранных ценностей российской и американской доктрины, советскости и ее маргинального продукта – совковости с американскостью, показывает серьезные цивилизационные различия между ними. По одну сторону – паритет и культ труда, протестанская бережливость и накопительство, по другую – ориентация на полиактивность, надежда не на себя, а на государство или на трудовой коллектив, по одну – рациональность и устремление на мобильность, по другую – на эмоциональность и безответственность (Лепешко 2012).

Однако не только ностальгия по прошлому, старательно провоцируемая СМИ страсть к потребительству вместе с морально устаревшей и оскудевшей антисоветской риторикой порождают возрожденческие устремления и реанимационные импульсы – обращение к советскости.

Вдумчивые, рационально мыслящие эксперты полагают, что «советское» заполняет собой вакуум, который стихийно образуется, потому что новая эпоха (постсоветская – М.Г.) не создала ни позитивных символов, ни общепризнанных достижений. <...> Другая причина в том, что «советское общество воспринимается как общество с коллективными целями, которые действительно достойны того, чтобы к ним стремиться» (Сомов 2015: 13).

Известный российский писатель и ученый, Алексей Варламов – ныне ректор Литературного института им. А.М. Горького, – хорошо знакомый с советскостью и американизмом, считает США «страной великих возможностей и путешествий, страной очень патриотичной», однако считает себя в долгу перед Автозаводской улицей в Москве, где прошли его школьные годы, где закладывались основы советскости, и на которую он, рано или поздно, вернется «потому что родину из состава крови вытравить невозможно» (Варламов 2017: 482–483).

Со временем нашим согражданам станет ясно и понятно, что «канализация человеческой энергии на труд» и стремление к успеху являются необходимым условием гигантских достижений капитализма, благодаря которым появилась возможность успешного решения проблемы производства товаров в достаточных объемах, хотя и не столь успешно решалась не менее важная задача – обустройства социальной жизни, «обустройство» души и духовной жизни человека (Зиновьев 2014).

Более того, в наступивший информационный век интернета россиянам можно будет самым убедительным образом убедиться, как в некоторых благополучных странах западного мира

«односторонне сосредоточившись на технике и потреблении материальных благ, человек утратил контакт с самим собой, с жизнью» (Фромм 1993: 220).

Более того, как считают многие современные западные исследователи (Жак Эллиуль, Льюис Мэмфорд) и солидарный с ними Эрих Фромм, в США и ее странах-союзниках социально-экономическая и социокультурная система покоится «на принципе максимального потребления», поскольку над ними бродит не прежний призрак коммунизма, а «мертвящий призрак бесчеловечности», а «значительная часть населения, уже вкусив полного удовлетворения материальных потребностей, обнаружила, что потребительский рай не приносит обещанного счастья» (Фромм 1993: 221, 222).

Заключение

Чтобы понять и осмыслить свет и тени, приливы и отливы советскости, надо научиться «жить долго», чтобы видеть и увидеть происходящее с некоторым временным лагом.

В смещении ценностей сталинского аскетизма к американскому гедонизму немаловажную роль сыграла хрущевская оттепель, продолженная в брежневском застое. Доктрина советскости в эти два этапа вступила в турбулентный период, по той причине, что лозунг «Догнать и перегнать Америку» отражал две действующие в противоположном направлении тенденции развития страны: пропаганда потребительства не имела ничего общего с экономикой и тем более с демагогическим заявлением Н.С. Хрущева, сделанным на очередном съезде КПСС в 1961 году, о том, что в Советском Союзе коммунизм будет построен уже в 1980 году (Ондар 2016: 35).

К сожалению, скоротечно принятая стратегия гедонизма в обмен на опостылевший аскетизм, не была подкреплена, как это случилось при реализации «американской мечты» в США, повсеместным и повседневным культом труда, трудоголизмом, ростом производительности и бережливости к опредмеченным результатам своего труда, к окружающей среде и инфраструктуре мест обитания (Флиер 2010).

Либеральную часть интеллектуальной элиты постсоветского времени редко интересовали вопросы межэтнических отношений, о которых упоминается лишь случайно, мимоходом. Ориентированные на Запад, на европейскую культуру и на английский язык, многие представители творческой интеллигенции не считают своим долгом оказать поддержку русскому языку, теряющему свои позиции на мировой арене, в том числе в бывших союзных республиках. Наряду с другими факторами, это ведет к маргинализации советскости в концептуальных рамках которого пребывает значительное большинство россиян.

К числу негативных последствий канонической советскости относится по данным социологии дефицит идеи индивидуальной ответственности у ряда постсоветских граждан «Видимость процессов “демократизации” (наличие свободных выборов, многопартийности, свободы прессы, декларированные права меньшинств) – считает известный советский и российский социолог Лев Гудков, – не должны вводить в заблуждение, поскольку они никак не поддержаны снизу», не подкреплены массовыми интересами и движениями, не опираются на соответствующие ценности и моральные принципы, в том числе на представления о правах человека» (Гудков 2004: 680, 681).

Многие черты политической истории, материально-вещной и духовной культуры, характеризующие советскость, пробивают асфальт забвения подобно весенней поросли и предстают перед новыми поколениями в противоречивом и загадочном свете. Современных людей, не страдающих от дефицита информации, наследие советского прошлого не оставляет равнодушными. Нарастает раскол дискурса по поводу сущности советскости – советского человека. Критики советскости, не жалея черных красок, изображают социокультурный тип носителя советскости ненормальным человеком, неудачником, «психологически ущербным социальным типом». Настойчивая антисоветская риторика СМИ и некоторых научных изданий вызывает по закону бумеранга острый интерес к советскости. В обличии советскости и совковости некоторые либерально настроенные ученые усматривают отрицательные черты советскости в глубинах российской истории, как историко-генетический опыт, унаследованный от опричнины до черносотенства, опыта, подхваченного и закрепленного сталинизмом в годы большого террора. При этом у подобных критиков советизма хватает черных красок для изображения совковости и русскости в единой типологической окраске. Что остается в сухом остатке? Очернительный подход, замалчивание «вещного» (Тимофеев 2017), «самодеятельной», «художественной» составляющей в облике и характере советского человека блокирует раскрытие логической сущности советского человека и советскости как идентификационного феномена советской социокультурной цивилизации.

Примечания

¹ Салаты «Пятилетка» (Идейно выдержанная смесь сочных помидоров, обжаренной грудинки, тостов и нежного соуса), «Сибирские просторы» (Буржуйские креветки, строящие светлое будущее с лесными грибами, луком пореем, помидорами и майонезом), «Седьмое чувство» (Вкусная смесь из купленной по благу ветчины, сыра, помидоров и майонеза), «Разговор с товарищем из...» (После такого разговора, приходит на ум мнение, что любой язык уместен только в салате), Сельдь под шубой (Под шубой из отварных овощей и майонеза притаилась жирная селедка в ожидании светлого будущего), «Цезарь» (Украденный агентами КГБ рецепт буржуйского салата, долго пролежавший в секретных архивах * с жареной копченой грудинкой), «БАМ» (Трудовое соперничество отварных кальмаров, зеленого горошка, яиц, свежего лука), «Греческий» (Модный во все времена салат из купленного из-под полы сыра «Фетаки», помидоров, красного репчатого лука, маслин и оливкового масла), «Обкомовский» (Партсобрание овощей, чернослива, грецкого ореха, куриного филе и свежего майонеза), «Коммуналка» (Любимый всеми хозяйками Советского Союза салат из огурцов, помидоров, зеленого лука и заправки на Ваш выбор), «Министерство культуры» (Очень культурный и легкий салат из томатов-черри, креветок и ананасов, заправленных воздушным, сладким йогуртом по рецепту знаменитой Катюки Фурцевой), «Привет из Пекина» (Наследие великой Советско-китайской дружбы — подарок поваров из Поднебесной страны, а именно кальмары со свежими овощами и оригинальной китайской заправкой). Холодные закуски: красная икра с маслом и тостами (Отрада секретарей горкомов и обкомов всех всего бывшего СССР), тартар из лосося (Лосось, прошедший через застенки НКВД с мелко резанным луком и соусом а ля Берия), строганина из лосося (Любимое всеми вождями (и не только) блюдо, — рекомендуем употреблять с водкой или отварным картофелем), сельдь с картофелем и маслом (Без водки! Для тех, кто не опаздывает на партсобрание), Угорь горячего копчения (Ночной воришка гороха, весьма уважаемый в кабинетах на Старой площади). Рыбное ассорти «Продуктовый набор» (Быстрый лосось, уважаемый угорь, дефицитные шпроты, красная икра, масло, зелень, лимон, ожидающие Вашего приговора). Сало «Самостийна Украина» (Який ж русский не любит сала), «Гастроном № 5» (Холодная буженина с хреном и горчицей). Оливки и маслины (Привет от итальянских коммунистов). Ассорти овощное «Грачи прилетели» (Помидоры из солнечно-

го Азербайджана, огурцы из хлопкового Узбекистана, сладкий перец из Армении, редис из Грузии, лук — родной). Авокадо «Слезы пионерки» (Заграничный авокадо, фаршированный креветками, ветчиной, ананасами и прочими непонятными вещами), закуска к водочке «Вся власть Советам» (Маринованные огурчики, сало, грибки, копченая колбаса, собравшиеся в тарелке на митинг), бастурма «Измена Родине» (Еще один представитель дефицитных товаров — вяленая говядина в ароматных специях, очень подходит к пиву), сухарики с сыром к пиву «Пленум ЦК» (Комментарии излишни), отварной язык «Находка для шпиона» («Не болтай по телефону, болтун — находка для шпиона»). Порой авторам меню отказывает чувство меры и вкуса, но как концептуальный проект это меню обладает и художественной ценностью. Горячие закуски: жульен «Домна» (Шампиньоны, мясо птицы, сыр, запеченные при температуре плавления чугуна), «Мартен» (То же самое, но с ветчиной) (Тимофеев, 2012, 73).

Литература

- Аксютин* 2004 — *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
- Антология* 2005 — Антология концептов // научные редакторы В.И. Карасик, И.А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1,2, 2005; т. 3, т. 4, 2006; т. 5, 2007; т. 6, 2008; т. 7, 2009; т. 8, 2011.
- Архангельский* 2016 — *Архангельский А.* Матвеевка: братство матрешки // Москва: место встречи: городская проза / сост. Елена Шубина, Алла Шлыкова. М.: АСТ, 2016.
- Ахиезер* 1997 — *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему, 2-ое изд., перераб и допол. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997.
- Березин* 2017 — *Березин В.* Чернила февраля // Москва: место встречи, М.: АСТ, 2017. С. 91–107
- Боброва* 2017 — *Боброва Ирина.* Деньги на «вечер» // Московский комсомолец, 25.06.2017.
- Брагина* 2013 — *Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. М.: ЯСК, 2013.
- Вайль, Генис* 2001 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека, изд. М.: НЛЮ, 2001.
- Варламов* 2017 — *Варламов А.* Автозаводская / Москва: место встречи. М.: АСТ, 2017. С. 467–486.
- Гаврилов* 2017 — *Гаврилов Ю.* Банный день. Сандуны / Москва: место встречи: М., АСТ, 2017.
- Георгиева* 2011 — *Георгиева О.Н.* Антология концептов. Добро и зло. Волгоград: Парадигма, 2011. Т. 8. С. 3–21.
- Грачев* 2017 — *Грачев Сергей.* «Россия подобна дембелю» Павел Лунгин — о плодах свободы, мутации культуры и сильной армии // Аргументы и факты, 2017. № 26 (1911), 28 июня — 4 июля.
- Губогло* 2016 — *Губогло М.Н.* Бинарные оппозиции в культуре гагаузов: миротворческие и конфликтогенные ресурсы (лексико-семантическое исследование) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. № 254.
- Гудков* 2004 — *Гудков Лев.* Негативная идентичность. Статьи 1907–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Евсеева, Чернова* 2007 — *Евсеева Т., Чернова А.* «Мир вещей» // автор-составитель Т. Евсеева. Аванта, 2007.
- Емельянов* 2009 — *Емельянов С.А.* «Феноменология русской и американской мечты. Россия между ДаО и Логосом». М., 2009.
- Журавлев* 2010 — *Журавлев С.В.* История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки / А. Людтке. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 3–27
- Зиновьев* 2002 — *Зиновьев А.* Русская трагедия (гибель утопии), М.: ООО изд-во «Алгоритм», 2002.
- Герке Карстен* 2009 — *Герке К., Лебина Н.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб: Дмитрий Буланин, 2006.
- Козлов* 2017 — *Козлов А.* Под боком у Кремля / Москва: место встречи. М.: АСТ, 2017.

- Лебина* 2006 – *Лебина Н.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки, СПб: Дмитрий Буланин, 2006.
- Левада* 2004 – *Левада Ю.А.* Человек советский / Социология перестройки: глас общества. URL: <http://www.agitclub.ru>. Дата обращения: 11.10.2017.
- Лепешко* 2012 – *Лепешко Б.М.* Нравственность против прагматизма и креативности // Социально-политические науки, 2012. Вып. 4. С. 101–104. URL.: <http://socionet.ru>. Дата обращения: 11.10.2017.
- Лысенкова* 2011 – *Лысенкова В.В.* Культуросозидающая сущность философского образа жизни. Харьков: Харьковская государственная академия культуры, 2011.
- Лярский – Лярский А.Б.* Рец. на: *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: культура, символы, знаки. СПб: Дмитрий Булавин, 2006. URL.: <http://docviewer.yandex.ru>. Дата обращения: 11.10.2017.
- Москва 2016 – Москва: место встречи. Городская проза / сост. Елена Шубина, Алла Шлыкова. М.: АСТ, 2017.
- Ондар* 2016 – Ондар Чимит-Доржу. Время меня опережает. Кызыл: «Кооператив журналист», 2016.
- Память как объект 2016 – Память как объект и инструмент искусствознания / сост. Е.А. Бобринская. М.: Гос. инс-т искусствознания, 2016.
- Поляков* 2000 – *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности. Исторические аспекты // Вопросы истории, 2000, № 3. С. 125–127.
- Понятие судьбы 1994 – Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994.
- Попова* 2017 – *Попова А.Д.* «Советское – значит отличное»: влияние стереотипов советской ментальности на процесс развития современного российского общественного сознания в условиях модернизации / XII Конгресс антропологов и этнологов России. Миссия антропологии и этнологии. Научные традиции и современные вызовы. Ижевск: ИЭА РАН, 2017. С. 195–196.
- Попова* 2017 – *Попова О.Д.* Влияние советских стереотипов о равенстве на предложение граждан по преобразованию общества (1960-е – 1990-е гг.). М., 2017. С. 196.
- Пятов* 2017 – *Пятов Герман* Ржавые социальные лифты совка: как некомпетентные кадры сгубили большую страну. Всевдореалии Советского Союза // Московский комсомолец, 19 июня 2017. № 27420. Url: <http://www.mk.ru/politics/2017/06/18>.
- Свод этнографических – Свод этнографических понятий и терминов Вып. 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура / отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: Наука, 1986; Вып. 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины, школы и направления. Методы / отв. ред. Ю.В. Бромлей, Г. Штрабах. М.: Наука, 1988; Вып. 3. Материальная культура / отв. ред. Ю.В. Бромлей, Г. Штрабах. М.: Наука, 1989; Вып. 4. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М.: 1991; Вып. 5. Религиозные верования. М.: Наука, 1993; Вып. 6. Этнические и этно-социальные категории / отв. ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Сделано в СССР 2013 – Сделано в СССР: символы советской эпохи. М.: Мир энциклопедий Аванта. АСТ, 2013.
- Советский стиль 2011 – Советский стиль: время и вещи / ред. группа: В. Зусева, Т. Евсеева, Н. Иванова. М.: Мир энциклопедий Аванта + Астрель, 2011.
- Сокровенные 2004 – Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура / сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М.: ЯСК, 2004.
- Сомов* 2015 – *Сомов В.А.* Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования, 2015. № 2. С. 12–20.
- Сталинизм 2017 – Сталинизм и преподавание истории в школах СССР. URL: http://gumanitarist.narod.ru/istori/40_stalinizm.htm. Дата обращения: 11.10.2017.
- Тань Аошуан* 2004 – *Тань Аошуан.* Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность.

М.: ЯСК, 2004.

Тимофеев 2012 – *Тимофеев М.Ю.* Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ, часть 1, Артефакты // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2012. № 4. С. 39–51; № 5. С. 60–76.

Тишков 1999 – *Тишков В.А.* Антропология российских информаций / III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 12–28.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Флиер 2010 – *Флиер А.Я.* Будущее возврату не подлежит / Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации». Тезисы докладов и сообщений. СПб: ЭЙДОС, 2010.

Флиер 2011 – *Флиер А.Я.* Культурология 20-11. Авторский сборник статей и эссе, М.: Согласие, 2011.

Фромм 1993 – *Фромм Эрих.* Психоанализ и этика. М.: Изд-во «Республика», 1993.

Чепкина и др. 2009 – *Чепкина и др.* Советское прошлое и культура настоящего. Екатеринбург, 2009. Том 1–2.

References

Aksiutin Iu.V. Khrushchevskaia otpepl' i obshchestvennye nastroiia v USSR v 1953–1964 gg. Moscow: ROSSPEN, 2004.

Antologiiia kontseptov. V.I. Karasik, I.A. Sternin (eds.). Volgograd: Paradigma, 2005; Vol. 1, 2, 2005; Vol. 3, 4, 2006; Vol. 5, 2007; Vol. 6, 2008; Vol. 7, 2009; Vol. 8, 2011.

Akhiezer A.S. Russia: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaia dinamika Rossii), Vol. 1. Ot proshlogo k budushchemu. 2nd ed. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1997.

Berezin V. Chernila fevralia. Moskva: mesto vstrechi. M.: AST, 2017. Pp. 91–107.

Bobrova Irina. Den'gi na vecher'. Moskovskii komsomolets, 25.06.2017.

Bragina N.G. Pamiat' v iazyke i kul'ture. Moscow: IaSK, 2013.

Vail' Petr, Genis Aleksandr. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. Moscow: NLO, 2001.

Varlamov A. Avtozavodskaia. Moskva: mesto vstrechi. Moscow: AST, 2017. Pp. 467–486.

Gavrilov Iu. Bannyi den'. Sanduny. Moskva: mesto vstrechi: Moscow: AST, 2017. Pp. 67–83.

Georgieva O.N. Antologiiia kontseptov. Dobro i zlo. Volgograd: Paradigma, 2011. Vol. 8. Pp. 3–21.

Grachev S. Russia podobna dembeliu' Pavel Lungin – o plodakh svobody, mutatsii kul'tury i sil'noi armii. Argumenty i fakty, 2017. No. 26 (1911).

Guboglo M.N. Binarnye oppozitsii v kul'ture gagauzov: mirotvorcheskie i konfliktogennye resursy (leksiko-semanticheskoe issledovanie). Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii. Moscow: 2016. No. 254.

Gudkov Lev. Negativnaia identichnost'. Stat'i 1907–2002 gg. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.

Evseeva T., Chernova A. «Mir veshchei». T.Evseeva (ed.). Avanta, 2007.

Emel'ianov S.A. Fenomenologiiia russkoi i amerikanskoi mechty. Russia mezhdou DaO i Logosom. Moscow, 2009.

Zhuravlev S.V. Istoriia povsednevnosti – novaia issledovatel'skaia programma dlia otechestvennoi istoricheskoi nauki. Liudtke A. Istoriia povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti. Moscow: ROSSPEN, 2010. Pp. 3–27

Zinov'ev Aleksandr. Russkaia tragediia (gibel' utopii). Moscow: OOO «Algoritm», 2002.

Gerke Karsten, Lebina Nataliia. Entsiklopediia banal'nostei. Sovetskaia povsednevnost': kontury, simvol'y, znaki. St.-Petersburgh: Dmitrii Bulanin, 2006.

Kozlov Aleksei. Pod bokom u Kremliia. Moskva: mesto vstrechi. Moscow: AST, 2017.

Lebina N. Entsiklopediia banal'nostei: Sovetskaia povsednevnost': kontury, simvol'y, znaki. St.-Petersburgh: Dmitrii Bulanin, 2006.

- Levada Iu.A.* Chelovek sovetskii. Sotsiologiya perestroiki: glas obshchestva. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/soc/soveticus.htm>.
- Lepeshko B.M.* Nравstvennost' protiv pragmatizma i kreativnosti. Sotsial'no-politicheskie nauki, 2012, vyp. 4. Pp. 101–104. URL: <http://socio.net.ru/publication/xml!/?=spz:cyberleninka:13431:1>.
- Lysenkova V.V.* Kul'turosozidaiushchaia sushchnost' filosofskogo obraza zhizni. Kharkov: Khar'kovskaia gosudarstvennaia akademiia kul'tury, 2011.
- Liar'skii A.B.* Rets. na: Lebina N.B. Eintsiklopediia banal'nostei. Sovetskaia povsednevnost': kul'tura, simvoly, znaki. St.-Petersburh: Dmitrii Bulavin, 2006. URL: <http://docviewer.yandex.ru/view/1097556/?=p811clsgsgeht>.
- Moscow: mesto vstrechi. Gorodskaiia proza. Elena Shubina, Alla Shlykova(eds.). Moscow: AST, 2017.
- Ondar Chimit-Dorzhu.* Vremia menia operezhaet. Kyzyl: «Kooperativ zhurnalist», 2016.
- Pamiat' kak ob'ekt i instrument iskusstvovaniia. E.A. Bobrinskaia (ed.). Moscow: Gos. ins-t iskusstvovaniia, 2016.
- Poliakov Iu.A.* Chelovek v povsednevnosti. Istoricheskie aspekty. Voprosy istorii, 2000. No. 3. Pp. 125–127.
- Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur. N.D. Arutiunova (ed.). Moscow: Nauka, 1994.
- Popova A.D.* «Sovetskoe – znachit otlichnoe»: vliianie stereotipov sovetskoi mental'nosti na protsess razvitiia sovremenno go rossiiskogo obshchestvenno go soznaniia v usloviakh modernizatsii. XII Kongress antropologov i etnologov Rossii. Missiia antropologii i etnologii. Nauchnye traditsii i sovremennye vyzovy. Izhevsk: IEA RAN, 2017. Pp. 195–196.
- Popova O.D.* Vliianie sovetskikh stereotipov o ravenstve na predlozhenie grazhdan po preobrazovaniiu obshchestva (1960-e – 1990-e gg.). Moscow: 2017. P. 196.
- Svod etnograficheskikh poniatii i terminov. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniia i sotsionormativnaia kul'tura. A.I. Pershits, D. Traide (eds.). Moscow: Nauka, 1986. Vol. 1; Vol. 2. Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny, shkoly i napravleniia. Metody. (ed.) Iu.V. Bromlei, G. Shtrobakh. Moscow: Nauka, 1988; Vol. 3. Material'naia kul'tura. Iu.V. Bromlei, G. Shtrobakh (eds.). Moscow: Nauka, 1989; Vol. 4. Narodnye znaniia. Fol'klor. Narodnoe iskusstvo. Moscow: 1991; Vol. 5. Religioznye verovaniia. M.: Nauka, 1993; Vol. 6. Etnicheskie i etno-sotsial'nye kategorii. (ed.) V.I. Kozlov. M.: IEA RAN, 1995.
- Sdelano v USSR: simvoly sovetskoi epokhi. Moscow: Mir entsiklopedii Avanta. AST, 2013.
- Sovetskii stil': vremia i veshchi. V. Zuseva, T. Evseeva, N. Ivanova (eds.). Moscow: Mir entsiklopedii Avanta Astrel', 2011.
- Sokrovennye smysly. Slovo, tekst, kul'tura. Moscow: IaSK, 2004.
- Somov V.A.* Fenomen sovetskosti: istoriko-kul'turnyi aspekt. Sotsiologicheskie issledovaniia. 2015. No. 2. Pp. 12–20.
- Tan' Aoshuan.* Kitaiskaia kartina mira. Iazyk, kul'tura, mental'nost'. Moscow: IaSK, 2004.
- Timofeev M.Iu.* Psevdosovetskii obshchepit kak imperiia znakov: sistemno-semioticheskii analiz, chast' 1, Artefakty. Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniia. 2012. No. 4. Pp. 39–51; No. 5. Pp. 60–76.
- Tishkov V.A.* Antropologiia rossiiskikh informatsii. III Kongress etnografov i antropologov Rossii. Tezisy dokladov. Moscow, 1999. Pp. 12–28.
- Tishkov V.A.* Rekviem po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii. Moscow: Nauka, 2003.
- Flier A.Ia.* Budushchee vozvratu ne podlezhit. Tretii Rossiiskii kul'turologicheskii kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Kreativnost'» v prostranstve traditsii i innovatsii. Tezisy dokladov i soobshchenii. St.-Petersburh: EIDOS, 2010.
- Flier A.Ia.* Kul'turologiia 20-11. Avtorskii sbornik statei i esse. Moscow: Soglasie, 2011.
- Fromm Erikh.* Psikhooaliz i etika. Moscow: «Respublika», 1993.
- Chepkina i dr. Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoiashchego. Vol. 1-2. Ekaterinburg, 2009.

M.N. Guboglo. The Concept of the «Sovietness» in the ethnological/anthropological Context.

The ethnography of the phenomenon «Sovietness» is analyzed, combining concepts (meanings): «Soviet way of life», «Soviet man», «Soviet Society», and piercing «the brain, soul and destinies of people.» The history of the emergence, flowering and ghosts of the withering of Sovietness, as a symbiosis of optimism and tragedy, makes it possible to justify the conclusion that some of the material and mental attributes of the Soviet past are unsinkable. Sovietness retains its real or virtual significance not only for the adult population, but also for the part of the youth, concerned with the symbols, slogans and brands of post-Soviet life, as well as the past history of its people and its invaluable cultural heritage. Radical critics of Sovietness in the West and in the USSR «were labeled in communism, but they killed Russia» (A. Zinoviev).

Key words: «Sovietness», a Soviet Society, «Post-Sovietness».

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ИЛИ КУЛЬТУРНЫЙ ПРОМИСКУИТЕТ?

В статье анализируются процессы мультикультурализма, понятие «диаспора» в исторической ретроспективе и в контексте современных интеграционных тенденций. Автор отмечает, что Запад оказался не готов к выдвинутой им парадигме мультикультурализма и теперь вынужден искать пути решения этой проблемы. В то же время, Россия на протяжении всей своей истории продемонстрировала в целом успешной пример мультикультурного развития.

Ключевые слова: мультикультурализм, миграции, диаспора, миротворчество.

Волею обаяния Михаила Николаевича Губогло я оказался участником проекта «Миротворческий потенциал народной этики и эстетики». Честно говоря, я не являюсь сторонником привнесения в научные исследования, касающиеся этнополитической проблематики, сюжетов, которые связаны с моральными нормами или эстетическими вкусами. И очень не люблю «притягивать за уши» свои тексты к заданной теме. Но в данном случае мне показалось возможным и даже полезным совместить тему проекта со своими прагматически-материалистическими установками. Сложные «вызовы» современности требуют выявления стоящих за ними факторов и моделирования механизмов разрешения этнокультурных конфликтов.

* * *

Современные этнокультурные и этнополитические процессы разворачиваются на фоне, своего рода, бинарной оппозиции «глобализация – национализация». Глобализация проявляется в восхождении на гораздо более высокий, чем прежде, уровень интернационализации капитала (при этом транснациональные компании во многом определяют условия жизни отдельных государств, их внутреннюю и внешнюю политику), рынков труда, товаров, услуг, жизненных стандартов и, в значительной степени, культурных ориентиров людей. Национализация, как ответная реакция, состоит в стремлении отстоять собственный государственный суверенитет, национальные интересы – так, как они понимаются противниками глобализации, – свое право на выбор путей развития, культурную самобытность.

Эта коллизия дает дополнительную подпитку этнонационализму, который возник вообще-то в других исторических условиях и в разных странах в силу разных причин, но демонстрирует, что он представляет собой одну из устойчивых универсалий новейшего времени, способную выживать, видоизменяться и даже мультиплицировать в изменяющихся условиях. В одних случаях этнонационализм

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

* Работа выполнена в рамках проекта «Миротворческий потенциал народной этики и эстетики» (руководитель М.Н. Губогло), грант РФФИ № 17-01-00-281а.

выступает как сопутствующий партнер социально-политического национализма, в других – как его конкурент или даже противник.

Коль скоро я затронул данную тему, то замечу, что эти два типа национализма имеют, на мой взгляд, принципиальное отличие. Социально-политический национализм, стремящийся утвердить или сохранить свой государственный суверенитет, склонен к некоторому обособлению от окружающего мира, в радикальном варианте – вплоть до изоляционизма. Этнонационализм же стремится к самоутверждению обычно за счет подавления реальных или выдуманных врагов и, часто, к захвату «weltraum» – он, по сути, не является идеологией изоляционизма, может быть, скорее или зачастую экспансионизма, если к тому есть предполагаемые возможности. Поэтому, как ни странно это может прозвучать, этнонационализм в большей степени, нежели национализм, соответствует – не идеологии, видимо, а некоему духу глобализма, как антипод личности. Разумеется, бывают особые случаи своеобразного пересечения национализмов, когда трудно (но можно) разобраться «что-есть где» (например, нацистская Германия, КНДР, современная Украина).

Массовые акции антиглобалистов, участвовавшие в последние годы, понятны. Надо, однако, понимать или для аккуратности, допускать, что глобализм – как «высшая стадия» интернационализма в современном мире – это, наверное, даже не зловредный заговор транснациональных корпораций и ведущих финансовых кланов. Человечество само в процессе своего развития пришло к высокому уровню интеграции. Правда, эта интеграция в разных частях земного шара происходит неравномерно, по-разному, зачастую сопровождается острыми конфликтами и кровопролитными войнами. Но она происходит. И она неизбежна по причине взаимодействия, обмена всевозможными ресурсами (и захвата их тоже), товарами, идеями, культурными образцами и людьми.

Наблюдая происходящие в мире процессы, легко скатиться к модным и бесплодным, на мой взгляд, рассуждениям о цивилизационных контроверзах (оживившаяся в последние годы тема евразийства – это из той же категории философически-политического «дискурса»). Нельзя, однако, не замечать того, что Старый свет и, пока в меньшей степени, Северная Америка становятся все более культурно разнородными, причем это происходит в значительной степени за счет массовой инфильтрации носителей культурных традиций, резко отличающихся от европейских. Реальный мультикультурализм все более становится неизбежной нормой, а это ставит перед государствами-рецепциентами и их коренным населением сложную задачу адаптации к новым реалиям. Я не оговорился – адаптироваться приходится именно Европе, а не мигрантам, поскольку европейские государства фактически проводят в отношении мигрантов политику вседозволенности, а отдельные попытки несколько ограничить ее вызывают агрессивную ответную реакцию. И, похоже, Европа не знает, что этому противопоставить. По сути, она оказалась перед вопросом, что грядет – некий качественно новый уровень *мультикультурализма* или своего рода *культурный промискуитет* с правом сильного на обладание самкой.

В контексте столь наверняка спорных рассуждений тема о миротворческом потенциале «народной культуры» оказывается где-то вдалеке от этой проблематики. Допускаю и даже считаю, что так и есть. Но ведь и скептический подход может быть полезным. А пока позволю себе остановиться на двух важных аспектах (их, конечно, больше) той совокупности проблем, о которых я пишу. Это – понимание значения межгосударственных, межконтинентальных и внутригосударствен-

ных миграций для осмысления феномена наступающего «мультикультурализма» и трактовка «диаспоры» в данном контексте.

Миграционные тенденции современности

Понятие диаспоры непосредственно связано с переселениями целых групп людей в другие страны, где они оказывались в чужом для них этнокультурном окружении. Собственно, миграции сопровождали всю историю человечества и нередко носили массовый характер, радикально меняя облик целых регионов и континентов.

А.А. Зубов полагал, что исход древнейших предков людей современного вида из Африки начался 2 млн лет назад (Зубов 2012: 74). Последовало заселение Азии, Австралии, Европы, Нового Света. Наиболее близкие нам по времени крупные миграционные волны – расселение индо-ариев по Европе в I тыс. до н.э., Великое переселение народов в IV–VII вв. (датировки варьируют, например – V–VIII вв.). В Новое и Новейшее время европейцы активно осваивали новые земли, обнаруженные в ходе Великих географических открытий, в результате чего сложились новые нации американцев, канадцев, австралийцев, новозеландцев, а миллионы африканцев были вывезены в Америку. Русские переселялись на огромные территории Сибири, Дальнего Востока и Туркестана (существенным стимулом была, в частности, столыпинская аграрная реформа), и этот процесс резко усилился уже при советской власти в связи с грандиозной кампанией по индустриализации страны, а затем, уже вынужденно, в годы Великой Отечественной войны (эвакуация гражданского населения, этнические депортации; кстати, они происходили еще в годы Первой мировой войны – выселение немцев из западных губерний России). Разумеется, это далеко не полная миграционная история человечества. И многое из нее мы до сих пор не знаем. Остается неясным появление/происхождение шумерской цивилизации в Месопотамии, цивилизации Мохенджо-Даро – Хараппы на Индостанском полуострове, заселение Сибири, Америки, не говоря уже о менее крупных регионах (например, Северо-Восток Африки). Загадок истории древних культур, плохо обеспеченных письменными источниками, хватит на многие поколения историков, археологов, палеоантропологов.

Я это все вскользь напоминаю только для того, чтобы высветить ускользающий подчас в контексте обсуждения современных геополитических проблем факт – история человечества, начиная от его колыбели, являла собой и, возможно, *состоялась* в силу взаимодействия культур, в том числе за счет пространственных взаимодействий народов. Они могли выражаться в торговых и военных контактах, завоеваниях, но наиболее сильно в результате массовых миграций, обусловленных поисками благоприятных условий жизни или необходимостью уйти от возникших неблагоприятных условий жизни в прежних регионах обитания (нашествия врагов, природные катаклизмы, недостаток пищевых ресурсов в силу, например, роста численности населения). И теперь мы наблюдаем современность.

Последние десятилетия XX и начало XXI века демонстрируют резкое усиление межконтинентальных, межгосударственных и межрегиональных миграций, которые вполне уже можно назвать Вторым великим переселением народов. И оно имеет весьма примечательные особенности по сравнению с предыдущими эпохами.

Во-первых, это «Великое переселение» происходит, главным образом в Европу, а также в США, Канаду, Австралию – из стран Азии и Африки, – то есть в наибо-

лее богатые страны, предоставляющие хорошие условия для жизни, а то и просто возможности выжить, учитывая, что во многих регионах выхода и сегодня свирепствуют голод и эпидемии. После распада СССР и «социалистического лагеря» добавились еще сотни тысяч мигрантов из Восточной Европы.

Во-вторых, оно происходит по историческим меркам практически мгновенно. Крупная арабская община во Франции начала складываться после мятежа ОАС в 1961 г. и обретения независимости Алжиром в 1962 г. Трудовые мигранты с Балкан устремились в Западную Европу еще во времена СФРЮ. Турки появились в ФРГ в 1960-е годы после того как в 1961 г. был подписан межгосударственный «трудовой пакт» между ФРГ и Турецкой Республикой (имелись аналогичные соглашения ФРГ и с рядом других государств). Правда, он не предусматривал укоренение турок в стране, но получилось иначе. «В отличие от миграций предыдущих эпох, которые порою были не менее масштабными и даже составили основу формирования так называемых переселенческих наций, – пишет В.А. Тишков – нынешние миграции имеют многовекторный характер, несводимый к линии “бедный Юг – богатый Север”» (Тишков 2016: 5).

Миграционные процессы с 1990-х годов захлестнули и Россию. Но у нас наиболее интенсивный характер имеют внутригосударственные миграции. Основная тенденция состоит в переселении представителей коренных народов Северного Кавказа в центральные области России. Первоначально этот поток мигрантов направлялся, прежде всего, в крупные города, привлекательные по причине обширности возможностей для применения своих сил. Со временем, когда эти ниши были заполнены, мигранты расселились практически по всей территории России, вплоть до заполярных территорий. Основная причина этого процесса состоит в том, что северокавказский регион беден ресурсами и не может, в условиях его экономической неразвитости, обеспечить людям работу и хорошие заработки. Кроме того, существенным стимулом для переселения послужил длительный вооруженный конфликт в Чечне в 1990-е годы. Из Чечни выехали не только почти все русские, но и многие тысячи самих чеченцев.

Экономические и/или политические проблемы стимулируют и массовую эмиграцию в Россию жителей некоторых постсоветских государств, прежде всего, с Украины, из Молдавии, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана.

Как правило, иммигранты занимают неквалифицированные ниши на рынке труда. Так, например, в Москве профессия дворника «монополизирована» узбеками, таджиками, киргизами, молдаванами. Правда, не они сами установили эту монополию. Просто работодатели платят им гораздо меньше, чем гражданам России, пользуясь тем, что многие иммигранты находятся на территории России не вполне легально или не умеют отстаивать свои права. Значительная часть сфер торговли и услуг занята выходцами с Северного Кавказа и из Закавказья. Таджики широко используются в строительстве, в чем они традиционно сильны. Многие мигранты работают водителями на общественном транспорте.

Для понимания причин эмиграции, а точнее, механизмов ее сдерживания, показателен пример Казахстана, из которого переселенцев-казахов сравнительно немного. В 1990-е годы из Казахстана в Россию выехали многие русские и представители других некоренных народов. В ФРГ уехало большинство из 900 тысяч (на 1989 г.) немцев.

Казахстан под руководством его президента Н.А. Назарбаева сумел выстроить эффективную экономику и неплохую социальную политику. Более того, власти Казахстана стимулируют возвращение в страну казахов, бежавших еще в 1920–1930-годы

в Китай и другие сопредельные страны, спасаясь от гражданской войны в России, связанного с коллективизацией голода и репрессий советского времени. Переселенцев (*оралманы*) привлекают разнообразными льготами, включая значительные денежные пособия – около 3000 долларов на человека, включая грудных младенцев. Надо, конечно, иметь в виду, что Казахстан имеет богатые природные ресурсы и руководство страны умеет их использовать. Следует также отметить, что при Назарбаеве, после агрессивной казахизации в 1990-е годы осуществляется довольно деликатная политика, защищающая права людей, отличающихся от казахов по этническому происхождению, самосознанию и религии. Правда, это имеет больше значения для неказахских групп населения, чем для самих казахов. А вот недавнее решение о переводе казахского языка на латиницу может сильно осложнить жизнь именно казахов.

В России оседают выходцы и из других стран мира, причем не только стран «Третьего мира», но и из Европы и США. У нас уже есть мэр города африканец, есть обосновавшиеся в провинциальных городах и сельской местности фермеры, бизнесмены из той же Африки, США, Великобритании, Германии (включая растущую реэмиграцию этнических немцев, выехавших в свое время из СССР и России). Примеру француза Жерара Депардьё, принявшего российское гражданство, последовали еще несколько известных людей, и это уже не выглядит экзотикой.

В числе собственно трудовых мигрантов из «дальнего зарубежья» значительно преобладают китайцы и вьетнамцы. Китайцы находят применение своим силам в сельском хозяйстве, мелком бизнесе. Вьетнамцы заняты в мелкорозничной торговле на городских рынках, составляют значительную часть рабочей силы на подпольных швейных мастерских, изготавливающих контрафактную продукцию под торговыми марками известных зарубежных компаний.

Увеличение этнической, культурной, расовой и религиозной мозаичности пока касается преимущественно тех стран, которые представляются иммигрантам наиболее привлекательными. Однако, на мой взгляд, этот процесс будет распространяться вширь как одно из проявлений *глобализации*. Термин придумали ученые и политики, но он вполне соответствует современным, реальным процессам в глобальных масштабах. И теперь те же ученые вынуждены объяснять такие процессы и описывать их с помощью каких-то определенных терминов. Одним из них является термин «диаспора».

«Диаспора» в историческом и понятийном контекстах

В научной литературе и СМИ в качестве базового понятия для обозначения эмигрантских групп утвердилось понятие «диаспора». В разных странах выходят научные журналы с таким названием. Однако, в связи с применением самого термина «диаспора», возникает ряд вопросов, которые уже неоднократно обсуждались в научных публикациях (см., например: Арутюнов 2000; Тишков 2000; Тишков 2003; Ямсков 2010; Cheshko 2015; Shain 2007).

Позволю себе напомнить происхождение и историю использования этого термина, поскольку даже в ученой среде бытует представление, что он первоначально был связан с бегством евреев из Израиля в эпоху римского господства. На ошибочность такого мнения указывает сам термин, имеющий греческое происхождение – *διασπορά* («рассеяние»). Изначально *диаспорой* назывались общности граждан древнегреческих полисов, мигрировавших на новые земли с целью их колонизации. А в среде

эллинизированных евреев термин *диаспора* употреблялся для обозначения еврейских общин, состоящих из добровольно переселившихся из Израиля, в отличие от насильно изгнанных (*галут*) из Иудейского царства вавилонянами в 586 г. до н.э. и римлянами – из римской провинции Иудея в 136 г.

Считается, что под влиянием *Септуагинты* («перевод семидесяти старцев») – первого перевода Ветхого Завета на древнегреческий язык, датированного III–II вв. до н.э., – слово *диаспора* изначально использовался для обозначения именно *евреев рассеяния*, насильно изгнанных из Земли Израиля.

Со временем термин «диаспора» неоднократно пытались конкретизировать. Вот одно из его определений: «**Диаспора**... – часть народа (этноса), проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплоченные и устойчивые этнические группы в стране проживания, и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности» (Социология 2003).

Дефиниций на этот счет – великое множество, а не очень вдумчивые ученые, публицисты и журналисты настолько расширили область применения этого термина, что он уже почти стал отождествляться с терминами «этнические меньшинства», «этнические группы», «этнические общины» и т.п. А.Н. Ямсков, рассуждая на эту тему, писал: «Итак, можно заключить, что корректная и соответствующая современной мировой социальной науке трактовка обсуждаемого термина может быть следующей. Диаспора – дисперсно расселенное этническое меньшинство иммигрантского происхождения, являющееся гражданами страны проживания, представители которого создали собственные общественные организации и предпринимают усилия как минимум по изучению и популяризации языка и культурных традиций родины предков <...> Иные категории этнических меньшинств не должны именоваться диаспорами, иначе данный термин потеряет свое вполне конкретное значение и превратится просто в синоним общего понятия “этническое меньшинство”» (Ямсков 2010: 134).

«Диаспоры» в России

Расширительное толкование понятие «диаспора» доводит до абсурда. Так, в работах многих российских ученых (и не только начинающих, кто еще плохо разбирается в нюансах понятийно-терминологического аппарата) коренные россияне из числа нерусских народов, живущие в исконно русских или преимущественно русских областях страны, именуется диаспорами. Татарин, бурят или калмык, гражданин России, родившийся в России и имеющий предков на российских кладбищах до, скажем двадцатого поколения, но переселившийся в Москву или Владимир, якобы должен принадлежать к соответствующей «диаспоре». То есть в этих городах и регионах он не вполне и «россиянин». На подобные несуразицы обращали внимание и другие авторы (см., напр.: Тишков 2003; Ямсков 2010: 138–139). В.А. Тишков, например, в этой связи писал о «диаспоризации всей страны», когда «...фактически все группы российского населения нерусского этнического происхождения, проживающие за пределами так называемых своих республик или государств (под “своими” имеется в виду совпадение название группы и государства: “татары – Татарстан”, “армяне – Армения”), вдруг стали называться диаспорами» (Тишков 2003: 467–468).

На подобные представления работает и другой стереотип, связанный с неразберихой вокруг термина «коренные народы». Как известно, в англоязычной литературе

термины «*aboriginal*», «*indigenous*» применяются к народам, которые в свое время европейцы обнаружили в заморских странах, – обычно народов небольших, стоявших на более ранних, чем сами европейцы, стадиях общественного развития («*primitive peoples*»). В русском языке есть термины, которые имеет приблизительно такой же смысл – «туземный», «туземец» (то есть это люди, народы, обитающие в «тех», новооткрытых землях). Они применялись в эпоху Российской Империи, прежде всего, в отношении народов Сибири, занимавшихся охотой, рыболовством, оленеводством.

В Советское время от этих терминов почти совсем отказались, поскольку они казались уничижительными по отношению к народам, в отношении которых Советская власть проводила политику модернизации. Базовыми понятиями стали, как казалось, более нейтральные термины «коренной», «коренные народы» (от *коренной* – исконный, изначальный). Однако в результате этих лингвистических изменений произошла своего рода логическая инверсия. *Коренными* теперь называют все автохтонные или «очень давно» переселившиеся на данные территории народы, независимо от их численности, социальной и культурной продвинутости. Переселяясь теперь в новые места, представители этих народов как бы перестают быть «коренными», даже если они мигрируют в пределах своей же страны – России, и превращаются в *диаспоры*. Следствием этого является, в частности, то, что при таком подходе крупнейший народ, русские, не должен рассматриваться в качестве *коренного* на большей части России – в Сибири, на Дальнем Востоке, в республиках Поволжья и Северного Кавказа, в Карелии. Но в то же время никому не приходит в голову называть русских, живущих в этих регионах, диаспорой. На мой взгляд, термин «коренные народы» плохо подходит для адекватной характеристики современных полиэтничных государств. Можно говорить о том, что человек как индивид – «коренной», если он родился в данной местности.

Дело, однако, не только в терминологических эволюциях, но и в стойкости некоторых идеологических стереотипов советской эпохи, связанных с особенностями государственного устройства СССР и его идеологическим обоснованием. Советское федеративное государство было устроено по этническому принципу и включало иерархическую систему союзных республик и автономий разных уровней. Считалось, что эти территориально-политические образования были формой государственного, административно-территориального самоопределения конкретных народов и, по сути, «принадлежали» им, хотя здесь же обитали и другие этнические группы, нередко превышавшие по численности «коренное» население. Соответственно, если человек переезжал в другой регион, то попадал в категорию людей, «проживающих за пределами *своих* национально-государственных образований». А в современной, модной терминологии – это диаспоры.

Не больше оснований называть диаспорами в России представителей титульных народов некоторых новых, постсоветских государств. Так, армянская и грузинская общины Москвы складывались еще с XVII века. Российских немцев тоже едва ли можно считать диаспорой. Они начали селиться в средневековых русских княжествах как минимум с конца XII века, а после Манифеста императрицы Екатерины II 1762 г. иммиграция в Россию из различных немецких и австрийских земель приобрела массовый характер, причем в то время еще не существовало ни немецкой, ни австрийской наций с более или менее единым этническим самосознанием. В ходе наших экспедиций в Казахстана во второй половине 1980-х годов мы наблюдали четкое разделение «немцами» себя на швабов («швабен»), саксонцев («саксен»), австрийцев, меннони-

тов («платы») – сами они называли себя чаще всего «плаутдич») и др. Интересно, что немцы-католики (выходцы из Австрии, Баварии и других католических германских земель) предпочитали ходить в православные храмы, а не в молельные дома протестантов в силу сходства обрядности и антуража католицизма и православия.

В советское время, в связи с процессами модернизации, резко усилились миграционные процессы. Они привели к увеличению этнической гетерогенности многих регионов страны, причем, не только центральных. Так, освоение нефтяных и газовых месторождений Сибири привлекло специалистов из Азербайджана, имевших богатый опыт работы на нефтяных полях Прикаспия, многих тысяч выходцев с Украины. Украинцев, а также белорусов в России, вообще бессмысленно рассматривать в качестве диаспор в силу близкого этнокультурного и языкового родства этих народов. Существует, как известно, даже точка зрения, имеющая корни в историографии XIX века, что это не три отдельных народа, а единый народ с тремя диалектами одного, русского языка. Обычно ее высказывают публицисты, журналисты и политики, а прежде всего, радикальные сторонники идей «Русского мира» и панславизма. Но и с научной точки зрения здесь нет ничего «крамольного» в силу близости культур, наличия многочисленных пограничных «интерсубкультур» и отсутствия четких критериев различения языка и диалекта.

«Диаспоры» в зарубежном мире

К Европе рассуждения в духе диаспорной терминологии еще менее уместны. В противном случае придется признать, например, что все население Швейцарии – это диаспоры немцев, французов, итальянцев, а собственно швейцарцев не существует, за исключением разве что ретто-романцев. Многочисленные общины турок, арабов, выходцев из «черной Африки», Южной Азии, бывшей Югославии, Восточной Европы – это уже не диаспоры, а очень значительные компоненты населения стран Западной и Центральной Европы.

Едва ли можно называть диаспорами в США ирландцев, немцев, афроамериканцев, латиносов, а уж в Канаде, тем более, – франкофонов и англофонов, во Франции армян, в Аргентине итальянцев. Все «нации иммигрантов» (американцы, канадцы, австралийцы, новозеландцы и др.) могут формально считаться диаспорами, но никто так их не именуется. Подобных примеров можно привести множество. Да и евреи, с которыми ассоциируется само понятие «диаспора», давно уже не диаспора, а своего рода мировой народ. Рискну усомниться и в правомерности квалификации корейцев в странах бывшего СССР в качестве диаспоры. Более ста лет – это достаточно большой срок, чтобы корейцы в разных частях бывшей Российской Империи и СССР и постсоветских государствах выработали некоторые культурные и ментальные особенности, отличающиеся от страны выхода (см.: Хан 2009). В равной мере трудно считать русской диаспорой в Китае *албазинцев*, укоренившихся здесь в XVI век – настолько они подверглись аккультурации со стороны китайцев (см.: Курто 2013).

Следует обратить внимание также на численность «диаспор». Китайцы – почти 40 млн человек (в Малайзии они составляют почти четверть населения страны), индийцы – около 30 млн, русские – примерно 25 млн, украинцы – свыше 12 млн, армяне – более 8 млн, греки – тоже около 8 млн человек. Эти показатели соответствуют численности населения многих полноценных и не самых мелких государств. Не менее важно то, что эти группы прочно укоренились в странах проживания, вырабо-

тали определенные способы адаптации к иноэтничной среде, сами вносят важные черты в их культурный облик, подвергаются аккультурации и ассимиляции.

Бывают случаи, когда такие условия приводят к формированию специфической этнической идентичности. В ходе своих экспедиций в Среднюю Азию мне приходилось общаться с выходцами с Украины, потомками переселенцев начала XX века. Они называли себя не *украинцами*, а *хохлами*, считая, что украинцы на Украине – это не очень «правильные» украинцы. Идентичность «хохол» типична и для украинцев приграничных районов Украины и России (см.: *Листова 2014*). Здесь она основывается на традиционном смешении лексики, близости локальных вариантов культуры и на родственных связях. Вообще для населения этих территорий разграничение понятий «русский» и «украинец» никогда не имело существенного значения.

Мультикультурализм в контексте «Диапоры» и *visе versa*

Европа сильно рискует утратой своего традиционного культурного облика. Она заполнена выходцами из Африки, Азии, с Балкан, из постсоветских стран. Мигранты привозят с собой собственные культурные традиции, которые (если это выходцы из Азии и Африки) резко отличаются от европейских норм, и это, как мы видим, зачастую является одним из факторов возникновения межэтнических и межрелигиозных конфликтов.

Не обязательно быть сторонником взглядов Хантингтона, чтобы признать, что одной из главных коллизий является противопоставление мусульманских ценностей христианским – с поправкой на то, что носителями и интерпретаторами мусульманских ценностей в данном случае являются выходцы из бедных стран и бедных слоев тамошних обществ, для которых межконфессиональная толерантность, уважение к иным культурам, мягко говоря, несвойственны. Тема о целенаправленной инфильтрации в Европу потенциальных террористов тоже очень актуальна. Но, похоже, в целом мы наблюдаем своего рода реваншистскую колонизацию Европы бывшими европейскими колониями с целью перераспределения материальных ресурсов, нажитых Европой посредством эксплуатации колоний.

Европа оказалась явно неготовой к подобной экспансии, спровоцированной ей же самой. Европа не учла, как минимум, следующие факторы:

- зачастую мигранты, попавшие в иную этнокультурную среду, не считают обязательным соблюдать нормы поведения, совершенно обязательные в их исконных социумах, в отношении коренных европейцев;
- многие коренные насельники регионов-реципиентов не имеют опыта общения с носителями существенно отличных от собственных традиций;
- усиление конкуренции на рынке труда и услуг, высокий уровень криминогенности среди мигрантов.

Тем не менее, о мультикультурализме приходится говорить по причине чрезвычайной актуальности этого понятия и всего вкладываемого в него в зарубежной и отечественной науке.

В.А. Тишков выделял три «уровня или сферы применения» дефиниции «мультикультурализм»: «Существует уровень демографического или дескриптивного использования, когда данным словом определяются общества, имеющий сложный этнодемографический профиль. Последние часто называются полиэтническими или

мультикультурными. Существует идеологическая или нормативная сфера, где определяются концепты и установки, что есть мультикультурализм, помимо простого признания существования культурно сложного сообщества на уровне государства или его регионов. Наконец, возможно выделить сферу программатики и политики, через которые идеология и желаемая нормативность должны претворяться в целенаправленные коллективные действия» (Тишков 2002: 334–335).

А В.С. Малахов высказывался довольно резко, иронично, но, по-моему, в целом справедливо: «Слово “мультикультурализм” провоцирует недоразумения. Оно не было однозначным уже в пору своего возникновения, а за полтора десятилетия использования в публичных дебатах обросло самыми противоречивыми, вплоть до взаимоисключающих, значениями: от коммунитаристской критики либерализма до этноцентристски и расоцентристки мотивированного изоляционизма, от левацкого жеста субверсии по отношению к существующим структурам господства до неоконсервативного постмодернизма» (Малахов 2002: 48).

Действительно, «мультикультурализм», возникший первоначально в Канаде (см.: Тишков 2002: 337–345), а затем распространившийся в Австралии и Западной Европе (в США он не обрел большой популярности), на поверку означал нечто красивое, прогрессивное, а реально довольно абстрактное – что-то между «плавильным тиглем» и апартеидом. Суть концепции мультикультурализма, принятой в Евросоюзе в качестве неофициальной, но общепринятой политической доктрины, состоит в мирном сосуществовании, сотрудничестве и интеграции старожильческих и иммигрантских общин с разными культурными традициями. Как это делать на практике, ее создатели, кажется, не знали, а на деле все свелось к поощрению миграций из стран «Третьего мира» и созданию режима наибольшего благоприятствования для переселенцев в сферах социального обеспечения, занятости, поддержания их культурных традиций. Поведение европейцев напоминало умиление в духе парадигмы «добраго дикаря» философов эпохи Просвещения, хотя, конечно, задача привлечения рабочей силы в стареющую Европу играла, как минимум, далеко не последнюю роль.

Ситуация радикально изменилась в последние годы в связи с резким увеличением миграционных потоков из стран Северной Африки и Передней Азии. Не буду рассуждать о причинах этого всплеска, какие силы и каким образом, в каких целях его спровоцировали – это сфера профессиональной деятельности политологов. Но фактом является то, что в результате Европа оказалась на грани коллапса как в области безопасности, так и в сохранении своего культурного облика.

Не думаю, что можно говорить о правоте теории войны цивилизаций Хантингтона, поскольку миграционный вал только отчасти выглядит спонтанным. Виноваты, прежде всего, лидеры самих европейских стран с их неразумной миграционной политикой, догматическим следованиям неким нормам демократии, толерантности и т.п. Однако нельзя не признать и того, что Старый Свет проигнорировал угрозу, связанную с гигантским разрывом между ним и странами «Третьего мира» по уровню благосостояния, обеспеченностью продовольствием, да вообще по всему, что называется качеством жизни.

Европа, кажется, долго не могла понять, что теперь колонии нагрянули к ним с ответным визитом. Даже теперь, после всех драматичных и трагичных событий в европейских странах, производных от политики мультикультурализма, в них действуют общественные движения, выступающие против отказа от нее. А политиков вроде Мари Ле Пен причисляют, самое мягкое, к правым националистам, а чаще – к раси-

стам и фашистам. Но это уже чисто политологическая тема, связанная с конфликтом экономических и политических интересов в современном западном мире. Следует только заметить, что этот национализм обычно трактуют неверно (а в наших СМИ, воспитанных на советской традиции понимания национализма как *этнонационализма*, это вообще, кажется, не понимают и упорно именуют Мари Ле Пен идеологом радикального национализма). Национализм «а ля Ле пен» — это не этнический шовинизм, а отстаивание государственного суверенитета перед наднациональным (надгосударственным) диктатом евробюрократии и подпитывающим ее транснациональным капиталом (о новом издании идеи Соединенных Штатов Европы я писал: Чешко 2016: 144). Да и вообще, нормативные теории и понятия политологии и политической экономики, действовавшие в 1960–1980-е годы, куда-то делись. Понятия «консерватизм», «неоконсерватизм», «либерализм», «неолиберализм» и т.п. чудесным образом изменили свое значение, нередко, на прямо противоположное, и теперь уже непонятно, с чем мы имеем дело. Но посредством подобных инверсий удобно манипулировать общественным мнением.

Как бы то ни было, к концу первого десятилетия текущего века в Европе, наконец-то обнаружили, к чему ведет политика мультикультурализма. Ее критики не без основания утверждают, что эта политика ведет к разрушению европейских культур, нарушению прав коренных европейцев, угрожает их безопасности, ведет к исламизации Европы. Наиболее резонансной в этом смысле стала книга Тило Саррацина «Германия. Самоликвидация» (Саррацин 2012). Но в 2010-е годы и лидеры ряда ведущих европейских государств — А. Меркель, Д. Кэмерон, Н. Саркози — заявляли, что считают политику мультикультурализма провалившейся.

И что со всем этим делать?

Мои суждения относительно применимости понятия «диаспора» не означают, что я призываю отказаться от его использования в исследованиях современных миграционных и связанных с ними этнокультурных процессов. Более того, допускаю, что и в современном мире можно попытаться отыскать такие группы людей, которые можно называть диаспорами. Но это, возможно, будут исключения из глобальной тенденции перемешивания населения. И необходимо скорректировать смысл понятия «диаспора», учитывая чрезвычайную вариативность процессов этнокультурной гетерогенизации существующих государств и обществ. При этом необходимо еще иметь в виду, феномен превращения диаспор в «недиаспоры» и наоборот, о чем писали, в частности, С.А. Арутюнов (Арутюнов 2000) и В.А. Тишков (Тишков 2000).

Мне близка мысль В.А. Тишкова о том, что реально в современном мире происходит «формирование транснациональных общностей за привычным фасадом диаспоры» (Тишков 2003: 462.). Правда, не более, чем близка, поскольку возникает вопрос о собственно этнической специфике (или отсутствия таковой) этих пока еще больше гипотетических общностей. Данная тенденция или, хотя бы перспективная проблема, заслуживает специальных исследований. Надо также иметь в виду, что неаккуратное употребление этого термина может иметь негативные психологические, идеологические и политические последствия, провоцировать риски для внутренней политической стабильности отдельных стран.

Живучесть «диаспорных» стереотипов в головах многих исследователей чревата риском ухода от осмысления новых глобальных реалий. А они требуют выработки ка-

ких-то новых подходов, прорывов в выработке механизмов регулирования мировых интеграционных процессов, когда они затрагивают этнокультурную палитру человечества.

При этом неплохо бы учитывать уже имеющийся опыт, который обычно упускают при обсуждении методологических, идеологических и политических коллизий вокруг «мультикультурализма».

Такой опыт есть у России (а еще, например, у Китая, Индии и других стран, не являющихся для Запада «референтными»), как есть у нее существенные отличия и преимущества перед Европой, попытавшейся встать на путь мультикультурализма. В России, по большому счету, нет межрелигиозного и межкультурного противостояния. Россия веками строилась – более того, складывалась – на основе того самого «мультикультурализма», который на Западе вдруг изобрели в 1970-е годы, а теперь сокрушаются по поводу провала этой политики. Напрашивается аллюзия известной телевизионной рекламы – «вы просто не умеете их готовить». Одно из очень важных отличий состоит в том, что Запад стал сходу принимать инородные этнокультурные массы людей, не озаботившись анализом, к чему это приведет. И теперь Европа должна понять, как не превратить раскритикованный, но не отмененный (и отменить уже очень трудно – джинн выпущен на волю) *мультикультурализм в культурный промискуитет*.

* * *

И в заключении пора возвратиться к той теме проекта, в рамках которой выполнена данная работа – «Миротворческий потенциал народной этики и эстетики». Что могут дать традиционные соционормативные нормы и мировоззренческие установки разных народов для, если не разрешения, то, хотя бы смягчения (микширования, демпфирования и т.п.) обозначенных выше проблем?

На мой взгляд, немного. Если иметь в виду «традиционные» культуры, несущие следы многовековой истории своих народов, то в них можно найти следы «мирности», «терпимости», но не по отношению к чужакам вообще, а в конкретных ситуациях – например, в контексте обычаев гостеприимства, да и то «до порога дома», как на Кавказе. А в фольклоре можно найти и множество примеров недоверчивого и даже враждебного отношения к чужакам: «Незванный гость...» и тому подобное. Многие самоназвания народов, относимых, условно говоря, к племенной стадии развития, означают только «мы – люди», «мы – настоящие люди». К соседям «люди» не относилось. «Традиционным этнологам» все это хорошо понятно. Можно, конечно, проводить масштабные и дорогостоящие исследования, чтобы выкопать в тех архаических традициях что-то «толерантное». Только есть ли смысл? Более перспективно, например, использовать миротворческие мотивы, содержащиеся в *авраамических религиях*, в буддизме, джайнизме и пр., богатое гуманистическое наследие мировой философии и литературы.

Изменился мир. Изменились народы-этноты. Их современные культуры – это уже давно глубоко традиционные культуры, трансформировавшиеся на индустриально/постиндустриальной базе. Разумеется, я имею в виду народы «развитых стран». Если говорить о массах мигрантов из стран «Третьего мира», то ни о каких миротворческих традициях речи не может быть.

Полагаю, есть только одно, что может способствовать взаимопониманию, согласно, миру между людьми – способность видеть в человеке именно и прежде всего

ЧЕЛОВЕКА, а уж потом элина или иудея. Эта способность должна выступать как «категорический императив» нашего времени.

Литература

- Арутюнов* 2000 – *Арутюнов С.А.* Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение, 2000. № 2. С. 74–78.
- Зубов* 2012 – *Зубов А.А.* Колумбы каменного века. Как заселялась наша планета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.
- Курто* 2013 – *Курто О.И.* Русский мир в Китае: Исторический и культурный опыт сосуществования русских и китайцев. М.: Наука – Вост. лит., 2013.
- Листова* 2014 – *Листова Т.А.* Воронежские украинцы – русские хохлы // Вестник антропологии, 2014. № 2 (28). С. 116–128.
- Малахов* 2002 – *Малахов Владимир.* Зачем России мультикультурализм? / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 48–60.
- Саррацин* 2012 – *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация / пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012.
- Ситнянский, Бушков* 2016 – *Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И.* Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016.
- Социология* 2003 – *Социология: Энциклопедия* / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. М.: Книжный Дом, 2003.
- Тишков* 2016 – *Тишков В.А.* Введение / Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 3–6.
- Тишков* 2002 – *Тишков Валерий.* Заключение / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 331–350.
- Тишков* 2000 – *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000, № 2. С. 43–63.
- Тишков* 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Хан* 2013 – *Хан В.С.* Корё сарам: кто мы? (Очерки истории корейцев). Бишкек, 2009.
- Чешко* 2016 – *Чешко С.В.* Рец. на: Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 140–146.
- Ямсков* 2010 – *Ямсков А.Н.* Проблема трактовки понятия «диаспора» / Учитель XXI века. Интеграция естественно-научного образования в мировое образовательное пространство: Сборник научных статей. Редколлегия: В.Т. Дмитриева (отв. ред.), В.П. Белобров, А.Н. Ямсков. – М.: изд. МГПУ, 2010. С. 134–139.
- Cheshko* 2015 – *Cheshko S.* «Diaspora» in the Contemporary World – What is It? // International Journal of Global Diaspora Studies. 2015. Vol. 1. No. 2. (www.wadis.or.kr). Pp. 3–10.
- Shain* 2007 – *Shain Y.* Kinship and Diaspora in International Affairs. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2007.

References

- Arutiunov S.A.* Diaspora – eto protsess // Etnograficheskoe obozrenie, 2000. No. 2. Pp. 74–78.
- Zubov A.A.* Kolumby kamennogo veka. Kak zaselialas' nasha planeta. Moscow: AST-PRESS, 2012.
- Kurto O.I.* Russkii mir v Kitae: Istoricheskii i kul'turnyi opyt sosushche-stvovaniia russkikh i kitaitsev. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2013.
- Listova T.A.* Voronezhskie ukrainsy – russkie khokhly. Vestnik antropologii, 2014. No. 2 (28). Pp. 116–128.

- Malakhov Vladimir. Zachem Rossii mul'tikul'turalizm?. Mul'tikul'turalizm i transformatsiia postsovetskikh obshchestv. V.S. Malakhova, V.A. Tishkov (Eds.). Moscow: IEA RAN, 2002. Pp. 48–60.*
- Sarratsin T. Germaniia: samolikvidatsiia. trans. from German. Moscow: Rid Grupp, 2012.*
- Sitnianskii G.Iu., Bushkov V.I. Migratsii naseleniia v Tsentral'noi Azii: proshloe, nastoiashchee i budushchee. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2016.*
- Sotsiologii: Entsiklopediia. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko (Eds.). Moscow.: Knizhnyi Dom, 2003.*
- Tishkov V.A. Vvedenie. Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii. V.A. Tishkov, E.I. Filippova (Eds.). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. Pp. 3–6.*
- Tishkov Valerii. Zakliuchenie. Mul'tikul'turalizm i transformatsiia post-sovetskikh obshchestv. V.S. Malakhova, V.A. Tishkova (Eds.). Moscow: IEA RAN, 2002. Pp. 331–350.*
- Tishkov V.A. Istoricheskii fenomen diaspor. Etnograficheskoe obozrenie, 2000. No. 2. Pp. 43–63.*
- Tishkov V.A. Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii. Moscow: Nauka, 2003.*
- Khan V.S. Kore saram: kto my? (Ocherki istorii koreitsev). Bishkek, 2009.*
- Cheshko S.V. Rets. na: Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii. V.A. Tishkov, E.I. Filippova (Eds.). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. Pp. 140–146.*
- Iamskov A.N. Problema traktovki poniatiiia "diaspora". Uchitel' XXI veka. Integratsiia estestvenno-nauchnogo obrazovaniia v mirovye obrazovatel'noe prostran-stvo: Sbornik nauchnykh statei. Redkollegiia: V.T. Dmitrieva (ed.), V.P. Belobrov, A.N. Iamskov. M.: MGPU, 2010. Pp. 134–139.*
- Cheshko S. "Diaspora" in the Contemporary World – What is It?. International Journal of Global Diaspora Studies. 2015. Vol. 1. No. 2. (www.wadis.or.kr). Pp. 3–10.*
- Shain 2007 – Shain Y. Kinship and Diaspora in International Affairs. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2007.*

S.V. Cheshko. Multiculturalism or Cultural Promiscuity?

The article analyzes the processes of multiculturalism, the concept of "diaspora" in historical retrospect and in the context of modern integration tendencies. The author notes that the West was not ready for the paradigm of multiculturalism put forward by it and is now forced to look for ways to solve this problem. At the same time, throughout its history, Russia has demonstrated a generally successful example of multicultural development.

Key words: *multiculturalism, migration, diaspora, peacemaking.*

РУССКИЕ ЗА РУБЕЖОМ

УДК 39+281.9

© С.А. Иникова

РОССИЙСКИЕ СКОПЦЫ В РУМЫНИИ ЧАСТЬ I

Исследование, основанное на архивных и опубликованных материалах, посвящено истории появления и более чем 100-летнего существования колоний русских скопцов на территории Румынии, их отношениям с российскими консульствами и правительством и тесным связям со своими единоверцами в России. В работе рассматриваются особенности хозяйственной и психологической адаптации скопцов за границей, а также их религиозная деятельность.

Ключевые слова: секты, русские скопцы, Румыния и Россия, колонии, реэмиграция, религиозная деятельность

Российские скопцы, компактно проживавшие с начала XIX века в Яссах, Галаце, Бухаресте, к концу века превратились в неотъемлемую туристическую достопримечательность Румынии. Монополизировав в этих городах извозный промысел, скопцы, одетые в русские плисовые армяки, подпоясанные яркими кушаками, первыми около вокзала или пристани встречали приезжавших в страну, и воспринимались ими как еще одна изюминка в калейдоскопе балканской экзотики. О них упоминалось в «Путеводителе по Ближнему Востоку» Мейера и в «Путевых записках в Румынии» Лео Кларетти.

Однако само появление скопцов за пределами России, более чем 100-летнее существование секты в чужой стране и при этом их неразрывная связь с единоверцами на родине свидетельствуют о том, что история русского скопчества на румынской земле является частью, прежде всего, российской, мало кому известной истории¹.

В первой части статьи будут рассмотрены вопросы, связанные с историко-политическими аспектами существования секты за рубежом. Вторая часть посвящена культурно-религиозной стороне жизни скопцов в Румынии, хотя такое деление носит отчасти условный характер, поскольку и в их истории, и в формировании специфической культуры, и в повседневном быту основополагающую роль всегда играл религиозный фактор.

* * *

Скопчество относилось к религиозным учениям, которые принято объединять термином *духовное христианство*, поскольку оно отвергало внешнее поклонение Богу и признавало приоритет внутреннего откровения. Сами скопцы вели свое начало с середины XVIII века со времени императрицы Елизаветы Петровны и Петра III. Елизавета Петровна, по убеждению скопцов, оставив престол своей фрейлине и взяв имя Акулины Ивановны, стала скопческой «богородицей». Она духовно родила

Петра III, который принял скопчество, был свергнут с престола Екатериной II, заключен в темницу, но сумел бежать, и стал известен миру как Кондратий Селиванов.

Рис. 1. Портрет К. Селиванова
(холст, масло).
ГМИР. А-646-IV.

Рис. 2. Портрет Петра III-Селиванова
(рис. скопца Савельева).
ГМИР. ФФН. С-43-IV.

Селиванов был крестьянином д. Столбова Орловской губернии, вступил в хлыстовскую секту, но неудовлетворенный ее учением, в 1770-е годы решил реформировать его и сделать еще более строгим. Хлыстовский аскетизм, основанный на постулате о вечной непримиримой борьбе Добра и Зла – духовного и материального начал, был доведен им до крайнего радикализма во имя спасения души – до оскпления².

Испытав на себе кнут и все тяготы сибирской ссылки, волею судьбы при Павле I он оказался в Петербурге в лечебнице для сумасшедших, а после восшествия на престол либерального Александра I Селиванов получил полную свободу, проживал в богатых домах петербургских скопцов и пользовался царскими почестями, пока в 1820 г. тайно, по распоряжению царя, его не вывезли и не поместили в Суздальский Спасо-Ефимьев монастырь. В 1832 г. «батюшка» Петр III умер, однако скопцы были уверены, что он воскрес и обязательно явится при последних днях, чтобы судить мир. Земной царь уступит ему свой трон, все скопцы соберутся по его зову, и тогда наступит их тысячелетнее Царство.

Признавая Св. Писание богодухновенной книгой, скопцы понимали его иносказательно, выхватывая отдельные фразы и толкуя по-своему. Необходимость оскопления они доказывали словами Спасителя: «ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Матф. 19: 12); «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Матф. 5: 30); или ап. Павла: «умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание» (Кол. 3: 5) и т.д. Эти избранные места знали все последователи скопчества, поскольку с этих строк для каждого из них начинался путь в секту.

По скопческому учению Петр III–Селиванов был Сыном Божьим. В него вселился Святой Дух, который был до этого в Иисусе Христе, названном Спасителем, но во втором пришествии Сын Божий (К. Селиванов) был возвеличен как *Искупитель*. И если учение Христа известно миру как христианство, то учение Селиванова-Искупителя получило у скопцов название *искупительной веры*.

Скопцы опирались не столько на Св. Писание, сколько на свое предание, запечатленное в передававшихся изустно рассказах и духовных песнях – *распевцах*, которые слагались не иначе как под диктовку Святого Духа и исполнялись в общинах-*кораблях* на молениях, называвшихся *радениями*. Члены секты вели замкнутый образ жизни, не вступали в брак, а бывшие в браке воздерживались от плотских отношений, не участвовали в мирских развлечениях, не употребляли в пищу мясо и хмельные напитки. В силу отсутствия естественного прироста, скопческая секта рекрутировала членов из числа православных, отличалась крайним прозелитизмом и, несмотря на изуверский характер, быстро распространялась.

С момента обнаружения секты в 1770-е годы, она никогда не была терпима. Иллюзии, владевшие Александром I в начале царствования, что только гуманное отношение к скопцам искоренит секту, быстро рассеялись. По Указу Сената от 8 октября 1808 г. всех самооскопившихся старше 17 лет (скопцы не выдавали оскопителей и брали вину за оскопление на себя) решено было отправлять на военную службу; оскопленных в малолетстве по достижении ими 17 лет зачислять в армию. 4 августа 1816 г. высочайше велено оскопителей и зачинщиков секты отдавать в войска в Сибирь и Грузию, неспособных отправлять на поселение в Сибирь (СПЧР 1875: 37, 44).

При Николае I и после него законы, касавшиеся скопцов, только ужесточались. Их бессрочно с 1830-х годов ссылали на поселение в Закавказье, а с 1847 г. годных к военной службе зачисляли в специальную скопческую роту; отправляли на крепостные работы в Ригу и на Аландские острова; в каторжную работу на Нерчинские заводы в Сибирь; на поселение в Туруханский край, а с начала 1860-х годов поток ссыльных скопцов направился в Якутию. Наиболее злостных оскопителей заключали в тюремные отделения Соловецкого и Суздальского Спасо-Ефимьева монастырей.

Появление скопцов в Дунайских княжествах. Российские протеже

Уход за границу российских подданных в XVIII – первой половине XIX века хотя и не носил регулярного массового характера, но, вместе с тем, не был каким-то совсем исключительным явлением. Среди беглецов были крепостные крестьяне, криминальный элемент, стремившийся скрыться от ответственности, военные дезертиры, число

которых особенно умножалось во время военных действий, и люди, искавшие свободу вероисповедания. Многие из них находили приют в Дунайских княжествах – Молдавии и Валахии, официально объединившихся 23 декабря 1861 г. в государство Румыния, которое в 1877 г. провозгласило свою независимость от Турции.

Время от времени российское правительство объявляло амнистии, освобождая беглецов от наказания за своевольный уход при условии добровольного возвращения в течение определенного периода. 30 августа 1814 г. после победоносной войны с Наполеоном и заграничных походов русских войск был обнародован царский манифест, разрешивший бежавшим из России людям разных сословий беспрепятственно вернуться на родину. Именно тогда правительству стало известно, что за границей находится немало российских подданных из числа скопцов.

В 1815 г. управляющий Бессарабской областью уведомил министра юстиции, что на основании манифеста «являются к нему во множестве из-за границы оскопившиеся люди великороссийской породы с билетами, выдаваемыми от находящегося в Яссах российского генерального консула Пини» (РГИА 4: 1 об.). Управляющий, не зная, что с ними делать, запросил министра юстиции, а тот в свою очередь обратился в Комитет министров, который решил, что «люди сии принесут не столько пользы, сколько вреда», и постановил всех скопцов, вышедших из-за границы, вернуть назад. И таких скопцов, которых в 1815 г. вернули назад в Молдавское княжество, набралось более 200 человек (РГИА 4: 3 об.; РГИА 5: 5 об.; АВПРИ 4: 40 об., СПЧР 1875: 44).

Утратив надежду возвратиться на родину, не зная языка и законов чужой страны, скопцы попросили российское консульство в Яссах взять их под свое покровительство. Последнее согласилось «единственно из уважения к российскому их происхождению и чистосердечному сознанию несчастного своего заблуждения» (АВПРИ 4: 29). Скопцам пообещали защиту от «неправильных утеснений» со стороны местных начальств, но потребовали, чтобы они не занимались прозелитизмом.

Появление скопцов в столице Молдавского княжества г. Яссах и их численный рост насторожили молдавского православного митр. Вениамина, но сектанты сумели убедить его, что они православные, а оскоплены неизвестно кем в детстве и за это гонимы в России. Внешне они вели себя как вполне православные люди, посещали церковь, говели и причащались. В те годы среди скопцов были даже два иконописца, писавшие православному местному населению иконы и расписывавшие иконостасы в монастырях. Архимандрит монастыря Слатина, тогда занимавший должность ключника и хорошо знавший этих скопцов, работавших и живших в монастыре, свидетельствовал об их безукоризненной жизни (*Сырку* 1879: 33). Митр. Вениамин допустил их прислуживать в своей митрополичьей церкви и слушать не хотел живших в Молдавии русских старообрядцев, которые пытались объяснить ему, кто такие его подопечные (*Парфений* 1855: 181–183; *Melchisedek* 1871)³.

Втайне яские скопцы продолжали свои радения, принимали в секту новых членов, приезжавших из России, оскопляли и дооскопляли людей. Хотя митр. Мелхиседек в своем исследовании утверждал, что скопцы обещаниями материальных благ вовлекли в секту немало румынских мальчиков, российские дипломаты в княжествах отрицали подобную информацию и писали, что скопцы не искали последователей среди местного населения (*Сырку* 1879: 40; АВПРИ 4: 45). Если такие случаи и были, то их надо признать редким исключением. В 1830-е годы дважды велись расследования о ставших известными оскоплениях, и каждый раз часть скопцов бе-

жала из Молдавии в Валахию и Турцию, а остальные отрекались от своей ереси и торжественно присоединялись к православию. Скопцы «остались жить по-прежнему в Яссах под личиною православия», а светские и духовные власти постепенно перестали ими интересоваться (*Сырку* 1879: 39, 40).

В Валашском княжестве в г. Бухаресте вначале обосновалась небольшая группа скопцов. По примеру яских собратий в 1827 г. они обратились к проезжавшему через Дунайские княжества в Константинополь российскому посланнику при Порте Оттоманской Рибопьеру с просьбой, чтобы бухарестское консульство взяло их под свое покровительство как российских подданных. Посланник, получив положительный отзыв об их поведении, разрешил, и с этого времени скопцы Бухареста стали тоже пользоваться покровительством России в лице императорского консульства (АВПРИ 4: 29 об., 41 об.).

В мае 1834 г. Николай I высочайше утвердил положение Комитета министров, разрешившее беглым, на ком нет иных преступлений, кроме побега, вернуться из турецких владений. Это постановление было адресовано казакам-некрасовцам, жившим в турецкой в те годы Добрудже и выражавшим желание возвратиться в Россию, однако разрешением захотели воспользоваться и другие беглецы, в том числе скопцы, о которых никто из чиновников в тот момент не вспомнил. С конца 1834 г. скопцы потянулись в Россию. Они получали паспорта от российских консулов, законно переходили границу и попадали в Бессарабию. Большинство успели получить российские документы и исчезнуть из поля зрения властей. Комитет министров после проведенных МВД расследований постановил освободить их от суда и следствия, но многих даже не нашли, чтобы сообщить им это известие (РГИА 7: 1 об.–75).

Весной 1836 г. восемь яских скопцов из числа тех, кого еще в 1815 г. не впустили в Россию, обратились к Николаю I с верноподданнической просьбой о возвращении. Император заинтересовался этим делом, и только тут выяснилось, что никаких законодательных актов, запрещающих скопцам вернуться, в Министерстве внутренних дел нет (РГИА 5: 15 об.; РГИА 18: 2–2 об., 4 об., 6 об.). Статс-секретарь А.С. Танев по повелению императора запросил мнение П.Д. Киселева, бывшего с 1829 по 1834 гг. управляющим Дунайскими княжествами, об этих людях. Киселев ответил: «Скопцы, живущие в княжествах Молдавии и Валахии, суть люди вообще торговые, довольно зажиточные, трезвые и благонравные. Во время пятилетнего управления моего княжествами, однажды только доходило до меня сведение о наклонности их привлекать в свою секту (за что, кажется, они были высланы из России), но по первому воспрещению всякое со стороны их дальнейшее к сему покушение прекратилось. Вообще, люди сии мне известны скромным их поведением, сохранением чрез 20 лет пылкой приверженности к Отечеству и всех русских обычаев, некоторых же из них лично таковыми знаю по бытности их старшинами общества» (РГИА 1: 2–2 об.).

Несмотря на благоприятный отзыв Киселева, высочайшим повелением от 19 марта 1837 г. въезд в страну скопцам был категорически запрещен безотносительно того, где, как и когда они оскопились, «дабы тем удержать распространение сей вредной секты и оградить от заразы простолудинов» (СПЧР 1875: 198–199; РГИА 13: 5 об.). Впоследствии это высочайшее повеление стало основополагающим законом при принятии решений о въезде скопцов на территорию России. Запрет на въезд в страну скопцам был подтвержден постановлением Комитета министров от 10/22 июня 1870 г. (СПЧР 1875: 661–662).

Скопческая секта на территории Дунайских княжеств, а позже Румынии, постепенно численно росла. В 1835 г. в Яссах проживало более 60 скопцов, в 1870-х годах – уже до 250 человек обоих полов, а в начале нового века только мужчин-скопцов в Яссах насчитывалось приблизительно 300 человек (АВПРИ 1: 23 об.). В Галаце в 1846 г. было одно семейство скопцов, состоявшее из пяти человек. В 1873 г. скопческая община Галаца насчитывала 217 человек (ГАОО: 56). Значительная колония была в Бухаресте. Малочисленная группа проживала в Брэиле. В турецкой Добрудже (с 1878 г. в составе Румынии) в г. Тульча несколько скопцов появились еще в начале 1820-х годов. Побывавший там в 1846 г. Н.И. Надеждин, отмечал, что в городе проживали всего трое или четверо представителей этой секты (Сырку 1879: 45 прим.; Надеждин 1860: 125). К концу XIX века скопцы расселились по Добрудже и появи-

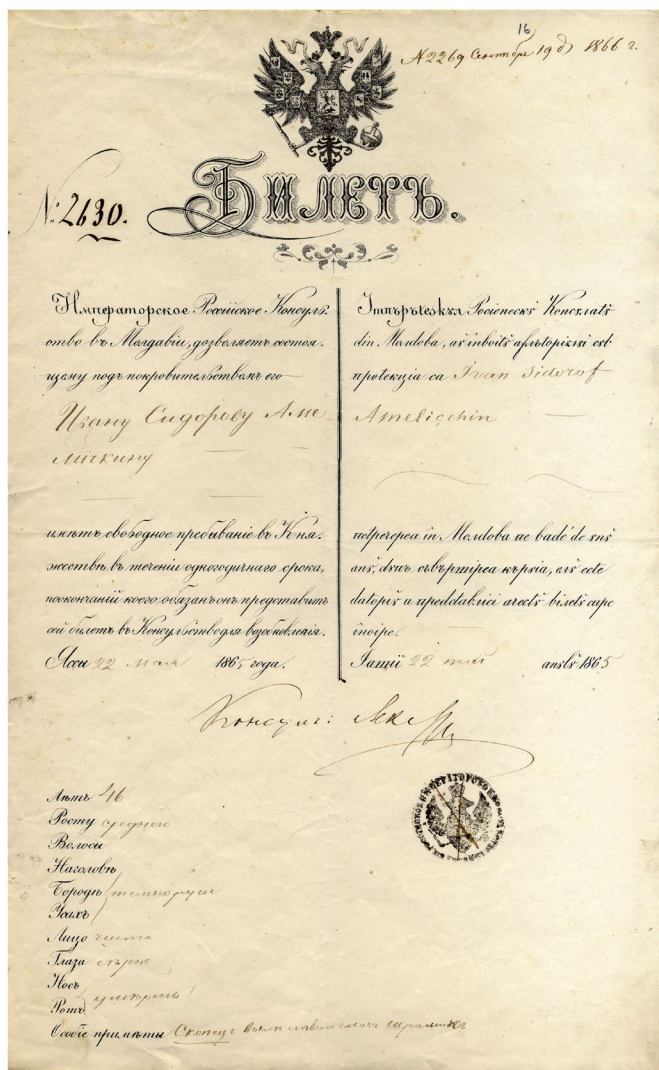

Рис. 3. Билет скопца, выданный консульством России в Яссах. 1865 г. АВПРИ. Ф. 312 Оп. 575. Д. 1067. Л. 16.

лись в Констанце, Мангалие и с. Дой Май (уезд Констанца)⁴.

Приток в княжества новых сектантов ставил консульства в весьма затруднительное положение, и надо было что-то с этим делать. В 1841 г. в Бухаресте, Галаце и Брэиле по предложению генерального консула в Молдавии и Валахии Я.А. Дашкова были составлены списки находившихся там скопцов с подробным описанием их примет, которые отныне должны были указываться и в годовых билетах, выдаваемых консульствами.

Всех тех, кто не вошел в эти списки, власти Валахии согласились высылать за Дунай в Турцию. Дашков был уверен, что принятые меры обязательно приведут к полному искоренению секты в княжествах.

Во время переписи часть скопцов отказалась от билетов и соответственно покровительства консульств под тем предлогом, что их вера запрещает описание внешних примет. Из девяти скопцов мужского пола, проживавших в 1841 г. в Галаце и Брэиле, только трое – Федор Авдеев и двое его служащих – сразу же согласились с новыми требованиями и получили годо-

вые билеты под первыми тремя номерами. Отказавшимся дали двухмесячную отсрочку для расчета по долговым обязательствам, а после этого выслали за Дунай (АВПРИ 4: 17–17 об.). Видимо, все или часть высланных обосновались в турецкой Тульче.

Вдохновленный первыми успехами, Дашков рекомендовал консульству в Яссах внушить молдавскому правительству, чтобы оно последовало примеру Валахии и высылало вновь прибывающих. Молдавские власти распорядились о переписи скопцов в Яссах, но и сами яские скопцы в 1844 г. обратились в консульство с просьбой о покровительстве и выдаче им билетов на новых условиях (там же: 16 об., 28).

По данным консульства в Яссах, число скопцов начало уменьшаться, и было похоже, что надежды Дашкова на искоренение секты оправдываются, но тут в Яссы переехали шесть скопцов из Бухареста, правда, с билетами тамошнего российского консульства, которые яское консульство признало действительными. А в 1847 г. в городе появилась группа из пяти скопцов из Одессы. Этим пятерых попытались выслать назад в Россию с тем, чтобы там их привлекли к ответственности за нелегальный переход границы и за скопчество, но Скулянский центральный карантин, через который осуществлялся законный переход границы, на основании высочайшего повеления (от 19 марта 1837 г.) скопцов через границу назад в Россию не пропустил, и консульству пришлось закрыть глаза на их причисление к обществу яских скопцов (там же: 31 об.).

Русские консульства и в будущем ежегодно сверяли списки и время от времени устраивали новые переписи, обязывали скопческие общества давать подписки, что они не будут принимать новых беглецов. Однако «билеты умерших членов общества часто переходили в частные руки, и это злоупотребление скрывалось от наблюдения консульств появлением лиц, получивших эти виды, в тех городах Молдо-Валахии, где умершие не были лично известны» (РГИА 9: 3), – писал российский консул в Бухаресте.

В 1850 г. генеральное консульство в Бухаресте по поручению Министерства иностранных дел составило «Записку о скопцах». В сопроводительном письме автор ее обращал внимание МИДа на то, что «находившиеся в обоих княжествах скопцы всегда отличались кротким, безукоризненным образом жизни, делают консульствам весьма мало затруднений и при неблагоприятных происшествиях 1848 года оказали свою преданность и усердие к императорскому правительству, за что и удостоены были всемилостивейшаго внимания назначением им денежного награждения. После этого без особой с их стороны вины несправедливо было бы отказать им в покровительстве, коим они как природные русские с давних лет пользуются, тем более что отчуждение их от признаваемой ими доселе с благодарностью власти нашей неминуемо заставило бы их искать себе защиты у иностранных агентов, из коих многие из политических видов или по иным побуждениям сияются умножить здесь число состоящих под их покровительством людей без строгого разбора, имеют ли они на то право по своему происхождению и вероисповеданию» (АВПРИ 4: 39).

Речь в «Записке» шла о народных волнениях в Валахии в 1848 г., во время которых скопцы охраняли консульство. Стоит обратить внимание и на высказанные в письме опасения, что скопцы могут обратиться за покровительством к иностранным консульствам. Надо полагать, что именно эти два обстоятельства: преданность скопцов России и ее интересам и гипотетическая возможность их перехода под иностранное покровительство как раз и настраивали российских дипломатов на лояльное отношение к этой секте.

Покровительство, оказывавшееся ими скопцам, шло вразрез с государственной антисектантской политикой правительства внутри России. Румынские скопцы невольно

оказались вовлечены в сферу интересов России на Балканах, которая не хотела, чтобы их как-то использовали против нее, тем более что в княжествах и соседней европейской Турции существовала российская политическая эмиграция, в том числе польская, появившаяся там после восстания 1830–1831 гг. и находившаяся под влиянием Франции.

Консул в Бухаресте отмечал в письме, что скопцам легко и даже выгодно взять иностранные паспорта и навсегда избавиться от наблюдения со стороны российских консульств, однако настойчивое стремление прибывавших новых скопцов получить российское покровительство, по его мнению, «можно объяснить только естественною и неискоренимою привязанностию их к России» (РГИА 9: 3 об.). Автор просил дать консульствам в Молдавии и Валахии в целях «противодействия злу» право выдавать билеты и брать под российскую юрисдикцию вновь прибывавших сектантов, чтобы удержать их около консульств. Министерство внутренних дел, исходя из своих ведомственных интересов и прекрасно понимая, что такое разрешение послужит поощрением для скопцов-эмигрантов, отказало в этой просьбе (там же: 6).

Сложившаяся ситуация с покровительством и выдачей билетов была противозаконной, поскольку существовал Устав о паспортах, где четко прописывалось кто и на какой срок выдает билеты и паспорта для внутреннего пользования и для выезда за границу, и консульства таких прав не имели. Вместе с тем, нелегально покинувшие пределы России скопцы, как и прочие эмигранты, формально все равно оставались ее подданными, так как процедуру их исключения никто не проводил. Поскольку статус эмигрантов, принятых под покровительство, был неопределенным, то консульские чиновники называли их (не только скопцов, но и молокан, евреев) не подданными, а протеже. Получив на год российские билеты, скопцы могли брать в княжествах (в Румынии), документы, по которым проживали как иностранные подданные.

Новоприбывавшие скопцы, которые не попадали в списки консульств и не имели российских билетов, старались за деньги достать румынские. В 1883 г. российская миссия в Румынии и румынское правительство подписали соглашение, в соответствии с которым был составлен новый список скопцов, считавшихся русскими протеже, все остальные, не внесенные в него, были снабжены румынскими паспортами и стали подданными Румынии. Равных с остальным населением Румынии политических прав они, тем не менее, не получили, как физически увечные, а не имея их, не могли официально оформить религиозную или гражданскую общину, которую бы власть признала законной (РГИА 3: 148–148 об.; АВПРИ 1: 27 об.). Вместе с тем, законы Румынии не предусматривали уголовного наказания за принадлежность к скопческой секте. Румынские власти старались не заострять внимание на религиозной деятельности скопцов, которые исправно платили налоги и считались вполне законопослушными людьми. Не было случая, чтобы за отсутствие паспорта был арестован неизвестно каким образом прибывший из России сектант, и все знали, что скопцы подкупают чиновников и полицию и им все сходит с рук (АВПРИ 1: 28 об.–29).

В то время как общая численность скопцов увеличивалась, число состоявших под покровительством России неуклонно уменьшалась. Так в 1903 г. в Румынии русских протеже было 56 человек, из них в Яссах только 16, хотя всего в это время в этом городе было более 300 скопцов мужского пола (там же: 20).

Возникает вопрос, а что конкретно давал российский паспорт и покровительство консульств. Н.И. Надеждин, побывавший в Молдавии и Валахии в 1846 г., писал, что там скопцы под защитой недавно присвоенного им «имени подданных русских»

и что «они получают паспорт от местных российских консулов и им одним подсудны, так что туземные власти не имеют никакого права до них касаться» (*Надеждин* 1860: 121). Это не так. В случае совершения преступления на территории Румынии иностранцы были подсудны ее законам, но консульство могло потребовать объективного расследования и отчасти контролировать его; оно разбирало споры своих граждан, возникавшие между ними, и регистрировало коммерческие сделки. Хотя въезд скопцам в Россию был запрещен, но у протеже оставалась надежда, что законы изменятся и им, как российским подданным, разрешат вернуться.

Консульские протеже в княжествах, а потом в Румынии, выбирали из своей среды старост и представляли их кандидатуры на утверждение консульств. Староста был представителем и посредником между обществом скопцов и консульством. Ему приходилось отвечать за все нарушения установленного консульством порядка. С 1873 г. присутствие старосты стало обязательным при заключении скопцами контрактов и сделок, иначе эти бумаги не принимались консульством к рассмотрению в случае споров (АВПРИ 5: 2). Последнее существенно подняло в глазах скопцов престиж этой хлопотной должности.

Выборы проходили ежегодно, но обычно староста занимал этот пост несколько сроков. Право избирать и быть избранным имели только те скопцы, у которых был непросроченный паспорт, выданный консульством. Эта рутинная процедура редко чем-то нарушалась. Разве что во время выборов старосты на 1888 г. яское общество раскололось и выдвинуло сразу двух кандидатов. Консульство проверило билеты, подсчитало число выборщиков за каждого из них, и вопрос был решен (АВПРИ 7). В целом, отношения российских консульств в Румынии со скопцами, особенно с протеже, можно охарактеризовать как вполне лояльные, а в периоды военных действий и народных смут – даже дружественные.

Пути пополнения скопческого сообщества

Преследования со стороны Российского государства большинство сектантов воспринимали как данный свыше крест, как испытание их веры, ибо «претерпевший же до конца спасется» (Мтф. 10: 22), и были готовы к настоящим и грядущим страданиям, но у некоторых не доставало смирения и мужества, чтобы перенести все, уготованное им Богом и людьми. Именно эта категория скопцов чаще всего бежала за границу. Позиция таких беглецов очень точно отражена в письме бухарестского скопца Федота Давыдова к отцу в Одессу, который, видимо, упрекнул сына за то, что тот ушел за границу: «<...> я рад и готов к исполнению судьбы Божией, только кроме Шемахи» (ГАРФ 1: Ч. 2, 323 об.). Это письмо написано в 1847 г. как раз в это время правительство десятками ссылало скопцов в Закавказье в Шемаху и окрестные селения, где они оказывались в тяжелых климатических условиях, без средств к существованию. Федот Давыдов был готов принять Божественное предначертание, но он категорически исключал из него Шемаху, как в разное время другие беглецы исключали Аландские острова или Сибирь.

Страх наказания был основной, но не единственной причиной побегов. Из-за невозможности свободно отправлять религиозные обряды и выполнять все требования своей секты в России у части глубоко верующих людей возникало ощущение собственной греховности и недостижимости спасения. Желание *убелиться* могло стать сильной мотивацией к побегу, поскольку скопиться в России было очень опасно.

Некто бердянский мещанин Дмитрий Семенов отроду 16-ти лет вместе с братом еще на родине вступил в секту; они обманули отца, сказав, что едут по торговым делам, взяли паспорта до Николаева; оттуда подались в Галац и там оба оскотились (РГИА 10: 105). Крестьянин Петербургской губернии бежал в 1860 г. в Валахию, поскольку в России он был под подозрением и не мог принять «печать» (ГМИР 2: 1 об.). И таких примеров было много.

Единоверцы-эмигранты своими письмами поддерживали в гонимых в России собратях естественное желание найти лучшие условия для духовной жизни, а заодно, по возможности, улучшить и свое материальное положение. Крепостной крестьянин-скопец из Саратовской губернии Осип Кулаков, бежавший в низовья Дуная в «Туретчину» (Добруджу) и устроившийся в старообрядческом с. Сарикей, часто бывавший по делам в Молдавии и Валахии, явно хотел поразить воображение близких, когда в 1850 г. с нескрываемым восторгом писал им: «<...> здесь хлеб дешев, а виноградное вино дешевле квасу, орехи, виноград, изюм <...>, финики – дешевле рябины, податей с нас берут в год три целковых; я служу у хозяина, беру жалованья 350 р. <...>» (ГАРФ 1: Ч. 4. 26 об.).

Ссылные в Закавказье скопцы, получая письма от своих заграничных собратий, сравнивали их с письмами, получаемыми от российских скопцов, и отмечали, насколько по-разному они написаны: «К нам идут письма из России весьма кратко начертанные, так что с трудом [можно] понимать смысл написанного, а из Вашей страны как из особенного кабинета присылаются товары в сравнении художество-искусного бархата на алом и голубом поле сапфирским золотом вышитого» (там же: Ч. 2. 195), и завидовали «безбоязненной» жизни эмигрантов, которые свободно *люкуют* (любимое слово скопцов, означающее хождение в духе, религиозный экстаз) среди себе подобных.

На радужном фоне заграничной жизни своя собственная жизнь в России воспринималась некоторыми скопцами как уже совершенно невыносимая. Показательны в этом отношении письма за 1847 г. из посада Злынка Черниговской губернии, в которых родители и братья галацкого скопца Никиты Новикова писали ему о тяжелой жизни, хотя это была не бедная семья, и умоляли забрать их. «Изъясняю тебе, братец, что худое житье наше тебе известно, какова наша жизнь, то не можно ли сделать так, как известно тебе было в России, чтоб быть нам вместе всем или нельзя ли одного братца выручить из неволи», – писал отец, а брат Еким продолжал: «Милый братец, прошу тебя, не оставь моей просьбы: возьми меня к себе, ибо худо жить у нас, не могу терпеть, ибо тебе известно, какая у нас жизнь. Ох, Боже мой, Боже мой! Грех душам нашим! Милый братец, умилосердися надо мною, беззаконным и ленивым». И опять далее к сыну обращался отец: «Прошу я и матушка твоя со слезами, если можно, выручи нас из неволи, и если можно выручить меня и всех, то пиши, каким родом можно <...>» (там же: Ч. 2. 125, 126 об.–127). Из текста писем понятно, что все семейство Новиковых состояло в секте, но не все были оскотлены, например, Еким; поэтому Никита был особенно заинтересован в приезде брата, чтобы «засеять в нем семя».

Особую категорию бежавших составляли оскотители, за которыми в России охотилась полиция. Арестованные оскотленные, как правило, не выдавали тех, кто их убелит, и «операторы» успевали скрыться за границу (ГМИР 2: 1). Нередко, отсидевшись некоторое время в безопасности, они возвращались назад под новыми фамилиями и опять занимались вербовкой в секту и оскотлением.

Были случаи, когда до вожделенной Румынии добирались скопцы даже из якутской ссылки. В 1879 г. из Олекминского округа Якутии бежали сразу четверо. Полиция шла по их следу, поскольку они неосторожно послали с дороги письма братцам в скопческие селения, но беглецам все же удалось добраться до Румынии. А в 1880 г. скопчиха из Олекминского округа Якутии получила из Румынии письмо, в котором ее знакомые сообщали: «У нас некоторые стали появляться с вашей стороны: Иван Красников здесь, Степан Павлов, Фома Васильевич и прежде один, – всех четыре человека, и они нам все подробно говорят» (*Ольминский* 1905: 180). Правда, названные фамилии не совпадают с фамилиями беглецов, но обычно они меняли их за границей. Один из четверых бежавших якутских скопцов потом все же вернулся в Россию, но уже в роли учителя, и закончил опять ссылкой в Якутию (*М.В.* 1901: 189).

После того как ссылным скопцам в 1905 г. разрешили покинуть Якутию, некоторая часть их переехала в Румынию, казавшуюся им землей обетованной, где у многих, к тому же, были старые знакомые, в свое время успевшие бежать за границу.

Далеко не каждый желавший, особенно из отдаленных местностей, все же решился на побег, поскольку без документов и денег было очень трудно добраться до границы, а тем более перейти ее. Существовала большая опасность попасться за бродяжничество, а за этим при обнаружении внешних признаков оскопления следовал суд и бессрочная ссылка. По нашим подсчетам в 1906 г. более 70% заграничных скопцов были выходцами из Курской, Орловской, Херсонской, Рязанской, Таврической губерний и Кубанской области, и буквально единицы вышли из Тверской, Нижегородской, Вятской и прочих отдаленных от границы губерний⁵.

Существовало несколько способов оказаться по ту сторону. Наиболее часто переход границы совершался нелегально. Возник и развился хорошо поставленный доходный бизнес по переправке людей через границу. Проводниками были евреи, молдаване и русские из приграничных селений, а перевалочными пунктами в Румынию – Унген, Скуляны, Леово в Бессарабии. Скопцы, зная, к кому надо обратиться, сколько заплатить и как себя вести, неоднократно переходили границу и даже тайно ездили домой в Россию по делам и повидаться с родными. Никита Новиков в письме объяснял брату, как перебраться к нему в Молдавию: «<...> в Одессе есть скопец Семен Игнатъевич Давыдов, купец 3-й гильдии, живущий на Молдаванке, или же Иуда Устинович, то с ними сходишь на почту и эти деньги, которые будут у тебя, пошлешь ко мне в Галац, а сам поедешь из Одессы в Скуляны, и я тогда пребуду к тебе на переговоры. В Скулянах есть жидовка Сурка, она содержит постоялый двор, то у ней можно остановиться, и она переправляет; ну, тогда и дела те будут пояснее мною тебе рассказаны, как поступить надобно, по той причине не надобно деньги при себе иметь, ибо на границе ограбят» (ГАРФ 1: Ч. 2. 154 об.–155).

Известны случаи, когда скопцы переходили границу вместе с русской армией, например, во время русско-турецкой войны 1827–1828 гг. (РГИА 6: 3 об.–4). После того как по Парижскому миру 1856 г. часть Бессарабии отошла к Молдавии, сопредельные государства стали выдавать приграничным жителям билеты на семидневное пребывание за границей. Приграничным оказалось с. Николаевка, которое было известно как молоканское, однако в нем были и скопцы. Сельский голова (примарь) Николаевки – скопец и на тот момент молдавоподданный, успевший побывать в ссылке на Кавказе, Феодосий Волошин – стал выдавать эти семидневные билеты своим единоверцам, начавшим приезжать в Николаевку, и скопцы свободно ходили из России в Молдавию и обратно.

Если скопец не имел внешних признаков оскпления, он мог взять заграничный паспорт на поклонение святыням, например, в Иерусалим к Гробу Господню или в Яссы к мощам св. Параскевы, и уйти за границу вполне легально. Такие паспорта давали на длительный срок, иногда до двух лет. Однако этим способом пользовались, главным образом, скопчихи, которые приезжали навестить своих родных, по торговым делам или с целью сбора пожертвований на ссыльных. В мае 1847 г., например, к А.А. Максимова и П.П. Матюшеву, которые проживали вместе, по заграничному паспорту, выданному для поездки на богомолье на шесть месяцев, приехала в Бухарест, очевидно, погостить, мать Максимова и должна была подъехать еще одна родственница (ГАРФ 1: Ч. 2, 197–197 об.). В 1873 г. в Галац прибыла мещанка г. Николаева Александра Логвинова с заграничным паспортом для следования в Иерусалим к святым местам. Консул в Галаце, заподозрив ее в принадлежности к секте, навел справки и выяснил, что Логвинова скопчиха, «и уже несколько лет, как она посещает Галац. Приезжая из Николаева, останавливается у здешних скопцов, ведет какую-то торговлю платками и собирает от галацких и бухарестских скопцов денежные вспомоществования» (ГАОО: 39 об.).

Особенности скопческого патриотизма и монархизма. Вопрос о возвращении в Россию

Эмигранты в первом поколении, как известно, особенно остро переносят разлуку с родиной, независимо, сколько лет прошло с момента их приезда в чужую страну. Они с трудом адаптируются среди иноэтнического окружения и, даже выучив язык, все равно остаются «чужаками». Если старообрядцы, однажды попав в Буковину, Молдавию или Турцию, во втором и третьем поколении могли сказать, что это их родина, то у скопцов не было второго поколения, которое могло бы назвать эти земли своей родиной. Для скопцов разных лет эмиграции родиной всегда оставалась только Россия. Даже если их привозили детьми, они воспитывались и вырастали в русском окружении и с сознанием, что обязательно должны когда-нибудь вернуться. Типичным можно назвать эмоциональное признание в любви к родине, сделанное галацким скопцом: «<...> подданным желаю остаться российским, ибо мне грешно продавать свое Отечество или не любить его, если очи мимо воли плачут по нем!» (РГИА 15: 28).

Несмотря на то, что правительство в России всеми силами старалось уничтожить секту, принимая против нее все более жесткие законы, у заграничных скопцов не было каких-то неприязненных чувств ни к России, ни к православной церкви, ни к монарху. Оказавшись на чужбине, они, по отзывам консульских сотрудников, старались сохранить свою русскость, связь с Россией и испытывали верноподданнические чувства к ее царю. Пожалуй, среди русских сект не было другой, настолько же проникнутой патриотическими и монархическими настроениями, как скопческая.

Очевидно, причину этих настроений надо искать в идеологии секты. Ее основателем и Сыном Божьим, как было сказано, скопцы считали императора Петра III. Они верили, что когда Петр III-Селиванов снова явится в мир, то царствующий император уступит ему свой трон, как законному хозяину. Скопческую веру, по мнению сектантов, тайно принял Александр I и ушел в Сибирь под именем Федора Кузьмича, да и последующие цари втайне были на стороне скопцов, но им надо было сохранить свое царство, чтобы народ в нем не перевелся и платил подати, давал рекрутов, поэтому они вынуждены были принимать законы против секты. «Явные государи

знают эту тайну (о том, что Искупитель – это Петр III и Сын Божий. – С.И.) и знают, что надо будет престол ему сдать: они его заместники <...> Наместники Божие, Искупителивы – это наши государи, за то им и власть такая дана» (*Кельсиев* 1867: 611), – так рассуждали о царях галацкие скопцы. И все это свершится не где-нибудь, а в России, и только там воссияет Царство Божие.

Скопцы неоднократно подавали всеподданнейшие адреса российским монархам с изъявлением своих чувств. Монархические взгляды румынских скопцов отмечали и современники. Например, В.И. Кельсиев писал о своем хорошем знакомом, яском скопце, который любил слушать рассказы о государевых делах: «Он горд государем, горд успехами России в его царствование, горд, что славяне, заходившие при нем ко мне, так благоговели перед Россией <...>» (*Кельсиев* 1941: 414).

Реформы 1860-х годов, а потом война России с Турцией за освобождение христиан на Балканах очень подняли авторитет Александра II, в том числе в глазах румынских скопцов, которые считали его «восточным христианским царем». Ожидая его приезд в Бухарест в 1878 г., скопцы подготовили адрес, в котором называли себя не иначе как «верноподданными скопцами»: «Ваши верноподданные скопцы исполнены неизреченною радостью видеть обожаемого нашего Монарха Освободителя и преобразователя российского народа <...>» (РГИА 11: 1). С позволения императора скопцам было разрешено поднести его величеству и членам фамилии хлеб-соль, и это было воспринято ими не только как величайшая милость, но и как залог будущего прощения.

В следующем году румынские скопцы обратились к императору с прошением, разрешить им вернуться в Россию. Они писали, что «скопцы Румынии всегда старались своим трудолюбием и добрым поведением доказать, что они достойны носить имя русских, которым они гордились как самым дорогим своим достоянием», что они «с восторгом схватились за случай минувшей войны, чтобы всеми мерами доказать глубокую свою преданность священной особе Вашего Императорского Величества и августейшим членам Императорской фамилии <...>» (РГИА 12: 2 об.). Они жаловались на чувство одиночества, которое терзает их на чужбине, и просили дозволить им вернуться на родную землю, с которой они «по духу никогда не расставались», клялись, что никто из них «ни словом, ни делом никогда не позволит себе ничего противного законам империи». Но если в этом им будет отказано, то тогда они просили разрешить хотя бы временный приезд в отечество для свидания с родными и для коммерческих дел (там же: 3 об.). Письмо было составлено очень проникновенно, и, видимо, тронуло сердце императора. Об этом можно судить по тому, что оно не было сразу и однозначно отвергнуто. Александр II поставил на нем резолюцию: «Переговорим об этом». Однако министр внутренних дел напомнил, насколько это вредная секта и что очень опасно разрешить им возвратиться в страну, тем более что последнее время секта активизировалась на юге России в связи с появлением второго Искупителя, а румынские скопцы приняли в этом деле «деятельное участие» (там же: 5–5 об.). Прошение скопцов было оставлено без последствий.

Во время войны 1877–1878 гг. скопцы помогали русской армии и состояли при ней в качестве подрядчиков, а извозчики старались оказать услуги военному руководству России, находившемуся в Главной императорской квартире в Бухаресте. Их нанимали на службу, и им доверяли возить начальство. Староста бухарестских скопцов П.П. Матюшев стал поставщиком экипажей Главной императорской квартиры, возил по Болгарии императора Александра II, и получил разрешение приехать в

Одессу для покупки лошадей и экипажей. Матюшев был награжден за услуги армии золотой медалью «за усердие». Когда же после войны (в 1879, 1881, 1882 и 1884 гг.) он стал просить разрешения на въезд в Россию, ему отказали. Причем, свое прошение в 1881 г. Матюшев обосновал желанием поклониться гробу «избавителя христианских народов» – Александра II. Во внутренней переписке между Министерством внутренних дел и III отделением собственной ЕИВ канцелярии отказ обосновали высочайшим повелением 19 марта 1837 г. (РГИА 13: 4 об., 11 об., 13).

У некоторых, особенно к старости, мечта последний раз побывать на родине становилась настолько сильной, что ради ее осуществления они шли на всевозможные хитрости и обман. Показательна история скопца из Галаца Федора Баймакова. Он находился за границей с 1840 г. В 1863 г., когда ему уже было 80 лет, Баймаков обратился с прошением к вице-канцлеру кн. А. Горчакову о возвращении на родину, и, видимо, это было не первое обращение; в 1865 г. он написал прошение русскому посланнику при Порте Оттоманской Н.П. Игнатьеву. По словам автора этих прошений, он неутешно тосковал «по милой и дорогой сердцу» Тверской губернии, где и хотел быть похороненным. Баймаков был «протеже» и имел благодарности от директора Императорской публичной библиотеки в Петербурге за присылку древних книг и рукописей, и ему казалось, что это весомое основание, чтобы сделать для него исключение. Баймаков умолял Игнатьева исходатайствовать ему если не постоянное проживание в Тверской губернии или при Киевской лавре, то право на свободный въезд «как для поклонения мощам угодников Господних в Киевской лавре, так для производства торговли». Эти последние слова совершенно диссонируют с трагическими нотами письма. И многие другие скопческие прошения заканчивались упоминанием о деловых интересах, связанных с приездом в Россию. Очевидно, скопцы, привыкшие в Румынии к уважению за их умение вести дела, за материальный достаток, считали ссылку на коммерцию хорошим аргументом в пользу выдачи им разрешения на въезд. Но вернемся к истории Баймакова. После очередного отказа в феврале 1866 г. он обратился с прошением на имя государя императора, но и это не дало желаемого результата: Комитет министров в марте отклонил просьбу, а государь утвердил решение. Но уже в апреле того же года разрешение на въезд в Россию для него и его семьи, состоящей из жены и дочери, было все же получено, причем выдало его III отделение. Очередное ходатайство Баймакова основывалось на том, что ему необходимо лично предоставить властям важные политические документы и дать подробные объяснения на словах. Его обещание сообщить что-то важное пришло в Петербург после того, как 4 апреля произошло покушение Д.В. Каракозова на жизнь Александра II, и следственная комиссия сочла себя не вправе «усомниться в заявлении 84-летнего старца». Баймаков с семьей прожил у родственницы в Москве год. Чтобы собрать деньги в один конец ему пришлось распродать все движимое имущество (его маленький домик никто не купил), но на обратную дорогу Министерство императорского двора выдало ему пособие в 500 руб., приняв во внимание сделанные им пожертвования книгами в пользу императорской публичной библиотеки (РГИА 8: 5 об., 34 об., 24 об.).

Скопец из Бухареста Аверьян Востоков-Рыбничано, а на самом деле просто Аверьян Грудкин, добиваясь разрешения проехать в Россию, приложил к прошению (1883 г.) бумагу в Департамент полиции, в которой перечислил вопросы, которые может раскрыть, как то: об оскопителях, нелегальной переправке через границу, контакты румынских скопцов с российскими и др. Ему отказали, сославшись на положение от 10/22 июня 1870 г., а донос предложили подать в письменной форме

(РГИА 14: 1–9). Выдать скопческие секреты правительству, разоблачить оскопителей не только обещал, но и уже начал в письмах своих это делать скопец Иван Савинко (РГИА 15: 95 об.–96 об.). Скопец из Галаца П.Ф. Белов в прошении на имя царя в 1886 г. приводил три довода, которые давали ему право на въезд: во-первых, что он оскоплен в малолетстве и вины его в том нет, во-вторых, он торгует и получает товар из России, а это требует его личного присутствия; и наконец, он обещал помочь правительству искоренить скопчество. Аргументация автора прошения вдруг неожиданно показалась министру внутренних дел Толстому основательной, и он предложил в виде исключения разрешить Белову временный приезд (РГИА 16: 5–9).

11 августа 1904 г. был обнародован Манифест, даровавший свободу вероисповедания неправославным гражданам страны, однако он не касался скопцов. Его очень ждали ссыльные сектанты в Восточной Сибири и беглые сектанты в Румынии. В феврале 1905 г. яские скопцы обратились к императору с очередным прошением. Они воспользовались случаем выразить соболезнование государю по поводу убийства великого князя Сергея Александровича и одновременно с адресом подали прошение, в котором объясняли, что вынуждены были покинуть отечество из-за суровости законов, направленных против скопцов, напомнив, что никогда не поддавались на наущения врагов России и всегда старались за рубежом быть полезными своей стране. Скопцы упомянули, что государь озабочен изысканием мер к облегчению положения верноподданных иноверного исповедания и дарованием им различных прав и умоляли разрешить им свободно проживать в России, отменить ссылку в Сибирь или же хотя бы даровать право въезда в Россию «для поклонения русским святыням». Многозначительно звучит их заключительный пассаж: «<...> насколько для нас будешь милостив, настолько бог будет тебе помощником в брани» (ГМИР 1: 2 об.). В это время шла русско-японская война, очень неудачная для России, и скопцы решились напомнить царю, что у них с Господом Богом есть особые отношения.

Высочайшим указом Сенату от 25 июня 1905 г. (п. 8) Манифест от 11 августа 1904 г. был распространен на лиц, осужденных за преступления по статьям 197, 200–203 Уложения о наказаниях. Все эти статьи инкриминировались российским скопцам, и им были дарованы льготы в тех же пределах, как и всем ссыльнопоселенцам и ссыльнокаторжным. Постановлением от 8 ноября 1905 г. МВД освободил скопцов от ответственности за выезд за границу. В российские консульства хлынул поток ходатайств о возвращении. Скопцам разрешили вернуться, однако внутри страны законы, преследующие за скопчество, не были отменены, и вопрос об освобождении вернувшихся от уголовной ответственности мог быть решен только после их прибытия на родину. Если даже с них снимали уголовную ответственность, то еще два года они должны были находиться под надзором полиции. Безусловно, манифестом безбоязненно могли воспользоваться те, кого вывезли за границу и оскопели в детстве, а судьба остальных была под большим вопросом, особенно тех, кто бежал от воинской повинности. В 1905–1906 гг. в генеральное консульство поступили заявления из Ясс, Бухареста, Мангалии, Констанци и больше всего из Галаца. Некоторые делали приписки, что оскоплены в детстве или о том, что не смогли «привыкнуть ни к языку, ни к общественному порядку вещей» (РГИА 3: 131). Генконсул в Румынии, признавая вредность секты и тот факт, что там есть фанатики, насильственно оскоряющие людей, тем не менее, счел нужным высказаться в их пользу: «Считаю долгом удостоверить со своей стороны, что большинство наших скопцов, проживающих в Румынии, вполне заслуживает нашего внимания к нему: оно несколько

не утерять своей русской национальности, оно непрестанно высказывает чувство патриотизма и искреннего участия к тяжелым испытаниям, постигшим нашу родину; оно отнеслось с негодованием к мятежным матросам броненосца “Князь Потемкин” и держит себя совершенно в стороне от них» (АВПРИ 1: 36–36 об.).

Российская миссия в Румынии на протяжении всего 1906 г. вела переписку с разными ведомствами на тему реэмиграции скопцов, пока, наконец, Министерство юстиции не заявило, что затрудняется обратиться к императору с ходатайством о полном прощении заграничных скопцов, поскольку это будет несправедливо по отношению к скопцам внутри империи, которые под судом или осуждены (АВПРИ 2: 170 об.). В дальнейшем российские миссии в Румынии, прежде чем визировать скопцам паспорта на въезд в Россию, каждый раз запрашивали у Министерства внутренних дел разрешение.

Вопрос о возвращении на родину вновь остро встал в 1916 г., когда Румыния вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты и стала союзницей России. Румынская армия быстро потерпела поражение и возникла опасность взятия Бухареста немецкими войсками. Был разработан план эвакуации королевского двора, учереждений разного рода в Россию. И хотя галацкий скопец писал своему другу в Россию: «Злой враг скрежещет зубами, но мы надеемся на помощь Бога и на силу русского войска» (ЦГИА СПб.: 31), скопцы, особенно русско-подданные, все же поспешили поставить вопрос о выезде на родину хотя бы на время боевых действий. 9 декабря 1916 г. началась эвакуация Бухареста. Скопцы бросили дома и торговые лавки и бежали в приграничные с Россией города. Они настоятельно просили о предоставлении им разрешения на временное проживание в России, полагая, что за оказанную помощь российским войскам в качестве сотрудников Красного Креста и переводчиков при штабах, да и просто потому, что они русские, немцы будут мстить им. Высокопоставленные чиновники разных ведомств оценивали положение скопцов как безвыходное, но Департамент духовных дел МВД счел возвращение их нежелательным, ссылаясь на склонность этой секты к прозелитизму и оживление скопчества в России, да и вообще не увидел для этого законных оснований (РГИА 2: 69, 81, 84–85).

Бухарестские скопцы пересидели в приграничных городках, а в 1917 г. Румыния подписала сепаратный мирный договор с Германией и Австро-Венгрией и война для нее закончилась. После Февральской революции в России постановлением Временного правительства от 20 марта 1917 г. были сняты все ограничения на жительство и передвижение, связанные с вероисповеданием граждан. Многие скопцы поехали в Россию: кто по делам, вроде братьев Зубковых, решивших съездить в Кишинев и купить заем свободы (АВПРИ 2: 109), а кто-то на постоянное жительство. Но тут грянула Октябрьская революция, и часть переселившихся было скопцов поехала назад в Румынию, чтобы спокойно дожить там свои дни.

Несмотря на ностальгию и стремление вернуться в Россию, скопцы сумели очень неплохо устроить свою жизнь за границей. Они нашли небольшую нишу в экономике Румынии, обустроили повседневный быт и создали там свой маленький мирок, который хотя и не тянул на вожделенное Царство Небесное, о котором они мечтали, у многих российских единоверцев, да и у части румынских обывателей, вызывал зависть. Однако в религиозных сообществах обычно находятся люди, восстающие против благополучия и покоя и ищущие «узкий путь» к спасению, но обо всем этом будет сказано далее.

(Продолжение следует)

Примечания

- ¹ В XIX – начале XX в. о скопцах в Румынии писали журналисты или путешественники, в основном случайно оказавшиеся в тех краях (Кельсиев 1867; W. 1903; Мошков 1909). Известный ученый Н.И. Надеждин, побывавший в Буковине и Придунайских княжествах в 1846 г., интересовался старообрядцами и лишь вскользь коснулся скопцов (Надеждин 1860); работа Сырку о румынских скопцах (Сырку 1879) построена на пересказе труда митр. Мелхиседека (Melchisedek 1871). Интерес у исследователей вызывало и вызывает такое религиозное явление, появившееся среди румынских скопцов, как новоскопчество (Сахаров 1877; Панченко 2002). Компиляционный характер носит опубликованная в 2015 г. работа украинского исследователя В.П. Потоцкого (Потоцкий 2015) о румынских скопцах.
- ² Оскопление (кастрация) мужчин заключалось в ликвидации половых органов – частичной (всей мошонки или одних яичек) или полной (мошонки и уда). Полное оскопление называлось наложением царской печати, потому что именно так был оскоплен Петр III–Селиванов. Полное оскопление женщин в силу их физиологических особенностей было невозможно. Им либо вырезали грудь, а чаще соски или делали надрезы на груди, либо уродовали гениталии, иногда делали и то и другое. Скопчихи оставались способными к деторождению. Оскопление мужчин, особенно в детстве, сильно сказывалось на их внешности: отсутствие волосяного покрова на лице и густые волосы на голове; обычно у них начиналось ожирение по женскому типу; в случае кастрации в детстве голос оставался по-детски высоким; цвет лица был неестественно бледный с желтоватым оттенком.
- ³ Работа Мелхиседека (Melchisedek 1871), в которой он писал о скопцах, доступна читателю в пересказе, помещенном в указанной статье П. Сырку (Сырку 1879).
- ⁴ В статье «У Черного моря», опубликованной в газете румынских старообрядцев «Зори», 1999. № 8. С. 7, говорится, что село Дой Май (Второе Мая) было основано скопцами 2 мая 1845 г. на специально выделенных для них землях. Видимо, здесь ошибка в датировке. Более вероятной надо считать дату, указанную Т. Тимофеевой в статье «История и актуальность» в газ. «Зори», 2011. № 10. С. 17 – после 1878 г. Название село получило в память о перевороте 2 мая 1864 г., когда был распущен румынский парламент. Его первыми жителями были русские скопцы.
- ⁵ Подсчитано на основании прошений скопцов в МВД в 1906 г. (РГИА 3: 6–300).

Источники и литература

- АВПРИ 1 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 145. Оп. 498. 1903 г. Д. 1008.
 АВПРИ 2 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 145. Оп. 498. 1917 г. Д. 1006.
 АВПРИ 3 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 145. Оп. 498. 1916 г. Д. 1011.
 АВПРИ 4 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 219. Оп. 540/1. Д. 701.
 АВПРИ 5 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 312. Оп. 575. 1873 г. Д. 1226.
 АВПРИ 6 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 312. Оп. 575. 1872 г. Д. 1067.
 АВПРИ 7 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 312. Оп. 575. 1883 г. Д. 2880.
 ГАОО – Государственный архив Одесской области. Ф. 1. Оп. 249. Д. 657.
 ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Эксп. 1. 1847 г. Оп. 22. Д. 389.
 ГАРФ 2 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 505. Оп. 1. Д. 66.
 ГАРФ 3 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 505. Оп. 1. Д. 72.
 ГМИР 1 – Государственный музей истории религии. Ф. 2. Оп. 5. Д. 151.
 ГМИР 2 – Государственный музей истории религии. Ф. 2. Оп. 5. Д. 257.
 ГМИР 4 – Государственный музей истории религии. Ф. 2. Оп. 5. Д. 263.
 РГИА 1 – Российский государственный исторический архив. Ф. 958. Оп. 1. Д. 10.
 РГИА 2 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 10.
 РГИА 3 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 185. 1906 г. Д. 91.
 РГИА 4 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 195. 1815 г. Д. 6.
 РГИА 5 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 197. 1836 г. Д. 56.
 РГИА 6 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 197. 1836 г. Д. 268.

- РГИА 7 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 197. 1836 г. Д. 323.
- РГИА 8 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 217. 1864 г. Д. 11.
- РГИА 9 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218. 1863 г. Д. 56.
- РГИА 10 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218. 1870 г. Д. 43.
- РГИА 11 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218. 1878 г. Д. 4.
- РГИА 12 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218. 1879 г. Д. 32.
- РГИА 13 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218. 1881 г. Д. 27.
- РГИА 14 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 221. 1883 г. Д. 52.
- РГИА 15 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 221. 1883 г. Д. 67.
- РГИА 16 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 221. 1886 г. Д. 43.
- РГИА 17 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 222. 1900 г. Д. 91.
- РГИА 18 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 613.
- РГИА 19 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 286.
- ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив С-Петербурга. Ф. 704. Оп. 1. Д. 22.
- И.* 1903 – *И.* Русские скопцы в Румынии // Русские ведомости, 1903, 26 сентября.
- вич и –ов* 1888 – *-вич и –ов.* Скопческие поселения в Якутской области // Казанский биржевой листок, 1888, 7 февраля (№ 30)
- И-н* 1894 – *И-н В.* Олекминские скопцы. Историко-бытовой очерк // ЖС. 1894. Вып. 2.
- Кельсиев* 1941 – *Кельсиев В.И.* Исповедь // Литературное наследство. А.И. Герцен. М., 1941. Т. 41–42.
- Кельсиев* 1867 – *Кельсиев В.И.* Святорусские двоеверы // Отечественные записки, 1867. Т. 174. № 20.
- М.В.* 1901 – *М.В.* Сибирские сектанты (этнографический очерк) // Наблюдатель, 1901. № 6.
- Майнов* 1912 – *Майнов И.И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912.
- Мошков* 1909 – *Мошков В.* Русские скопцы в Румынии // Исторический вестник, 1909. Т. 118.
- Надеждин* 1860 – *Надеждин Н.* О заграничных раскольниках (1846) // Сб-к правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Лондон, 1860. Вып. 1.
- О-в* 1894 – *О-в М.* Кузьменко // Сибирский сборник, 1894. Вып. 3.
- Ольминский* 1905 – *Ольминский.* Из истории сектанства в Якутской области // Правда, 1905. Август.
- Панченко* 2002 – *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- Парфений* 1855 – *Парфений* (инок). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле. М., 1855. Ч. 1.
- Потоцкий* 2015 – *Потоцкий В.П.* Російська секта скопців у Румунії та її зв'язки з одновірцями в Україні (XIX– початок XX ст.) // Дриновски сборник. Харьков; София. 2015.
- Сахаров* 1877 – *Сахаров Н.* Последнее движение в современном скопчестве // Христианское чтение, 1877. Сентябрь–октябрь.
- СПЧР 1875 – Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875.
- Сырку* 1879 – *Сырку П.* Русские мистические секты в Румынии // Христианское чтение, 1879. № 1–2.
- Троцкий* 1926 – *Троцкий Л.Д.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война // Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 6.
- Щебальский* 1878 – *Щебальский П.К.* Скопческие песни // Русская старина, 1878. Т. 22.
- Melchisedek* 1871 – *Melchisedek.* Lipovenismulu adica schismuticli seu rascolnicii si ereticii Ruses-ci. Bucuresci, 1871.

References

- И.* Russkie skopcy v Rumynii // Russkie vedomosti. 1903, 26 sentyabrya. *-vich i –ov.* Skopcheskie poseleniya v Yakutskoj oblasti // Kazanskij birzhevoj listok, 1888, 7 fevralya (№ 30)
- И-н В.* Olekminskie skopcy. Istoriko-bytovoj ocherk // ZHS, 1894. Vol. 2.

- Kel'siev V.I.* Ispoved' // Literaturnoe nasledstvo. A.I. Gercen. Moscow, 1941. Vol. 41–42.
- Kel'siev V.I.* Svyatorusskie dvoevery // Otechestvennye zapiski, 1867. Vol. 174. No. 20.
- M.V.* Sibirskie sektanty (ehtnograficheskij ocherk) // Nablyudatel'. 1901. No. 6.
- Majnov I.I.* Russkie krest'yane i osedlye inorodcy YAkutskoj oblasti. Saint Petersburg, 1912.
- Moshkov V.* Russkie skopcy v Rumynii // Istoricheskij vestnik. 1909. Vol. 118.
- Nadezhdin N.* O zagranichnyh raskol'nikah (1846) // Sb-k pravitel'stvennyh svedenij o raskol'nikah, sostavlenyj V. Kel'sievym. London, 1860. Vol. 1.
- O-v M.* Kuz'menko // Sibirskij sbornik, 1894. Vol. 3.
- Ol'minskij.* Iz istorii sektantstva v YAkutskoj oblasti // Pravda, 1905. Avgust.
- Panchenko A.A.* Hristovshchina i skopchestvo: fol'klor i tradicionnaya kul'tura russkih misticheskikh sekt. Moscow, 2002.
- Parfenij (inok).* Skazanie o stranstvii i puteshestvii po Rossii, Moldavii, Turcii i Svyatoj zemle. Moscow, 1855. Vol. 1.
- Potoc'kij V.P.* Rosijs'ka sekta skopciv u Rumunii ta ii zv'yazki z odnovircyami v Ukraïni (XIX – pochatok XX st.) // Drinovski sbornik. Har'kov; Sofiya. 2015.
- Saharov N.* Poslednee dvizhenie v sovremennom skopchestve // Hristianskoe chtenie, 1877. Sentyabr'–oktyabr'.
- SPChR 1875 – Sobranie postanovlenii po chasti raskola. Saint Petersburg, 1875.
- Syrku P.* Russkie misticheskie sekty v Rumynii // Hristianskoe chtenie, 1879. No. 1–2.
- Trockij L.D.* Pered istoricheskim rubezhom. Balkany i Balkanskaya vojna // Trockij L.D. Sochine-niya. M.; L., 1926. Vol. 6.
- Shchebal'skij P.K.* Skopcheskie pesni // Russkaya starina, 1878. Vol. 22.
- Melchisedek.* Lipovenismulu adica schismuticli seu rascolnicii si ereticii Rusesci. Bucuresci, 1871.

S.A. Inikova. Russian «eunuchs» in Romania. Part I.

The investigation, based on archival and published materials, is devoted to the history of the emergence and almost 150 years of existence of the Russian eunuchs (scopets) colonies in Romania, their relations with the Russian consulates and government and close relations with their co-religionists in Russia. The paper discusses the characteristics of economic and psychological adaptation of eunuchs abroad, as well as their religious activities.

Key words: *Russian «eunuchs», sect, Romania and Russia, the colony, re-emigration, religious activities.*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 39+81'33

© С.Ш. Казиев

ДОВЕРИЕ: КОНЦЕПТЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Современный мир постоянно сталкивается с проблемами социального доверия и вызовами недоверия. Миграционный кризис в западных обществах, подъем расизма и изоляционистской ксенофобии, поощряемой частью СМИ и популистами из числа политиков, ставят под вопрос прочность сетей обобщенного социального доверия. История краха югославского и руандийского обществ, в которых место общего и морального доверия стремительно занял агрессивный этнический национализм, основанный на узкогрупповом доверии, свидетельствует о том, что обобщенное и моральное доверие не тотальны, они могут быть ослаблены и разрушены. Не исключение составляют и постсоветские государства, в которых остро ощущается слабость обобщенного и морального доверия в межэтнических отношениях и сила группового этноцентрического доверия, что в совокупности с кризисом доверия к политическим и социальным институтам создает реальные угрозы раскола населения на основе групповых форм солидарности. В настоящей статье предпринята попытка изучить различные формы социального доверия в историческом контексте и их значимость в стабильном развитии общества, выявить факторы, влияющие на уровень доверия и солидарности.

Ключевые слова: доверие, недоверие, этническое неравенство, солидарность, дискриминация, мигранты, отчуждение.

Согласно древнегреческой легенде на вопрос индийского мыслителя о сущности его философии Сократ ответил: «Это исследование человеческих реальностей» (Бродель 2014: 52). Одной из сторон человеческой реальности являются отношения доверия и недоверия, которые связывают индивидов и коллективы в единые сети – государства, этносы, религиозные сообщества, торговые кооперации и т.д. Изучение доверия и недоверия востребовано в связи с происходящими в современном мире трагическими событиями: братоубийственными войнами на истребление в Сирии и Ираке, массовым преследованием мусульман в Мьянме и Таиланде, миграционным кризисом и всплеском терроризма в Западной Европе, расовыми проблемами в США. Кризис доверия не обошел стороной постсоветские общества, что показывает конфликты в Украине, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Миграционные потоки не титульных групп населения являются надежным индикатором кризиса доверия в государствах. В этой связи появляются вопросы об исторических истоках самого социального доверия и степени ее влияния на межэтнические отношения. Вне исторического контекста и без учета изменчивости и дифференциации сетей доверия мы получаем

Казиев Саттар Шарниязович – доктор исторических наук, доцент Северо-Казахстанского Государственного университета им.М. Козыбаева. Эл.почта: sattarkaz@mail.ru.

застывшие и вневременные социальные конструкты (Веселов 2004: 11). В социальных науках существуют несколько классификаций доверия. В данной статье прослеживается воздействие четырех базовых видов современного социального доверия – генерализованного (обобщенного), морального, рационального (стратегического) и группового, на уровни доверия в межэтнических и внутриэтнических отношениях, а также на воспроизводство лояльности и солидарности к политическим и социальным институтам. Обращаясь к истории доверия, мы, тем самым, изучаем ментальную историю, т.е. историю человеческих чувств и отношений, ускользающую от внимания ученых.

Генеалогия доверия

Категории «доверие» и «недоверие» с глубокой древности используются в социальной философии и в повседневной жизни. Британский ученый О. О'Нил в своих лекциях обратилась к значимости доверия в развитии цивилизации с древних времен: «Без доверия мы не можем устоять. Конфуций сказал своему ученику Цзэ-куну, что три вещи необходимы правительству: оружие, продовольствие и доверие. Если правитель не может иметь все три компонента, он должен сначала отказаться от оружия, а потом от еды. Доверять же нужно до конца – был убежден Конфуций, так как «без доверия мы не можем устоять»» (O'Neill 2002: 4). В современном мире доверие является важнейшим социальным капиталом и ресурсом стабильности: «Оружие не помогло «Талибану» когда их пехотинцы потеряли доверие и дезертировали. Нехватка продовольствия не должна опрокидывать правительства, когда им и их системам нормирования доверяют, как мы знаем из опыта Второй мировой войны. Не только правители и правительства ценят и нуждаются в доверии. Каждый из нас и каждая профессия, и каждое учреждение нуждается в доверии. Нам это нужно, потому что мы должны уметь полагаться на других, поступающих так, как они говорят, что они будут делать, и потому что мы хотим, чтобы мы действовали, как мы говорим» (O'Neill 2002: 4). Конфуций рассматривал доверие как моральное должествование, предполагающее функционирование системы формальных и неформальных требований к личности и группе. Для китайских легистов, являвшихся жесткими критиками морального конфуцианства, доверие представляло реально существующие отношения и использовалось как эффективный инструмент поддержания власти. Один из «столпов» легизма Шан Ян писал: «Порядок в государстве достигается тремя путями: законом, доверием и властью... Только мудрый правитель способен оценить власть и дорожить доверием, он не станет злоупотреблять законом из-за своих личных интересов» (Книга правителя области Шан 1993: 196). Конфуций и Шан Ян согласны в главном – социальное доверие генерируется и поддерживается элитой общества во главе с правителем и представляет всеми признаваемую должную норму поведения. Злоупотребление доверием может обернуться катастрофой для существующей власти, включая неразумных и алчных правителей.

Дж. Хоскинг и У. Фреверт считая, что доверие имеет собственную историю, исходят из изменчивости самого понимания доверия и отношения к доверчивым людям окружающих людей. Таким образом, изучая генеалогию доверия, мы сталкиваемся с многообразием сетей доверия от начальных межличностного и семейного форм до генерализованного и морального. У. Фреверт пишет: «Доверие не есть новая лемма в нашем эмоциональном лексиконе. Оно имеет историю, которая, вероятно, варьи-

рует от страны к стране, от региона к региону. Социальные, экономические, политические и религиозные факторы структурируют способы, как, когда в какой степени кто-то кому-то доверяет. Предположить, что досовременные общества могли бы обойтись без доверия, не кажется вполне правильным. Во-первых, они никогда не были настолько однородными, знакомыми в лицо и замкнутыми, как социологи хотят, чтобы мы верили» (*Frevert 2009: 4*).

Британский историк Джеффри Хоскинг, поддерживая историческую оценку доверия, указывает на различные формы и уровни доверительности в традиционных и современных культурах. Д. Хоскинг вслед за У. Фреверт выделяет исторические этапы развития доверия: от веры в Бога и харизму правителей в домодерных социумах до морального и рационального доверия в современных обществах. По его мнению, люди нуждаются в разных видах доверия. В рыночных условиях востребовано доверие, основанное на личном интересе и рациональном выборе, однако «теория доверия не может быть адекватной на этой единственной основе. Действительно, такая теория имеет серьезный недостаток и, вероятно, может нанести ущерб. Без позиции стремящихся доверять из моральных соображений человеческих существ мы не сможем понять полностью потенциал доверия» (*Hosking 2014: 37*). Британский историк считает доверие и недоверие базовыми свойствами человеческой личности и коллективов, потому что социальное доверие создает и сохраняет общности на основе сильного чувства взаимозависимости. Хоскинг пишет, что даже «в очевидно безнадежных ситуациях все мы стремимся сохранить доверие к окружающему миру и другим людям» (*Hosking 2014: 288*).

Глубокий исторический анализ содержания доверия, проведенный Фреверт, показал изменчивость самой семантики доверия и отношения людей к этому понятию в различные эпохи и в различных обществах. «Троянский конь», по ее мнению, является олицетворением не только гениальной хитрости и обмана древних греков, но и легковерности и доверчивости их жертв – троянцев. В домодерных обществах не существуют сетей всеобщего доверия и уважения к доверяющим людям, считает немецкая исследовательница, так как «Доверчивые люди также не приносят благ ни для себя, ни для других. Люди с открытым сердцем всему слишком быстро доверяют и часто воспринимаются как нескромные и навязчивые, они без спроса пересекают личные границы, которые ценили многие старомодные современники» (*Frevert 2003: 11–12*).

Тем не менее, даже в архаичных обществах люди нуждались в базовом доверии, что отражено в письменных источниках, которые интерпретирует немецкий историк, как документальные свидетельства борьбы за доверие, которое стабилизирует повседневную реальность, полную рисков: «Мы можем доверять только тому, что воспринимается и описывается нашими современниками. Это восприятие, его контексты и ориентиры – это все, что мы имеем и можем интерпретировать путем реконструкции. Однако из досовременных текстов теперь становится ясно, насколько велика была неуверенность, которую люди испытывали в условиях неконтролируемой социальной и природной среды. И даже если мы сегодня ошибочно полагаем, что вызванные нашими решениями риски значительно превышают те опасности, которым подвергались наши предшественники, это никак не затрагивает вопрос исторического существования и значения доверия. Для людей, которые еще помнили об эпидемиях средневековья, пережили тридцатилетнюю войну или которые скорбели о жертвах землетрясения Лиссабона, их общество было ни на йоту менее

сложным и опасным чем для нынешних поколений. Для того чтобы противостоять этим угрозам, им также были необходимы доверие и уверенность – возможно, даже в большей степени, чем нынешним гражданам, которым государственные институты обеспечивают безопасность и заступничество. То, что они ввиду этого недостатка преимущественно ударялись в веру в Бога, ярко демонстрирует случаи доверия досовременного общества. В то же время это разоблачает все попытки представить современность как особенно зависимую от доверия и находящуюся под угрозой недоверия, как некую внеисторическую структуру» (Frevert 2003: 66).

Чем же отличалось доверие домодерных обществ от современных форм доверия? Домодерное доверие имело узкий «радиус» и распространялось только на уровне семьи, близких родственников, соседей и т.д. Оно поддерживалось нормами обычного права и носило групповой характер. Обман доверившегося человека в домодерных сообществах калькулировался с учетом рационального расчета о выгоды или невыгоды данного поступка, подвергаясь только моральному осуждению.

Признав существование специфических форм доверия в домодерных обществах, обратимся к изучению современных концептов доверия в обществах. Становление современных форм доверия в исторической науке связывается с развитием капиталистических европейских обществ. Европейская Реформация и последовавшие буржуазные революции разрушили господство католицизма – культурной основы средневекового общественного порядка. Однако усложнение капиталистических социумов усилило риски и неопределенности социальной жизни и способствовало нарастанию конфликтов частных и общественных интересов. Формирование сильного гражданского общества и воспроизводство им обобщенного и морального доверия изменило социальную природу государства и власти. П. Штопка отмечает особую роль доверия в политической жизни гражданского сообщества: «Связанная сильными узами солидарная община граждан, принимающих участие в политике и лояльных к власти, не могла бы существовать без горизонтального доверия, каким граждане взаимно одаривают друг друга, а также вертикального доверия к публичным институтам» (Штопка 2012: 60). У. Фреверт указывает на Джона Локка в 1689 г. придумавшего соответствующий термин: правительство доверия, правительство через доверие. В XIX–XX вв. в политической лексиконе европейских государств термины «доверие народа» или «правительство доверия» стали шаблонными (См.: Frevert 2007).

Канадская исследовательница Д. Штолле выделяет в современной научной литературе следующие группы подходов к изучению доверия: теории генерализованного (обобщенного) доверия, отличаемого в междисциплинарных исследованиях от трех других основных видов межличностного доверия: концепции стратегического / рационального доверия, концепции групповой идентичности, концепции моральных оценок. По ее мнению, «эти модели отличаются различием в отношении, что есть доверие, о том, как оно может быть сгенерировано, и в той степени, в которой оно расширяется, чтобы включить различные круги людей» (Stolle 2002: 400).

В среде экономистов и социологов весьма популярна концепция рационального доверия. Сторонники этой концепции рассматривают доверие как процесс социальных взаимодействий, в которых субъекты пытаются минимизировать издержки и извлечь пользу при отсутствии достаточно полной информации. Основной является концепция инкапсулированного интереса Р. Хардина, автора и редактора многочисленных публикаций в области трастологии. Сторонники Р. Хардина, в числе которых

П. Дасгупта и Д. Гамбетта, полагают, что отношения доверия и честного поведения выгодны обеим сторонам, использующим в случае недостаточной информации опыт прошлых взаимодействий. Ключевую роль играет здесь понятие надежности в доверии (*trustworthiness*). Снижение надежности в доверии проблематично на личном уровне, потому что это ведет к увеличению рисков в попытках сотрудничества с другими. Р. Хардин полагает, что доверие представляет инкапсулированный интерес заинтересованных сторон. Таким образом, определение доверия заключается в стимулах совместимости интересов и рациональных ожиданий поведения доверителя и доверенного лица. По мнению исследователя, такое рациональное доверие является основным во всех видах доверия и позволяет выстраивать систему для доверительных отношений в различных контекстах (*Hardin 2002: 3–20*).

Итальянский социолог Д. Гамбетта полагает, что рациональный выбор является основным в доверии: «Доверие (или, симметрично, недоверие) есть конкретный уровень субъективной вероятности, с которой агент или группа агентов оценивает действия и влияние на собственные действия... Когда мы говорим, что доверяем кому-то или кто-то заслуживает доверия, то мы неявно обозначаем вероятность того, что это лицо предпримет действия, которые выгодны нам или, по крайней мере, не нанесут нам ущерба, и эта достаточно высока для того, чтобы рассматривать возможность участия в каких-либо формах сотрудничества с ним» (*Gambetta 1988: 217*).

Рациональное и групповое доверие преобладало в домодерных обществах, однако эти формы доверительных отношений существенно отличались от современных форм доверия. В торговых операциях и в военных походах досовременных обществ, преобладали первичные групповая и рациональная формы доверия, предполагавшие доверие только «своим». Так в докапиталистических и современных обществах Востока торгово-финансовые операции в неофициальной системе банкинга хунди / хавалы основаны на доверии и широком использовании таких связей, как семейные отношения или региональная принадлежность. Слово «хавала» на арабском языке означает «доверие» или «трансфер» и базируется на совместном доверии партнеров. В современном языке хинди, определенно термины «хунди», так и «хавала», означают также чувства доверия, договор и обещание (*Martin 2009: 912*). Сети наследственных хаваладаров или дилеров хавалы опутали Индию, Иран и Ближний Восток. Многое зависит от репутации этих дилеров, предполагающее длительное существование сетей рационального доверия: «сети хунди / хавалы типичны для торговых сетей, в которых доверие связано с ожиданиями относительно должного поведения и, в конечном счете, с репутацией» (*Martin 2009: 924*). Рациональное доверие требовало наличие определенных санкций за нарушение соглашения, групповое доверие обеспечивало безопасность доверителей за счет устоявшихся связей. Кредиты и трансферты хавалы делают минимальными риски и затраты доверителей, передача денег происходит на основе сообщений между членами сети хаваладаров.

В среде турецкой диаспоры в Казахстане автор также наблюдал доминирование рационального доверия к пресловутым «нашим». Турки-месхетинцы Казахстана, известные как «чуйские» или «джамбульские турки», прекрасно ладят с окружающими казахами и русскими, но в торговых операциях полагаются только на сородичей, так как обращение к этническим «чужакам» существенно повышает риски и безопасность сделок, и, соответственно, финансовые издержки. Успеху торговых операций способствуют родственные связи. В сибирских и уральских городах осевшие турки

получают «под реализацию» овощи и фрукты из Центральной Азии, отправляя обратно лесоматериалы и продукты питания. Родственные узы гарантируют честность партнеров. В случае обмана сородичами включаются неформальные механизмы согласования интересов сторон, предполагающие участие старейшин общин, которые стремятся к компромиссу и учету интересов пострадавшей стороны.

Другой пример формирования группового доверия под прессом государства и официальной церкви связан с историей средневековых еретиков – вальденсов в XII–XIII вв., вынужденных из-за террора инквизиции создавать тайные сети доверия, включавшие особые формы коммуникации и взаимопомощи, совместное участие в определенной деятельности, обмен ресурсами (Tilly 2005: 4-5). Лионское изгнание способствовало многовековому самоисключению вальденсов из политической жизни Франции и Италии и культивированию групповых сетей доверия, спасавших членов общины от хищничества правителей (Tilly 2005: 22). Лишь в период Реформации вальденсы прервали свою самоизоляцию и вновь включились в общественную жизнь. Границы группового доверия и есть границы замкнутых сообществ, к примеру, закрытых этнических коллективов, религиозных сект или мафиозных структур.

Кроме группового и рационального форм доверия в древности и средние века мы сталкиваемся с такими формами, как доверие людей к правителям, религиозным деятелям и учреждениям. Эти формы доверия были связаны с религиозно-философскими представлениями людей о верховной власти. Домодерное доверие было преимущественно персонализировано. Средневековое «Сокровенное сказание монголов», посвященное возвышению Чингиз-хана и рода Борджигинов, повествует о том, какие требования предъявляли кочевники к своим правителям и каким образом последние формировали в обществе доверие к себе и власти. Монгольские племена, истощенные непрерывной враждой, нуждались в безопасности и справедливом правлении, т.е. в поддержании правителем первоначального доверия. Набеговая ментальность кочевников порождалась самим кочевым способом жизни. Кочевники постоянно боролись с хищниками и грабителями. Э. Геллнер объяснял поддержание вражды и внутренней сплоченности в среде кочевников, тем, что они могут рассчитывать на доверие только своих сородичей во вражде и мире, а принадлежность к определенной группе означает обязательства и ответственность каждого члена племени перед пострадавшим сородичем (Gellner 1988: 144)

В этом царстве вражды и хаоса только доверие простых монголов к выдающейся фигуре монгольского вождя обеспечивало мир внутри кочевых общин. В свою очередь, Чингиз-хан требовал от своих подданных верности, взамен предлагая свое доверие. Нойон Ная, начинал свою службу у одного из врагов кагана, и когда тот потерпел поражение, то захватил вместе с родственниками своего хозяина в плен, с намерением передать Чингиз-хану но вскоре одумался: «Если мы приедем с захваченным нами вот этим Таргутаем, то Чингиз-хан скажет, что мы подняли руку на законного владыку – своего хана. Чингис –хан¹ скажет о нас: “Каким доверием могут пользоваться эти люди, поднявшие руку на своего законного владыку? Как они теперь могут стать нашими сотоварищами-дружинниками?”» (Сокровенное сказание монголов 1941: 121). Узнав о верности нукера своему господину, Чингиз-хан пощадил Ная и его семью.

Первоначальное доверие как паутина охватывало отношения внутри узкого круга родственников и сподвижников, расширяясь по мере успехов Чингиз-хана. Основой первоначального доверия были семейные добродетели, в числе которых верность род-

ственникам и друзьям, отсутствие корысти в отношениях и готовность помогать друг другу в сложных ситуациях, безусловное гостеприимство. За пределами круга доверия были аморальные «чужаки» – предатели из числа монголов племен чжуркинцев и тайчиутов; меркиты – ночные грабители; татары – нарушители священных законов гостеприимства, выдавшие чжурчженям доверившихся гостей из числа монгольской знати, и т.д. Тот, кто разделял традиционные ценности и добродетели свирепых кочевников, переставал быть «чужаком» и вне зависимости от происхождения или религиозной принадлежности инкорпорировался в круг «взаимно доверяющих» (нойон Джебе, Махмуд Ялвач и др.). Сети доверия сохраняли группу в опасном мире. М.Н. Губогло считает, что доверие в среде гагаузов: «складывалось в мировоззренческой системе и в поведенческих стратегиях как защитный механизм сохранения самобытности и как процесс взаимного приспособления людей друг к другу в динамичной системе этносов и этничности» (Губогло 2016: 26). В то же время в родовом или феодальном обществе начальное доверие носило групповой или рациональный характер.

Социальные добродетели, обобщенное и моральное доверие

В современных обществах главную интегративную роль стали играть обобщенное и моральное доверие. У. Фреверт отвергает рациональные подходы к доверию как к игре по минимизации экономических издержек, предлагая взамен концепцию доверия как определенного уровня позитивных эмоциональных практик и отношений, являющихся моральными основаниями современных обществ и демократии, вытесняя из публичного пространства верность своим группам [этническим или социальным] (Frevert 2009: 5–9). При обобщенном и моральном доверии люди исходят из готовности доверять незнакомцу и готовности взаимодействовать с ним, в том числе тем, кого мы не знаем (Stolle 2002: 403). Обобщенное доверие можно определить, как «убеждение в том, что другие ненамеренно или сознательно причинят нам вред, если они могут избежать этого, и будут заботиться о наших интересах, если это возможно» (Delhey, Newton 2005: 311). Как полагает Д. Штоле, доверие не может быть обобщено как социальный капитал общества и существовать независимо от политики правительства: «... государственная политика и политические институты создают, канализируют и влияют на количество и тип социального капитала» (Stolle 2002: 403). Неотъемлемым элементом в созидании политического доверия является соблюдение государством прав и свобод граждан, отказ от репрессивных практик и обмана обществ, а также общий консенсус по поводу необходимости поддерживать доверие: «если мы считаем, что права являются предпосылкой социального и политического доверия, мы ничего не можем сделать, пока другие люди не начнут уважать наши права – и ничего не можем сделать, пока мы не начнем уважать их права. Если мы будем продолжать пассивно рассматривать человека, как обладателя прав и, забывая, что права есть обратная сторона обязанностей других, восстановление доверия будет казаться безнадежной задачей» (O'Neill 2002: 10).

Шведский политолог Б. Ротштейн основываясь на историко-социологических исследованиях пришел к выводу, что социальное доверие формируется государством, осуществляющим свои полномочия на справедливой основе (Rothstein 2013: 1014). Надежность государства в представлениях людей влияет на его способность создавать межличностное доверие, а масса социально и экономически продуктивного

сотрудничества в обществе, в свою очередь, влияет на государственное управление и общее генерализованное доверие, которое называют еще пансоциальным доверием (Markova et al. 2007: 14). Ч. Тилли обращает внимание на роль генерализованного политического доверия, которое разрушает сегрегированные замкнутые сети группового доверия (Tilly 2005: 56). Доверие к государству имеет дополнительные последствия для управления, так как влияет на уровень толерантности режима к гражданам. Уничтожение политического доверия может привести к антагонизму в отношении к хищнической политике правительства и даже вызвать активное сопротивление, и это может быть один из источников увеличения социального недоверия.

Негативное воздействие на уровень генерализованного доверия оказывает этническое и расовое многообразие. Миграционные процессы, уровень образованности и этническая однородность населения оказывают влияние на доверие и социальный капитал. Этнорасовый состав населения имеет значительное влияние на множество переменных, которыми измеряют социальную сплоченность или социальный капитал, уменьшая не только общее доверие, но и политическую уверенность, а также среднее число друзей и доверяющих лиц (Hooghe et al. 2009: 200). Миграционный кризис в Европе и в США показал силу людских предубеждений к людям, отличающимся от коренных жителей. Но есть и обратная сторона, иммиграция известна как «предковый» след – иммигранты берут с собой культуру доверия, доминирующую на своей родине (Soroka, Helliwell 2006). Прибывающие в США и Западную Европу латиноамериканцы, выходцы из мусульманских стран и Дальнего Востока несут культуру недоверия или группового доверия, доминирующую на их родине. Например, проблема интеграции прибывающих мусульман связана с высоким уровнем демонстрируемой ими религиозности в секуляризованном обществе, культом гегемонной маскулинности в обществе, в котором женщины боролись за равные права на протяжении полувека, слабое владение французским языком, в то время как французы гордятся своим языком и культурой. В совокупности эти факторы создают невидимые границы отчуждения и причины для дискриминации со стороны коренных французов (Adida et al. 2016: 92).

Исследования в США показали существенные этнорасовые «разрывы» в доверии, доставшиеся как культурное «наследство» прошлого: среди 40 изученных этнических групп уровень недоверия был самым высоким в среде чернокожих. В порядке убывания за ними последовали азиаты-американцы, латиноамериканцы из испаноязычных стран, более поздние европейские иммигранты из Южной и Восточной Европы, европейские иммигранты из Франции, Германии и Ирландии. Мизантропия была самой низкой среди потомков ранних европейских иммигрантов из Скандинавии и Великобритании (Smith 2010: 456).

Высокий уровень общей образованности населения, как предполагается, также оказывает положительное влияние на доверие. Однако польский исследователь Л. Боровецкий показал на примере Польши, что этнополитическое прошлое страны может повлиять на низкий уровень доверия в обществе с высоким уровнем общей образованности. Он выявил низкий уровень доверия до начала Второй мировой войны в польских регионах с высокой долей украинцев, белорусов и русинов, а также в регионах с высокой грамотностью (Borowiecki 2014: 134–135). Результатом взаимного недоверия поляков и украинцев стали этнические чистки в Подолье.

Вышеуказанные исследователи отмечают особую значимость современного государства в генерировании и поддержании доверия. В историческом контексте интересна

большевистская политика интеграции советских народов путем формирования обобщенного (генерализованного) доверия. Советская Россия отличалась как этническим разнообразием, так и цивилизационными «разломами», которые должны были разрушить страну. Но этого не произошло из-за совершенно новой стратегии интеграции на основе интернационализма. История нацистроительства в СССР в 1920-е годы – это пример созидания базового политического доверия в не доверяющем обществе, точнее в обществах, на протяжении длительного времени объятых враждой и недоверием.

Для примера возьмем советскую Центральную Азию. Общая атмосфера недоверия в Центральной Азии в начале XX века была порождена не только переселенческой политикой и гражданским неравноправием коренного и русского населения, но и укоренившимся недоверием к чужаку – представителю другого народа или племени. Мрачные туркменские пословицы того времени гласят: «Деревья не растут, там, где пасутся верблюды, мира не будет там, где есть туркмен» (*Марков* 1901: 213) или «... ни один перс не может войти в земли туркмен, иначе как на веревке» (*Куропаткин* 1879: 314). А.Н. Куропаткин отмечал рациональность выбора кочевниками такого образа жизни, когда набеговая культура дает возможности как легкого обогащения, так и быстрого обнищания: «Находясь в постоянной вражде с пограничными населением владений, граничащих с Туркменией, дикие обитатели ее, кроме того, ведут кровавую распрю между собою, и ненависть в различных туркменских родах одного к другому вряд ли уступает ненависти их к прочим народностям. В распрях различных родов между собою значительную роль играет родовая месть. Туркмены-иомуды непримиримые враги с текинцами и гокланами (гокленами – С.К.). Эти последние враждуют с иомудами и текинцами. Туркмены Ахалтекинского оазиса, в свою очередь, заставляют быть на постоянной страже не только курдов и персов, но также иомудов и гокланов» (*Куропаткин* 1879: 316).

В среде туркестанских казахов российскими исследователями были записаны пословицы, превозносящие приоритет родовых начал и культивирующие недоверие к чужаку: «не ходи на охоту с человеком чужого рода, под боком он может помешать тебе выстрелить», «лучше быть пастухом в своем роде, чем царем в чужом народе», «кто сходится, тот не становится родным; кто родной, тот не может стать чужим», «лучше, чтобы на скачках победил жеребенок из твоего аула, чем конь из чужого аула» (*Гродеков* 1889: 13).

Русское переселение за Урал вызвало всплеск новый недоверия в казахских степях. В Петропавловском уезде в начале XX века отмечалась следующая неприглядная картина: «Русские переселенцы являлись в новый край с понятиями и привычками своей родины. Переселенцу кажется возмутительным, что эти люди (казахи – С.К.) не дают царю солдат, живут в норах “як звири”, пользуются таким земельным пространством – “земли больше, чем у наших панов”. Поэтому переселенцы не считают зазорным вытравить казахские покосы, растащить лес с зимовок, вырубить рощи. С другой стороны киргизы не успевают осваиваться с понятиями границ и поэтому имеют частые столкновения с поселенцами из-за потрав. В свою очередь, поселенцы также травят киргизские пастбища и даже пашни» (Материалы по киргизскому землепользованию 1908: 75). В своих стихах и плачах «толгау» традиционалисты-поэты литературного направления «Зар Заман» передавали обиды казахских кочевников на колониальные власти, систематически отбиравшие лучшие земли для переселенцев. Русские рисовались поэтами как враги мусульман, неверные кафиры, а все культурные заимствования, даже включая употребление чая, однозначно осуждалось. Для Шортанбай Канайулы самое страшное

заклучалось в том, что казахи поддерживают дружеские отношения с русскими, охотно перенимают новшества и даже подражают русским (Бейсембиев 1961: 90).

Октябрьская революция в Центральной Азии обострила вражду коренного населения и переселенцев. Сафаров в своем выступлении на X съезде РКП (б) подчеркивал, что в национальных окраинах пролетарская революция приняла характер национального антагонизма: «... недоверие к русскому городу в туземце впиталось в кровь с молоком матери. У киргизов даже есть пословицы, которые нередко употребляются и сейчас. Киргиз говорит “Убей у русского отца и дай денег”, “если у тебя русский друг, то держи камень за пазухой”. Русский для киргиза – это полицейский, урядник, насильник и грабитель» (X съезд 1921: 193, 195).

В основе новой большевистской стратегии решения национального вопроса лежала идея фактического и юридического равенства советских народов. А. Моррисон отмечает, что в европейских колониальных империях интегративная стратегия, предполагавшая достижение правового и политического равенства жителей метрополии, европейских поселенцев и коренных жителей колониальных владений, считалась химерой. Возможность правового равенства допускалась только в отношении европейских переселенцев и жителей «материнской» метрополии (Morrison 2012: 332–333). Равноправие разных этнических, расовых и религиозных коллективов в одном национальном государстве для западных сообществ до середины XX века было утопией. В советском обществе была невозможна такая ситуация, как в случае с американским героем Второй мировой войны Айра Хейз – индейцем из племени пима, мечтавшем о свободном перемещении индейцев по территории страны.

Р. Суни исходит из верности советского руководства идеологии равноправия народов и полагает, что большевики, являясь сторонниками экономического детерминизма, действительно считали необходимым поднять культурный уровень отсталых народов до уровня развития передовых европейских наций. С этой целью, пишет Р. Суни: «СССР начал политику, которая была названа программой аффирмативных актов (позитивной дискриминации – С.К.), предоставлявшую привилегии коренным жителям на их собственных национальных территориях. Первые годы существования советской власти политика коренизации ставила цель дать образование на родных языках нерусскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители постепенно стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве» (Suny 1993: 109). В результате национальной политики большевиков усилились позиции национальных элит, созданных в ходе коренизации, произошло конструирование этнонационального самосознания и укрепление прежде зыбких и «текучих» этнических границ между этническими нациями.

Т. Мартин называет Советский Союз первой и уникальной «империей положительной деятельности». Сущность национальной политики большевиков раскрывается Т. Мартином через анализ «империи положительной деятельности», созданной большевиками для предотвращения опасности со стороны национализма нерусских народов. Т. Мартин обращает внимание на тонкое и глубокое знание Лениным и Сталиным социальной психологии масс, и потому национальная политика большевиков делала упор на завоевание доверия населения. В результате национальные меньшинства должны были считать власть своей, а не навязанной русским империализмом: «Реализация этой политики должна была сделать советскую власть “родной”, “близкой”, “народной” и “понятной”» (Мартин 2002: 70–71).

Конструируя обобщенное доверие к политическим институтам и порядкам, внедряя «сверху» межэтническое доверие советское руководство сталинского периода в то же время контролировало этот процесс по принципу «доверяй, но проверяй». В ходе проведения политики коренизации в 1920-е годы в национальных республиках была проведена линия на «позитивную дискриминацию» русских, репрессии в адрес национальной интеллигенции в годы «Великого террора» сопровождалась ударами по так называемым «шовинистам», периодически проводились кампании против клановости и трайбалистских начал. Несмотря на это, советское общество оказалось объединенным узами доверия и солидаризма, что и показала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и последующие десятилетия советской истории. Примером являются казахи, понесшие в 1930-е годы огромные демографические потери от коллективизации и оседания кочевого хозяйства, потерявшие в ходе репрессий цвет национальной интеллигенции. Тем не менее, на протяжении всего советского периода казахи были одним из наиболее лояльных к Советскому государству этносов. М.Б. Олкотт признает: «Сталинский режим, кажется, был относительно успешным в формировании советского патриотизма среди казахов. Нет или почти нет доказательств нелояльности казахов во время Второй мировой войны. Кроме того, Сталин превратился в народного героя, и усилия по искоренению практики сталинского культа личности были менее успешными в национальных регионах, чем в России» (*Olcott* 1980: 208). В постсталинский период накопленный капитал обобщенного и морального доверия сохранял советское общество от крайних форм этнонационализма и расизма.

Разрушительное воздействие на обобщенное доверие оказывает социальное неравенство, практики дискриминаций и незнание /искаженные представления о «чужаках». Социальное неравенство и этническое неравноправие генерирует взаимную стигматизацию контактирующих этнических групп. В результате формируется «дискриминационное равновесие», изученное на примере взаимоотношений «коренных» французов и потомков мигрантов из мусульманских стран во Франции. «Дискриминационное равновесие» предполагает, что взаимное неприятие «чужаков» и практики групповых дискриминаций на основе культурных и антропологических маркеров усиливают взаимное отторжение и поддерживают социальные неравенства, способствуя расколу в обществе (*Adida et al.* 2016: 108).

Моральная концепция изучает мораль и нравственные ценности в конструировании доверия, раскрывая источники доверительных отношений в обществе. По мнению Э. Усланера, демократические сообщества являются доверяющими социумами. Уровни доверия между народами во многом зависят от культуры (специфических религиозных традиций) и от экономического равенства. Доверяющие общества также будут создавать более ответственные государственные органы, и проводить политику, которая будет более способствовать экономическому равенству и тем самым создать больше доверия. Следовательно, истоки доверия находятся не в институциональной сфере, они лежат в системе культурных ценностей и распределения. Э. Усланер сближает обобщенное и моральное доверие, описывая как «свободную веру в незнакомцев» и противопоставляя доверию на основе общей идентичности и рациональному стратегическому типам доверия.

Моральное доверие, как описано Усланером, отличается от доверия на основе общей идентичности, так как основано на понимании того, что люди разделяют основополагающие нравственные ценности. Такой тип доверия в большей степени свя-

зан с оптимистическим взглядом на социальный мир и природу людей: «Моральное доверие есть утверждение, как люди должны вести себя. Людям следует доверять друг другу. “Золотое управление” (на котором основано моральное доверие) не требует, что ты должен делать другому, как они делают тебе. Вместо этого, вы поступите с другими так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с тобой» (Uslaner 2001). В отличие от рационального/стратегического доверия, суть которого составляют расчеты по снижению издержек за счет сбора положительной или отрицательной информации о других, в моральном доверии люди доверяют, потому что верят в добрую волю других и их отношение независимо от предыдущего опыта (Uslaner 2002: 17).

Различия морального и генерализованного доверия, по мнению Э. Усланера, заключаются в их содержании. Обобщенное доверие представляет восприятие, что большинство людей являются частью морального сообщества. Основой генерализованного доверия является мораль и общие коллективные переживания. Моральное доверие, как и обобщенное доверие, основывается на оптимистической картине мира. Но оптимизм в последнем не является постоянным, так как социальный мир подвержен изменениям в хорошую или худшую сторону. Вслед за этими изменениями обобщенное доверие идет «вниз» и «вверх». Э. Усланер придерживается мнения, что наши ценности, заключенные в моральном доверии, не изменятся легко, поэтому моральное доверие имеет более устойчивое значение (см.: Uslaner 2002). Таким образом, мораль является стабильной индивидуальной и коллективной чертой. Формирование морального доверия Э. Усланер связывает с семейным воспитанием и участием в коллективных движениях, например, участие в движениях за гражданские права. Доверяющие люди толерантно относятся к людям, которые в антропологическом или культурном плане отличаются от них самих: к геям, лесбиянкам, афроамериканцам, иммигрантам. Они активнее поддерживают антидискриминационную политику в отношении различных дискриминируемых меньшинств (Stolle 2002: 403). Моральное доверие весьма важно в межэтнических отношениях и в преодолении отчуждения людей к политическим и правовым институтам.

На наш взгляд, моральное доверие тесно связано с традиционными социальными добродетелями и отношениями взаимопонимания, объединяющими разные сообщества. Сила морального доверия зависит от взаимопонимания людей и общего консенсуса по отношению к базовым социальным ценностям. В случае обострения межэтнических отношений сила морального доверия в обществе может блокировать провокационную деятельность отдельных групп или лиц, предотвращая этнические мобилизации против «чужаков». Примером являются взаимоотношения индийских мусульман и индусов в городах Каликут штата Керала на юге и Алигарх штата Уттар-Прадеш на севере Индии между 1989 и 1992 годами. Каликутские религиозные общины благополучно избегали межконфессиональных конфликтов, индуские националисты и контролируемая индусами пресса не допускали провокационных выступлений по отношению мусульман. Индуские националисты видели свою выгоду в разжигании вражды, но считали подобную модель действий опасной для местного мира. В Алигархе индульский криминалитет и националисты использовали распускаемые прессой слухи об убийствах индуских пациентов врачами и медсестрами из числа мусульман для организации массовых убийств мусульман. Различия межобщинных отношений в этих городах кроются в уровнях морального доверия и уровнях взаимопонимания. Исследования показали, что 83% жителей Каликута часто совместно питаются, в Али-

гархе только 54%; 90% детей индусов и мусульман играют вместе, в Алигархе об этом сообщили только 42%; в Каликуте 84% индусов и мусульман регулярно посещают друг друга, в Алигархе 60% сообщили о нечастых контактах (*Varshney* 2001: 383).

Слабость морального доверия и межгруппового взаимопонимания открывает пути к эскалации насилия между близкими по происхождению народами, как это произошло в бывшей Югославии, Руанде или в отношениях между кыргызами и узбеками в Ошской области. Объединяет эти конфликты их происхождение, связанное с крахом в обществе обобщенного и морального доверия, что открыло дорогу затаенным страхам по отношению к условным «чужакам», даже если они были давние соседи. Дилемма «мой сосед – мой враг» характерна для сообществ, культивирующих групповое доверие.

Групповое доверие и недоверие

Исходя из вышесказанного, мы считаем доверие реально существующими отношениями в обществе. Доверие и сети доверительности снижают риски и повышают индивидуальную и коллективную безопасность. Но как тогда быть с недоверием? Является ли недоверие зеркальным антиподом доверия? Исследователи указывают на то, что сравнительный анализ понимания доверия и недоверия в политическом, культурном и экономическом контекстах показывает сложность и разнородность этих форм отношений в различных обществах и в различные времена (*Markova et al.* 2007: 8). Д. Хоскинг решает эту проблему прямым противопоставлением: «как только доверие подорвано, его место тотчас занимает сильное и кумулятивно растущее недоверие. Принимая широкие масштабы, оно оказывает исключительно разрушительное воздействие» (*Hosking* 2014: 288). Наглядным примером является распад Советского Союза, где «архитекторы» перестройки, подвергнув остракизму историческое прошлое советского общества, демонтировали обобщенное и моральное доверие, посеяв в обществе недоверие.

Рассматривая дихотомию доверие / недоверие, мы сталкиваемся с проблемой определения социальной и исторической природы доверия на основе групповой идентичности, весьма актуальной для антропологов и историков. Этнология имеет дело преимущественно с отношениями группового доверия, «радиус» которого варьирует в зависимости от уровня этнических коллективов – от первоначальных коллективов кровных родственников до современных наций, и предписывает консолидацию исходя из определенных маркеров. Групповое доверие конструирует межэтнические «пергородки» на основе практик включения и исключения. В Таиланде считается, что таи может быть только буддистом и не может быть христианином или мусульманином. В мусульманских и христианских школах официальные власти и буддийские монахи требовали почитания буддийской обрядности и символики (*Keyes* 1993: 259–284).

Групповое доверие предполагает недоверие к «чужакам», которые могут отличаться внешним обликом и образом жизни, или не отличаться вообще, но принадлежать другому коллективу. Доминирование в обществе групповых форм доверия обусловлено негативным или позитивным опытом межгрупповых отношений и деятельностью элитных страт, формирующих и разъясняющих членам своих групп коды доверия / недоверия. Ч. Кейес показал роль тайской культурной элиты на примере взаимоотношений тайцев-буддистов и таиландских мусульман-малайцев. Буддисты, включая священников, демонизируют таиландских мусульман. На изображениях в

буддийских крепостях-храмах середины XIX короля демонов Мара сопровождают легионы демонов более мелкого ранга и их помощников из числа людей, запечатленных в образе этнических соседей таи – малайцев-мусульман. На картинах мусульмане, которых называют «хаак», нападают на Будду и утрачивают человечность, поэтому они не заслуживают права на жизнь. Мусульманин – это чужак и тот, кто опасен и ему нельзя доверять, считают таи. Кейес приводит распространенную поговорку о змее и мусульманине-хаак. При одновременной встрече с ним таи-буддисту предлагается первым ударить мусульманина. Собственно этнонимом хаак в тайском языке обозначается азиатский незнакомец, визитер, иностранец, гость, родом из мусульманских стран и не являющийся китайцем или японцем (Keyes 2008/2009: 26–27). Взаимное недоверие и отторжение таи-буддистов и тайландских мусульман, основанное на отсутствии знаний или искаженных представлениях об иноэтнических соседях, питает взаимное насилие и ненависть в Южном Таиланде.

Другой пример «воспитания народных чувств» армянской интеллигенцией описан Р. Суни. Основной тематикой армянского исторической традиции в собственно Армении является древность и непрерывность проживания народа на исторической родине от эпохи Урарту до современной Армении, исключительная роль в мировой истории (самый древний христианский народ, защитники цивилизации от орд тюркских варваров, выдающаяся роль в истории России и т.д.). Согласно героическому армянскому нарративу, их много раз предавали этнические соседи-мусульмане, их захватывали варвары, но они все равно выжили (Суни 2011: 71–72). Попытка американского историка армянского происхождения опровергнуть некоторые тезисы об исконности проживания армян на некоторых территориях Южного Кавказа, в частности в Ереване, встретила обструкцию и обвинения в национальном предательстве.

Исторически складывавшееся групповое недоверие между афганскими пуштунами и хазарейцами описано Ф. Бартом. Обе стороны стигматизируют оппонентов на основе культурных маркеров, в результате: «Отношения между сообществами хазарейцев и пуштунов с их племенной организацией неизбежно превращаются в отношения конкуренции и направленных друг против друга попыток монополизации ресурсов вдоль границы. Очевидная стабильность границы между ними может быть понята как результат баланса выигрышей и потерь» (Барт 2006: 154). Афганскую перспективу развития тотального межэтнического недоверия в начале XX века обрисовал российский военный теоретик и ориенталист А.Е. Снесарев, указывавший слабость общей солидарности, что, как он предвидел, грозит будущим расколом общества и войнами, так как: «Афганцы (пуштуны – С.К.) не любят узбеков, узбеки и газара (хазарейцы – С.К.) ненавидят афганцев, таджики не доверяют всем, и им никто не верит» (Снесарев 1921). Усилия мирового сообщества и центрального правительства добиться мира в современном Афганистане бесплодны из-за тотального недоверия в расколотом обществе.

Изучение группового доверия показывает условность жесткой диспозиции отношений доверие / недоверие. На наш взгляд, распространение недоверия сопутствует кризису в обществе генерализованного и морального доверия. Различия между доверием и недоверием заключаются в структурных различиях эмоциональной составляющей этих отношений. Доверие представляет набор отношений к политическим институтам, другим коллективам и незнакомым людям, основанное на всеми разделяемых представлениях о справедливости, знаниях о других и морали, поддерживающей тра-

диционные добродетели и гуманизм. Доверие отражает такие эмоции, как надежда, безопасность, уверенность и веру. Недоверие отражает эмоционально-настроенную веру в то, что другой человек способен делать немислимое с точки зрения общепринятых моральных норм, потому что он «не мыслит, как мы», и поэтому он культурный изгой. Конструкции недоверия часто отражают такие эмоции, как настороженность, цинизм, алармизм, гнев, страх, ненависть и чувство ожидаемого предательства, проецируемых на весь облик «чужака» и приписываемых ему культурных кодов.

Таким образом, можно сказать, что доверие и недоверие представляют исторически складывающиеся формы и сети отношений. В письменных памятниках различных эпох мы находим упоминания о доверии или недоверии. Первичное доверие функционировало в виде группового и рационального доверия в кругу семьи, близких родственников и сородичей. По мере развития современных обществ на первый план выдвинулись обобщенное (генерализованное) и моральное доверие. Наряду с ними распространены рациональное и групповое формы доверия. Кризис или слабость обобщенного и морального доверия представляет серьезную проблему, порождая недоверие и социальное отчуждение.

Примечания

¹ Имя монгольского кагана приведено по написанию в источнике (Сокровенное сказание 1941).

Литература

- Барт* 2006 – *Барт Ф.* Пуштунская идентичность и поддержание ее сохранности / Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. С. 142–164.
- Бейсембиев* 1961 – *Бейсембиев К.Б.* Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961.
- Бродель* 2014 – *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2014.
- Веселов* 2004 – *Веселов Ю.В.* Введение / Экономика и социология доверия // под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Изд-во СПбГУ: 2004.
- Гродеков* 1889 – *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. 1. Ташкент: Типо-лит. С.И. Лахтина, 1889.
- Губогло* 2016 – *Губогло М.Н.* Бинарные оппозиции в культуре гагаузов: миротворческие и конфликтогенные ресурсы (лексико-семантическое исследование) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 254. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Книга правителя области Шан 1993 – Книга правителя области Шан // пер. Л.С. Переломова. М.: Ладомир, 1993.
- Куропаткин* 1879 – *Куропаткин А.Н.* Туркмения и туркмены. СПб.: Типография В.А. Полетики, 1879.
- Марков* 1901 – *Марков Е.Л.* Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.
- Мартин* 2011 – *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Материалы по киргизскому землепользованию собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей. Т. XII. Петропавловский уезд. Чернигов: Тип. г. М. Веселой, 1908.
- Снесарев* 1921 – *Снесарев А.Е.* Афганистан. М.: ГИЗ, 1921. URL: <http://www.snesarev.ru/trudi/afganistan.html>.
- Сокровенное сказание 1941 – Сокровенное сказание. Перевод С.А. Козина. Т. 1. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

- Суни 2011 – Суни Р. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // под ред. Гучинова Э., Комарова Г. Антропология социальных перемен. М.: РОССПЕН, 2011. С. 52–86.
- X съезд – X съезд РКП (б). 8 марта –16 марта 1921 г. М.: Партиздат, 1933.
- Штомпка 2012 – Штомпка П. Доверие-основа общества. М.: Логос, 2012.
- Adida, Laitin, Valforthy 2016 – Adida C.L., Laitin D., Valforthy M.A. Why Muslim Integration Fails in Christian- Heritage Societies. Cambridge: Massachusetts, 2016.
- Borowiecki 2014 – Borowiecki L. Historical Roots of Generalized Trust in Polish Society // International Journal of Management and Economics, 2014. № 42. Pp. 121–137.
- Delhey, Newton 2005 – Delhey J., Newton K. Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism? // European Sociological Review, 2005. Vol. 21. Issue 4. Pp. 311–327.
- Frevert 2003 – Frevert U. Vertrauen: Historische Annäherungen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprech, 2003.
- Frevert 2007 – Frevert U. Vertrauen und Macht: Deutschland und Russland in der Moderne. М.: Deutsches Historisches Institut. URL: <https://www.mpib-berlin.mpg.de/de/mitarbeiter/ute-frevert>.
- Frevert 2009 – Frevert U. Does Trust Have a History? / Max Weber Programme: Lectures Series. No. 2009-01. San Domenico di Fiesole: European University Institute.
- Gambetta 1988 – Gambetta D. Can We Trust in Trust? // Gambetta D. (ed.). Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. New York: Blackwell 1988. Pp. 213–237.
- Gellner 1988 – Gellner E. Trust Cohesion and the Social Order // Gambetta D. (ed.) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford, 1988. Pp. 142–157.
- Hardin 2002 – Hardin R. Trust and Trust worthiness. New York: Russel Sage Foundation, 2002.
- Hooghe, Reeskens, Stolle, Trappers 2009 – Hooghe M., Reeskens T., Stolle D., Trappers A. Ethnic Diversity and Generalized Trust in Europe: A Cross-National Multilevel Study. Comparative Political Studies 2009. Vol. 42. No. 2. Pp. 198–223.
- Hosking 2014 – Hosking G. Trust: A History. Oxford: Oxford University Pr., 2014.
- Keyes 1993 – Keyes, Ch. Why the Thai are Not Christians: Buddhist and Christian Conversion in Thailand // Christian Conversion in Cultural Context. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1993. Pp. 259–284.
- Keyes 2008 – Keyes Ch. Muslim «Others» in Buddhist Thailand // Thammasat Review, 2008/2009. No. 13. Pp. 19–42.
- Markova, Linell, Gillespi 2007 – Markova I., Linell P., Gillespie A. Trust and Distrust in Society // Markova I., Gillespie A. (ed.). Trust and Distrust: Sociocultural Perspectives. Greenwich CT: Information Age Publishing, Inc., 2007. Pp. 3–27.
- Morrison 2012 – Morrison A. Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 2012. Vol. 13. No. 2. Pp. 327–364.
- O'Neill 2002 – O'Neill O. A Question of Trust: The BBC Reith Lectures. Cambridge University Press, 2002.
- Olcott 1980 – Olcott M.B. The Fabrication of a Social Past: The Kazakhs of Central Asia // Political Anthropology Yearbook. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 1980. Pp. 193–213.
- Rothstein 2013 – Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the fish Rots from the Head Down // Social Research, 2013. Vol. 80: No. 4. Pp. 1009–1032.
- Rothstein, Uslaner 2005 – Rothstein, B., Uslaner, E. All for One. Equality, Corruption and Social Trust. World Politics, 2005. Vol. 58. No. 1. Pp. 41–72.
- Smith 2010 – Smith S. Race and Trust // The Annual Review of Sociology, 2010. No. 36. Pp. 453–75.
- Soroka, Helliwell, Johnston 2007 – Soroka S., Helliwell J., Johnston R. Measuring and Modelling Trust // Diversity, Social Capital and the Welfare State. Vancouver: University of British Columbia Press, 2007.
- Stolle 2002 – Stolle D. Trusting Strangers: The Concept of Generalized Trust in Perspective // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft, 2002. No. 4 (31). Pp. 397–412.
- Suny, Naimark 1993 – Suny, R.G., Naimark N.M. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford University Pr., 1993.
- Uslaner 2001 – Uslaner, E.M. Trust as a Moral Value // Social Capital: Interdisciplinary Perspectives

tives. University of Exter United Kingdom, 15–20 September 2001. URL: <http://www.sitere-sources.worldbank.org>.

Varshney 2001 – *Varshney, A.* Ethnic Conflict and Civil Society: India and Beyond. *World Politics*, 2001. Vol. 53. No. 3. Pp. 362–398.

References

Bart F. Pushtunskaja identichnost' i podderzhanie ee sohrannosti. *JEticheskie gruppy i social'nye granicy*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. Pp. 142–164.

Beisembiev K.B. Idejno-politicheskie techenija v Kazahstane v konce XIX – nachale XX vv. *Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR*, 1961.

Brodell' F. *Grammatika tsivilizatsii*. Moscow: Ves' mir, 2014.

Grodekov N.I. Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti. *Juridicheskij byt*. Vol. 1. Tashkent: Tipol-lit. S.I. Lakhtina, 1889.

Guboglo M.N. Binarnye oppozicii v kul'ture gagauzov: mirotvorcheskie i konfliktogennye resursy (leksiko-semanticheskoe issledovanie). *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*. Vol. 254. Moscow: IEA RAN, 2016.

Kniga pravitelja oblasti SHan. L.S. Perelomova (translate). Moscow: Ladomir, 1993.

Kuropatkin A.N. *Turkmenija i turkmeny*. St. Petersburg: Tipografii V.A. Poletiki, 1879.

Markov E.L. *Russia v Srednei Azii: Ocherki puteshestvija po Zakavkaz'ju, Turkmenii, Buhare, Samarkandskoj, Tashkentskoj i Ferganskoj oblastjam, Kaspijskomu morju i Volge*. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasiulevicha, 1901.

Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». *Nacii i nacionalizm USSR, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN, 2011.

Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniju sobrannye i razrabotannye JEkspediciej po issledovaniju stepnyh oblastej. Vol. XII. Petropavlovskii uezd. Chernigov: Tip. G. M. Veseloi, 1908.

Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva*. Moscow: Logos, 2012.

Snesarev A.E. *Afganistan*. Moscow: GIZ, 1921. URL: <http://www.snesarev.ru/trudi/afganistan.html>.

Sokrovennoe skazanie. S.A. Kozina (translate). Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN USSR, 1941.

Suni R. *Konstruiruja primordializm: starye istorii dlja novyh nacij*. Guchinova E., Komarova G. (eds). *Antropologija i sotsial'nykh peremen*. Moscow: ROSSPEN, 2011. Pp. 52–86.

Veselovu V. *Vvedenie / Ekonomika i sotsiologija doveriia*. Iu. V. Veselova (ed.). SPb.: Izd-vo SPb GU, 2004.

X Congress RKP(b). 8 marta–16 marta 1921 g. Moscow: Partizdat, 1933.

C.Sh. Kaziyev. Trust: Concepts and Historical Reality.

The modern world constantly faces the problems of social trust and the challenges of mistrust. The migration crisis in Western societies, the rise of racism and isolationist xenophobia, encouraged by a certain part of the media and populists among politicians, challenge the strength of networks of generalized trust. The story of the collapse of the Yugoslav and Rwandan societies, in which general and moral trust has been rapidly replaced by aggressive ethnic nationalism, based on a narrow-group trust, shows that the general and moral trust are not pervasive, they can be weakened and destroyed. No exception are the post-Soviet states, in which the weakness of general and moral trust in inter-ethnic relations and the strength of group ethnocentric trust are deeply felt, that coupled with the crisis of confidence in political and social institutions poses a real threat of splitting the population on the basis of group forms of solidarity. The article attempts to explore various forms of social trust in the historical context and their importance to stable development of society, and identifies the factors influencing the level of trust and solidarity.

Key words: *trust, mistrust, ethnic inequality, solidarity, discrimination, migrants, alienation.*

УДК 39+174+316.77

© В.К. Малькова

ЭТИКА И СМИ*

Все чаще приходится задумываться о журналистской этике, не только как о проблеме профессии, но и о проблеме ценностей общества, понимания им базовых демократических и гуманистических основ социума.

Вартанова 2011

В статье, на примере медийного освещения российско-украинского конфликта, рассматриваются проблемы формирования массовых представлений о межэтнических и межгосударственных отношениях, о странах и народах. При этом особое внимание уделено соблюдению журналистами этических норм и их профессиональных стандартов.

Ключевые слова: *СМИ, этические нормы, объективность, миролюбие, этнополитические интересы, конфликты, образы стран и народов, Украина, Россия, Запад*

Обширная и многогранная проблема «Этика и СМИ» несколько выбивается из темы о народной этике. Тем не менее, нельзя не видеть, что и в основу деятельности средств массовой информации (СМИ) заложен многовековой опыт позитивных общественных отношений. Этот опыт важен всегда, но особенно он востребован в периоды противостояния в международных или межнациональных отношениях, когда в обществе и в СМИ усиливается острое и публичное противоборство идей, ценностей и мнений. Основные правила и нормы общественной этики и морали, важные для нормальной жизни и развития человеческого сообщества, необходимы и для деятельности такого значимого общественного института как средства массовой информации.

В деятельности СМИ, также как и в обычной жизни, в любое время востребованными являются понятия *совесть и честь, борьба добра со злом, хорошего и плохого, нацеленность на миролюбие, а не на вражду, на гуманизм, а не терроризм*. СМИ как значимый общественный институт помогает не только информировать людей, просвещать и развлекать их, но и через огромный штат посредников помогает обществу (элитам) определенным образом регулировать и организовывать общественную жизнь, направленно, в общих интересах позитивно влиять на окружающее пространство и на массовое сознание.

В последние десятилетия СМИ стали играть особенно заметную роль и во внутрироссийской, и в международной жизни. Поэтому их еще более активно и направленно используют политики и другие заинтересованные группы в регулировании общественных отношений, в создании спокойной или конфликтной психологической атмосферы. А для общества, нацеленного на поступательное развитие, на мирную и спокойную

Малькова Вера Константиновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: veramalk@mail.ru.

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 17-01-00-281А: «Миротворческий потенциал народной этики и эстетики».

жизнь, стало еще более важным держать деятельность СМИ под контролем и соблюдать при этом основные нравственные правила и нормы человеческих отношений.

Тема «Этические аспекты СМИ и журналистики» довольно подробно, хотя и несколько односторонне, уже обозначена в научной литературе. По определению исследователей журналистики, речь идет о юридически не фиксированных, но принятых в журналистской среде и поддерживаемых силой общественного мнения профессиональных и моральных предписаниях, о профессиональных особенностях и о нравственных аспектах журналистской деятельности (Аврамов 1999; Дзялошинский 1999; Киричек, Федотова 2004; Корконосенко 2001). Таким образом, в основе журналистской этики, должны лежать нравственные принципы, веками вырабатывавшиеся народами – гуманизм, патриотизм, трудолюбие, совесть, честность, справедливость, борьба со злом...

Со времени появления независимой журналистики у нас в стране (после 1991 года) этическая сторона ее деятельности становится все острее. В настоящее время нередко слышны упреки в «бульварности» изданий, в их «желтизне» и в профессиональной нечистоплотности самих журналистов, как бы настроенных только на повышение рейтингов своих изданий и на увеличение выгоды. В обществе встает вопрос – выполняют ли современные СМИ функцию нравственного воспитания россиян, задачу оздоровления нации после серьезных общественных трансформаций? Или они являются инструментом ее деградации, деморализации и оглупления? Наиболее ярко и заметно это проявляется в передачах российского телевидения, массивованно представляющего криминализацию общества, его практически непобедимую коррупцию, наркоманию, пьянство, демонстрацию несправедливо нажитого... Все это транслируется в общественное пространство и как будто бы публично осуждается. Но нередко это осуждение ложное, факты комментируются со снисхождением, с насмешками, а в обществе распространяются искаженные ценности – лживое товарищество, безответственность и безнаказанность, порождается зависть, неверие в справедливость.

Такое понимание свободы слова и такая деятельность многих информационных каналов, кстати, нередко финансируемых налогоплательщиками, вызывает в обществе недоумение, непонимание, а порой – и возмущение, озлобленность и агрессию у большей части населения, желание наказать виновных или отомстить им. У другой части населения это порождает равнодушие, пассивность и апатию, отчаяние, неверие в свои силы и в справедливость, усиливает у них чувство ущербности и ущемленности, показывает отсутствие жизненных перспектив. Под воздействием подобной информации у людей возрастает тревога за свою жизнь и за жизнь близких, что порой ведет к преступлениям, к экстремизму и терроризму или к суициду. Кроме того, искаженные ценности, идеи и мифы, которые навязывают аудитории через СМИ, постепенно распространяются в массовом сознании и становятся как бы нормой современной жизни. СМИ таким образом конструируют еще одну новую реальность, в определенном смысле искаженную.

Медийная свобода слова, свобода выражать свое мнение также, как и соблюдение или несоблюдение других принципов журналистской этики, распространяется на все сферы общественной жизни – политику, экономику, культуру, сферу быта, спорт и т.д. В данной работе мы коснемся некоторых граней взаимодействия свободы слова и журналистской этики, связанных с формированием массовых представлений россиян в острейшей на сегодняшний день сфере межэтнических отношений, в частности – в сфере этнополитики и, конкретнее, с конструированием в российской прессе образов стран и народов.

* * *

Создание с помощью СМИ определенных образов стран, регионов, а также народов и этнических групп, распространение этих образов в общественном пространстве – это один из широко распространенных методов формирования и корректировки массовых представлений о текущей общественно-политической ситуации. СМИ помогают формировать определенные мнения и представления аудитории о своей или других странах, об их населении и ценностях, объединяя с помощью направленной информации «своих» единомышленников и отделяя их от «других». Или наоборот, способствуют сближению «нас» и «их». В любом случае, такая деятельность СМИ всегда оказывается манипулятивной, поскольку в любом случае предполагает соблюдение и журналистами, и их заказчиками определенных интересов и выгод. В этой связи важными являются цели такой информационной деятельности – миротворческие или разрушающие, направленные на сотрудничество стран и народов, на их диалог или на конфронтацию и разрыв отношений...

Рассуждая об этических проблемах медийного освещения политических процессов, о направленном создании и распространении позитивных или негативных образов стран и народов, можно выделить разные стороны создания информации. Это – соблюдение или несоблюдение авторами публикаций этических принципов журналистской деятельности, это соблюдение или несоблюдение дипломатического этикета и общих миротворческих норм человеческого взаимодействия, и это – отстаивание и защита своих идей и взглядов, интересов и выгод своей страны. Порой эти нормы создания публичной информации приходят в противоречие друг с другом, поскольку от авторов медийных сообщений требуется реализация поставленных перед ними задач – при необходимом (чаще – внешнем) соблюдении объективности, справедливости и других нравственных принципов направлять информационную активность на сотрудничество, на диалог стран и народов или на их конфронтацию, на усиление напряженности и разрыв отношений. И в каждом конкретном случае это связано с применением разных пропагандистских приемов.

Целью информационной деятельности, в том числе при создании образов стран, может быть укрепление или восстановление нормальных, добрососедских и даже дружелюбных отношений между ними. Можно вспомнить наше недавнее прошлое, когда СМИ направленно использовали в межгосударственных отношениях трогательные образы наших зарубежных «друзей» – «друга Коля» из Германии, «друга Рю» из Японии, «дорогого турецкого друга Эрдогана» и других. Но приятные в спокойные времена эмоции в международных и в межнациональных отношениях становятся невостребованными и небезопасными в период общественно-политических затруднений и кризисов между странами. Примеров и того, и другого россияне видят в последние десятилетия множество. В их числе критическое освещение отношений России с Грузией, с Украиной, с Белоруссией, с Турцией, с США и т.д. Например, недавно Президент России В. Путин в своей речи на встрече с турецким президентом заметил: «Кризис преодолен. Мы возвращаемся к нормальным взаимоотношениям» (Путин 2017). Это был один из сигналов для СМИ в очередной раз скорректировать их деятельность. Для убеждения аудитории в «нашей правоте» и в намерениях сотрудничать или сделать в отношениях паузу в каждом конкретном случае используются особые манипулятивные приемы. Они оправдываются важностью и необходимостью соблюдения политических интересов своей страны и корректировкой

массовых представлений населения о «нас» и о «них» на текущий момент.

Изучение специально создаваемых образов дружественных или противостоящих стран и народов – одно из важных направлений политологического анализа СМИ. Актуальным примером, который уже не один год с обеих сторон активно используют СМИ России и Украины, стало присоединение Крыма к России в 2014-м году. Цель пропагандистских усилий и информационного противостояния с обеих сторон – это мобилизация патриотических чувств граждан своих стран, их гражданское единение с помощью утверждаемых в общественном сознании идей и ценностей, отстаивание и оправдание своих действий в глазах своих и зарубежных наблюдателей, создание и утверждение массовых представлений и образов: «мы – хорошие и справедливые», а «они – плохие»... В этом контексте информационных задач с обеих сторон активно создается образ противника, которому придается ряд негативных характеристик – как реальных, так и вымышленных. Может встать вопрос – а в чем проявляется общественный вред в утверждении в СМИ некоторых идей и мифов? Нам представляется, что внедрение в общественное сознание искаженных идей, ценностей и взглядов ведет не только к изменению массовых представлений о странах и народах, о предметах или явлениях, искажает идентичность, историческое сознание народов, ведет к переоценке ценностей, обесценивает авторитеты... Представления, идеи и мифы, которые навязывают обществу через СМИ, демонстрируют и не только разные этапы в развитии отношений стран и народов, но и показывают непостоянство и изменчивость, незначимость и ситуативность самих морально-этических норм и принципов, которые вырабатывались человечеством веками. Но теперь, постепенно распространяясь с помощью СМИ в массовом сознании, они становятся как бы обновленной нормой общественной жизни.

* * *

В нормальное, спокойное время СМИ, как правило, создают образ своей страны как «хорошей» и «правильной», конечно же, с некоторыми недостатками, которые постепенно исправляются. В массовое сознание транслируются идеи: «В нашей стране всем жить уютно и комфортно, радостно и счастливо. Ее власти мудрые и справедливые, ее жители – труженики, творцы, строители новой, еще более счастливой будущей жизни. И все это МЫ – хорошие, сильные, справедливые и счастливые... Но МЫ не равнодушны и к другим, особенно ко всем обездоленным людям, мы сочувствуем им, переживаем за тех, кому живется плохо, помогаем им и защищаем их». И подобными идеями порой оправдывается наше участие в общественно-политических событиях в других странах: мы помогаем соотечественникам или терпящему бедствие населению, защищаем их (а заодно и наши интересы). И такая мотивация наших поступков, озвучиваемая в информационном пространстве, до поры до времени поддерживает у значительной части населения чувство патриотизма и гордости за свою страну, за ее руководство. А порой в информационном пространстве звучат и другие идеи: «нам угрожают», «мы в опасности», «у нас есть противники, которые могут нарушить нашу жизнь, отнять у нас наши земли, заменить наши ценности своими». Подобные идеи часто озвучиваются в связи с возникшими трудностями в межнациональных отношениях, например, в связи с мигрантами, и с международными конфликтами.

В период противостояния, особенно в обостренном политическом единоборстве, обычно с обеих сторон в СМИ заметно усиливается перебранка, меняется и лексика сообщений, растет число конфронтационных ярлыков и идеологем и ярче становятся образы ее участников. Однако, общество может видеть такую пропаганду, как правило, только с одной стороны. Вторая сторона доступна лишь небольшой части общества, даже при сегодняшних информационных технологиях. Информация нацеливается на формирование представлений о «нас» – как справедливых и правильных в создавшейся ситуации, а о «них» – как о нашем противнике и обидчике. Цель этой деятельности – представить общественности **нашу** трактовку ситуации, приобрести для нас психологическую и политическую поддержку, увеличить число **наших** сторонников, а **их** противников как внутри страны, так и вне ее. В подобных информационных ситуациях и при воспевании «нас», и при деструкции «их» СМИ и идеологи часто используют не рациональные, а эмоциональные аргументы – обиды, негодование, возмущение. Кроме доминирования эмоционального над рациональным, для создания в СМИ позитивного или негативного образа и мнения о стране или о любом другом субъекте используются и такие приемы, как тенденциозная подборка материалов, акценты на одни характеристики и умолчание о других, дезинформация, отвлечение внимания, искажение фактов, использование обидной лексики, обвинений в неправомерных действиях и словах, умолчания, перекося в сторону негатива, постановочные сюжеты, двойные стандарты (нам можно, а им нельзя), утверждения «мы справедливые, а они – нет» и т.д. Все это мы наблюдаем в начале XXI века в деятельности современных СМИ. Можно ли говорить здесь о реализации принципов и ценностей общечеловеческой этики, системы нравственных норм, которая также в разных случаях бывает неоднозначной? Этот вопрос остается дискуссионным.

* * *

Рис. 1. Художник Андрей Саенко. Интернет ресурс: <http://caricatura.ru>.
Дата обращения: 09.10.2017.

В последние годы мы все переживаем затянувшийся этнополитический кризис в отношениях России и Украины, который еще более усилился в связи с присоединением Крыма к России. Как же выглядит образ нашей соседки Украины в российских СМИ сейчас, спустя три года после этого события? Обратимся к материалам нашей центральной прессы, освещавшей это событие в дни третьей годовщины «Крымской весны» в 2017-м году.

Наше исследование проводилось в два этапа: на первом этапе анализировались материалы центральных и республиканских газет в дни «возвращения Крыма и Севастополя в Россию» в марте–апреле 2014 г. (газеты: «Комсомольская правда», «Аргументы недели», «Московский комсомолец», «Советская Россия» и др.). Во втором этапе исследование проводилось спустя 3 года, в марте 2017 года (газеты: «Аргументы недели», «Аргументы и факты», «Известия», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Советская Россия»).

Рассматривая публикации прессы 2014 г. о присоединении Крыма к России, отметим, что определенная часть журналистского внимания была направлена в этот горячий период на формирование общественных представлений не только о нашей, но и о других странах, противостоящих или поддерживающих «нас» в этом событии. Противников в этот период, судя по медиа сообщениям, оказалось немало. Среди противников четко выделялись Украина и «Запад», включающий часть стран Европы и США.

То, что информационные сюжеты в российских СМИ, связанные с присоединением Крыма, неизбежно затронули нынешнюю Украину, вполне естественно. Крымчане добровольно проголосовали за уход из Украины и за присоединение к России. И россияне встретили это событие с восторгом, о чем весьма эмоционально сообщали наши СМИ (Малькова 2015; Малькова 2016). Украина теперь должна была примириться с новой ситуацией.

Анализ российской прессы в 2014-м году, в дни возвращения Крыма показал, что в тот период Украина была представлена в российском информационном пространстве двояко: как братская славянская страна, о которой россияне традиционно заботятся и беспокоятся, и как страна, постепенно превратившаяся в нашего противника. Негативный образ довольно быстро занял в столичной прессе лидирующие позиции (но не в республиканской, о чем будет сказано ниже), и это был определенный ответ на конфронтацию «с той стороны», ставшую уже традицией после крымских событий и даже раньше – до и после «Майдана».

Отметим некоторые особенности современной информационной кампании в российских СМИ: при том, что в публикациях используются этнонимы (например, постоянно называется Украина, украинские власти, столица страны Киев и др.), речь почти не идет об украинцах как о народе. Хотя этническая символика все же изредка упоминается – одежда, пища, мова.

Большинство сообщений о жизни Украины, а главное – о ее властях, было в 2014-м году негативным. Позитив практически не упоминается, как, впрочем, и о жизни других бывших советских республик. Приведем лишь некоторые идеологемы об Украине, выбранные нами из указанных изданий в марте – апреле 2014 года (Малькова 2016).

- Украинцы – наш братский народ
- Мы обеспокоены процессами на Украине и в Киеве
- В Киеве сейчас плохо, и это трагедия для простых людей
- Руководство на Украине нелегитимное

- У власти в Киеве – откровенные русофобы
- Украина в руках олигархов
- В украинском руководстве продолжаются ссоры
- У них плохая и слабая армия, глупые офицеры
- У них лживое телевидение и все СМИ
- Украина превращается в европейское Сомали
- Украина скоро распадется

Эти эмоциональные идеологемы из российских столичных газет поддерживались и высказываниями и в Интернете: «Одной большой проблемой становится все украинское государство, точнее, то, что от него осталось после государственного переворота <...> Украина целенаправленно идет в ад, поэтому любые проблемы, которые есть в Крыму и в Севастополе, сравниваются с украинской катастрофой, и болезненность их существенно снижается» (*Скоробогатый* 2016).

Таким образом, множество идеологем об Украине в начальный «крымский период» сводилось к эмоциональному утверждению: «Они – плохие, у них все плохо». В чем-то похожие идеологемы направлялись и в адрес стран Запада, не одобрявших присоединение Крыма к России. Конечно, подобные идеи с разными нюансами всегда присутствуют в информации двух конфликтующих сторон. Однако, стоит заметить, что в официальных изданиях российских республик – Башкирии, Бурятии, Карелии, Татарстана, Удмуртии, Якутии, которые мы также анализировали (*Малькова* 2015) негативные высказывания об Украине звучали в дни присоединения не так напористо, как в центральных. Здесь пресса, как и во многих других ситуациях, была значительно мягче, вернее, осторожнее в оценке этого исторического события. И идеологемы встречались иные: «...Наши народы – братья» // «У России и Украины – общие исторические корни и общие культурные ценности» // «Наши соотечественники и братья на Украине нуждаются в нашей помощи» // «Мы за мир в братской стране» // «Мы против фашизма!» – Эти и другие подобные высказывания были основным лейтмотивом республиканских изданий того периода (*Малькова* 2015).

Как же выглядит в российских СМИ информация об Украине и Крыме, спустя три года?

Сегодня образ Украины представлен в нашем информационном пространстве довольно расплывчато и в основном однобоко – негативно. Если раньше, в 2014-м году важными идеологемами в нашей прессе были идеи о братстве наших народов, о сочувствии ему, то теперь таких идей в прессе не видно. Нет теперь и сочувствующих упоминаний о русских и других русскоязычных жителях Украины. Зато и сегодня, хотя не очень заметно, но все же газеты указывают на ошибочное стремление Украины в Европейский Союз и приводят «убедительные» аргументы: «Практика показывает, что почти все государства бывшего СССР, входящие на сегодняшний день в ЕС, отнюдь не благоденствуют. Они претерпевают глубокие кризисы во многих сферах. Рассчитывать на иную судьбу для Украины в составе ЕС – неоправданный оптимизм» (КП 2017, 21 марта).

Определенное внимание российские СМИ и журналисты уделяют и украинской власти. Эта, нормальная в обычное время информация, в данном случае может также рассматриваться как ответная реакция на конфронтацию с той стороны. Как показывали наши исследования, образ украинской власти и три года назад, был представлен россиянам довольно жестко. По ТВ и со страниц газет в то время звучало: «...Руководство

Украины – самопровозглашенное, нелегитимное» // «У власти в Киеве откровенные русофобы // Украина превращается в европейское Сомали» (Малькова 2015: 29–30). И сегодня, спустя три года, подобные идеологемы все еще присутствуют в наших СМИ, но уже как будто чуть мягче: «... В украинской власти сейчас нет единства» // «В ближайшем будущем недовольные националисты могут стать большой проблемой Порошенко» // «Выглядеть цивилизованными у украинской стороны здравого смысла не хватило» // «Украинские военные применяют пытки к своим гражданам, но расследований по этим поводам нет» // «Порошенко лишний раз убеждает радикалов в том, что он – трус и подталкивает их к конфронтации» (Майдан стучится к Порошенко 2017).

Образ Украины подается нашей прессой и с другого ракурса. Некоторые аналитики пытаются представить реальные аргументы и характеристики страны-соседки. Так, «Московский комсомолец» отмечает: «Украина – ... решительный враг России и всего русского; она приняла шквал откровенно националистических и дискриминационных законов (о языке, голодоморе и др.); она проводит масштабную кампанию по героизации петлюровцев, устраивала кровавые еврейские погромы» (МК 2017, 25 февраля).

Поводов для усиления информационных перепалок с обеих сторон в наши дни оказывается немало. Так, некоторый информационный шум в праздничный период был связан в СМИ с Евровидением. Украина запретила российской певице принять участие в международном конкурсе, который должен пройти в Киеве. Ее обвинили в том, что она без разрешения украинских властей ранее выступала в Крыму. Наши СМИ и общественность были возмущены тем, что власти Украины признали российскую певицу «угрозой национальной безопасности» (Юлю в Киев, не пускают 2017). Тема о «российской угрозе» была продолжена и в других сообщениях, в частности, в ложном утверждении украинской стороны о том, что «... российская угроза привиделась СБУ и на западе Украины, где украинцы обнаружили «автономистские настроения», отчетливо проявляющиеся у отдельных национальных меньшинств (венгров, румын, болгар, гагаузов и этнографической группы русинов)». Украинская сторона заявила, что эта ситуация – «итог подрывной работы, проводимой извне, а не реакция на насильственную украинизацию, практикуемую Киевом» (РГ 2017, 20 марта). Наши идеологи отмечают удивление зарубежных политиков «из бывшего соцблока, пораженных тем количеством желчи, которым Украина поливает жителей Крыма и Россию» (Крым, который убеждает 2017).

Но спустя три года и наши журналисты уже открыто высмеивают «нынешнее великоукраинство», отмечают «простодушное противоречие хворого самостийного социума, разрывающегося между ненавистью к москалям и желанием заработать»: «Сегодня украинец – пламенный патриот из Львова, поливающий грязью “Кацапстан”. А завтра – маляр-штукатур в чертановской двушке. Белит потолки какому-нибудь «колораду» и подчищает свой Фейсбук на всякий случай» (Назло кацапам 2017 // «Украинские «патриоты» пошли в последний и решительный бой супротив «страны-агрессора», то бишь – России, которая, как известно, на войну так и не явилась» (Радикалы в банке 2017) // «Они с 2014 года научились скакать на майдане, теперь пусть учатся жить без света, тепла и скоро – без продуктов, без зарплаты и пенсий» (АИФ 2017, 8-14 марта).

Российская пресса и российское телевидение (как и украинское у себя!) практически ежедневно, публично и очень громко обсуждают конфронтацию наших стран, события в Донбассе и ЛНР, где участники с обеих сторон, нередко при участии пред-

ставителей третьих стран, горячо обвиняют друг друга. С нашей стороны отмечается, что «... Украина продолжает нарушать Минские соглашения» (Донбасс надеется на интеграцию в Россию с помощью Крыма 2017) // «Киев довел полуостров до разрухи не только в городах и курортах, но и в головах». Авторы говорят о «недостаточном уважении к закону на Украине», о том, что «ДНР и ЛНР рвут связи с Киевом», о том, что «ДНР объявила ответную блокаду Киеву ... Блокада уже нанесла Киеву значительный ущерб – около 3 млн долларов» (НГ 2017, 20 марта).

Но СМИ не скрывают, хотя и открыто не афишируют, что длительное время экономические, финансовые и культурные связи наших двух стран, несмотря на жесткое информационное противостояние, все же не прекращались – «Война – войной, а бизнес – есть бизнес» (КП 2017, 15 марта), – замечает «Комсомольская правда». Реальная жизнь и медийная информация о ней далеко не всегда совпадают. Тысячи украинцев продолжают жить и работать в России, посылая домой на Украину заработанные во враждебной стране деньги, две противостоящие страны обмениваются товарами, украинские политологи свободно выступают со своими суждениями на экранах российского телевидения. И все это время некоторые российские предприятия и банки спокойно работали на Украине. Но прежде об этом наши СМИ упоминали довольно редко. В трехлетнюю годовщину этому замалчиванию пришел конец. Началась «банковская война», о которой СМИ в ситуации противостояния уже не могли молчать.

Этот, очередной повод для противостояния, опять вызвал в информационном пространстве бурю эмоций. Теперь газеты с возмущением сообщают о требованиях депутатов Украинской Рады российским банкам – уйти с украинского рынка. Журналисты с удивлением восклицают: «...Почему в Киеве кошмарят Сбербанк? // «Украинские “патриоты” пытаются выгнать с незалежной российские банки» // «Украина готовится к новой эскалации в банковской войне с Россией» (КП 2017, 15 марта) <...> Ситуация в прессе очень нечеткая. Воистину, «война-войной, а бизнес есть бизнес». Медийные идеологи старательно убеждают россиян (и наших противников?) в том, что «... Подрыть дееспособность российских банков, выгонять их из страны – все равно, что затягивать петлю на собственной шее», что «... Нацбанк накажет не Путина, а украинский бизнес и граждан», что «От происходящего в банковской системе страдают простые украинцы». В этой ситуации аналитики опять строят прогнозы: «Следующим шагом украинских властей может стать выход из СНГ и введение виз для россиян» <...> При этом они не исключают и «дальнейшую эскалацию в отношениях двух стран» (НГ 2017, 23 марта). В целом, и в дни трехлетнего празднования присоединения Крыма к России образ Украины представляется нашей прессой негативно – как политический противник с обвинениями в неблагоприятных поступках в прошлом и настоящем, неблагоприятным сегодняшним днем и с не очень оптимистичным будущим.

Серьезные наблюдатели (академик В.А. Тишков), подчеркивая значение современных медиа в общественно-политических процессах, отмечают, что «немногие годы кризисных событий на Украине фактически поменяли знаки восприятия украинского народа с положительного на отрицательный. Некогда «братский народ», и даже «один народ» стал восприниматься как некое злобное и ненавидящее Россию и русских культурное целое <...> Этот масштабный поворот в сознании представляет собой явный медиапродукт, у которого есть свои заказчики и производители» (Тишков 2016: 15).

Отдельно можно выделить и особое внимание наших СМИ к Донбассу, к сложившейся там за эти годы ситуации, которую пресса также не может обойти вниманием.

Уже не первый год жители Донбасса – бывшей украинской территории (также как и Луганской республики) – борются за свою независимость от «майдановской» Украины, за право быть автономными и суверенными, за право разговаривать и учить детей на своем родном языке (русском или другом). Многие жители этого несчастного региона, постоянно обстреливаемого, полуголодного и неустроенного, хотят покровительства большой России. Тем более, что, как говорят некоторые российские газеты, «... Киев сознательно отторгает от Украины этот огромный регион» (НГ 2017, 20 марта). В прессе озвучиваются идеи: «... Россия – родина для Крыма и Донбасса» // «Неизбежность интеграции Донбасса с Россией очевидна» <...> И в самом деле, идея нового объединения некоторое время буквально носилась в общественном пространстве. Однако пресс-секретарь российского президента Д. Песков в «Независимой газете» разъясняет: «У Кремля нет письменных сценариев возможности интеграции ДНР и ЛНР в состав России, хотя в Москве знают о настрое жителей Донбасса и о дискуссиях в обществе по этой теме» (НГ 2017, 20 марта). Некоторые комментаторы подмечают, что «Кремль, видимо, опирается на опыт с Крымом – после его присоединения уровень патриотизма в стране заметно вырос и рассчитывает позже заручиться дополнительной поддержкой электората» (НГ 2017, 20 марта).

Еще одним важным направлением в нашей прессе стала информация об отношениях России с другими странами после присоединения Крыма. Эта важнейшая тема не ограничивается, конечно, только несогласием ряда стран с позицией России и даже санкциями, которые были введены против нее. Отношения остаются многосторонними – и политическими, и экономическими, и финансовыми, и психологическими. Как и везде, и в других странах есть разные мнения, есть согласные и несогласные с позицией России.

Эксперты задают вопрос: какой Крым придумывает себе Запад?

Понятие «Запад» очень собирательное, обобщенное и неоднозначное. Но в общественном пространстве – это страны Западной Европы и США. Как показывают российские СМИ, даже спустя три года, западные аналитики, все еще не имеют единого и устойчивого взгляда на проблему присоединения Крыма к России. Из газет россияне могут понять, что Запад в этом вопросе и против, и за. С одной стороны, в прессе сообщается, что «... Запад пытается наказать крымчан за их свободный выбор»; что «... Европа в тупике, и непоследовательность Киева ее изумляет» (Приглашение в Крым 2017); что «... в Польше некоторые явно заскрипели зубами: “большинство населения аннексией довольно”» (АИФ 2017, 8-14 марта); что «... конечно, разочаровавшиеся в российском выборе Крыма есть, и их разочарование порой перерастает в отчаяние – это украинские националисты, последователи С. Бандеры и представители европейского истеблишмента» (Три года в составе России 2017). С другой стороны, политики и эксперты на Западе действительно в тупике. Редкие в этом ключе сообщения свидетельствуют, что Европа сочувствует крымчанам и не понимает, как помогать Украине: «... на Западе жителей Крыма как бы жалеют, но не дают им права на свободу передвижения» // «В МВФ не понимают, как давать деньги правительству, которое само наносит такой ущерб своей экономике» (Донбасс заблокировал финансовую помощь Украине 2017). Члены Парламентской делегации ряда европейских стран, побывавшие в эти дни в российском Крыму, высказали свои впечатления: «... Это безумство, что в центре Европы идет война, и всем все равно» (член парламентской делегации Франции – Тьерри Мариани) // «Наша главная цель –

заставить Украину начать диалог с Россией» (Н. Сусман – англичанин, Соединенное Королевство) // «Крым является частью России, и Запад должен это признать, хочет он того или нет» (член Немецкой делегации) (АИФ 2017, 8-14 марта).

* * *

Приведенные здесь некоторые результаты исследования показывают лишь отдельные стороны процесса создания медийных образов и распространения их в общественном пространстве. Исследование показало и некоторые нюансы этической деятельности СМИ. Можно отметить, что, спустя три года, ситуация с присоединением Крыма внешне стабилизировалась, что и показывает частично российская пресса. В частности, изменилась направленность пропаганды. Наши идеологи (в прессе) теперь просто констатируют **очевидность и необратимость** свершившегося события. Из прессы ушел прежний пафос и затихла глобальная радость россиян от присоединения, теперь даже в праздник она уже не демонстрируется так ярко. Тем не менее, в информационном пространстве осталось ощущение от нашей победы и от справедливых действий России в крымских событиях.

Информационное внимание в значительной степени перенеслось теперь на Украину и на наши отношения с ней. Толерантная риторика по отношению к Украине, которая три года назад еще присутствовала в прессе, теперь **сменилась конфликтной**. Из прессы ушла **идея о братстве наших народов**, но осталось **утверждение нашей правоты и их ошибок**. При этом в публикациях ощущается доминирование эмоциональных и недостаточность рациональных аргументов. Весьма заметно в прессе

Рис. 2. Иллюстратор Владислав Ерко (Vladislav Erko).
Интернет ресурс: michel.hiblogger.net. Дата обращения: 09.10.2017.

отсутствие информации или ее дозирование о жизни в Украине, о продолжающихся экономических, финансовых, культурных и других российско-украинских контактах. Не просматривается и идея о перспективах наших отношений.

Необходимо отметить умолчание российской прессы о мнении и позиции в этих вопросах самой Украины и о ее понимании складывающейся ситуации. Но небольшие примеры о поддержке нашей позиции со стороны нейтральных западных наблюдателей в газетах встречаются.

Довольно слабо просматривается в современной прессе и идея нашей российской общности и согласия. «Крымская весна» сбылась. Подобные события, случающиеся раз в столетие, обрадовали и объединили в свое время большую часть россиян. Но время идет. Теперь в прессе появляются даже критические публикации о нынешнем положении уже в российском Крыму. И для поддержания и укрепления общероссийской идентичности и единства, для сплочения россиян необходимы уже другие идеи и импульсы, другие усилия СМИ. Однако таких объединяющих идей, и тем более – событий, в нынешних СМИ (кроме «бессмертного полка» пока не видно.

Источники и литература

Аргументы и факты (АИФ), 8–14 марта 2017.

Назло кацапам // Комсомольская правда (КП), 2017, 15 марта.

Комсомольская правда (КП), 2017, 15 марта. Радикалы в банке.

Комсомольская правда (КП), 2017, 21 марта.

Московский комсомолец (МК), 2017, 25 февраля.

Московский комсомолец (МК), 2017, 16 марта. Три года в составе России.

Московский комсомолец (МК), 2017, 22 марта. Крым, который убеждает.

Независимая газета (НГ), 2017, 20 марта. Донбасс надеется на интеграцию в Россию с помощью Крыма.

Независимая газета (НГ), 2017, 20 марта. Донбасс заблокировал финансовую помощь Украине.

Независимая газета (НГ), 2017, 20 марта.

Независимая газета (НГ), 2017, 23 марта.

Российская газета (РГ), 2017, 15 марта. Майдан стучится к Порошенко.

Российская газета (РГ), 2017, 17 марта. Приглашение в Крым.

Российская газета (РГ), 2017, 20 марта.

Российская газета (РГ), 2017, 23 марта. Юлю в Киев не пускают.

Аврамов 1999 – Аврамов Д.С. Профессиональная этика журналиста: учебное пособие. М.: Изд. МГУ, 1999.

Вартанова 2011 – Вартанова Е. Колонка редактора // Медиа тренды. М.: МГУ, 2011. № 8, октябрь. URL: <http://www.journ.msu.ru>.

Данелян 2017 – Данелян Н. Основные принципы журналистской этики. URL: <http://www.my-works.org/text>. Дата обращения: 2017.

Дзялошинский 1999 – Дзялошинский И.М. Журналист и информация // Право знать, 1999. № 11.

Закон РФ 2016 – Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 03.07.2016). «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016). URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-o-smi>.

Киричек 2004 – Киричек П.Н., Федотова О.В. Этика журналиста. Учебник. Саранск: Изд. Мордовского университета, 2004.

Кодекс 1994 – Кодекс профессиональной этики российского журналиста», одобрен Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года. URL: http://www.ruj.ru/about_organization.

Конституция 1993 – Конституция Российской Федерации 1993. URL: <http://constitution.kremlin.ru>.

Корконосенко 2001 – Корконосенко С.Г. Основы журналистики. Учебник для вузов. М.:

- Аспект Пресс. 2001.
- Лазутина 2000 – Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Малькова 2016 – Малькова В.К. Есть русская правда в крымской истории // Вестник российской нации, 2016. № 1.
- Малькова 2015 – Малькова В.К. «Крым наш» в российском информационном пространстве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 243. М.: ИЭА, 2015.
- Международная 1986 – Международная декларация принципов поведения журналистов. Принята на Втором Всемирном Конгрессе Международной Федерации журналистов в Бордо 25–28 апреля 1954 года; изменения внесены на XVIII Всемирном Конгрессе МФЖ в Хельсинки 2 – 6 июня 1986 года. URL: <http://journalism.ru/news/39394>.
- Международные 2017 – Международные принципы профессиональной этики в журналистике // Профессиональная этика журналиста – международные и российские акты. 2017. URL: <http://www.mediasprut.ru/info/pravo/moral.shtml>.
- Прохоров 2011 – Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2011.
- Путин 2017– Путин В. Выступление по поводу восстановления отношений с Турцией / 1-й канал ЦТВ. Программа «Время», 3 мая 2017 г.
- Скоробогатый 2016 – Скоробогатый П., Федоров В. «Крым наш» спустя 2 года. URL: <http://expert.ru/2016/03/20/krym>.
- Тишков 2016 – Тишков В.А. Медиа поглощает культуру или – это часть культуры? / Антропология медиа: Теория и практика / Под ред. В.К. Мальковой и В.А. Тишкова. М., ИЭА РАН, 2016.
- Уголовный 2017 – Уголовный кодекс Российской Федерации. Актуальная редакция УК РФ от 17.04.2017 с изменениями, вступившими в силу с 28.04.2017. URL: <http://kodeks.systems.ru/uk-rf>.

References

- Argumenty i fakty. 2017, March, 8–14.
- Moskovskij komsomolec. 2017, 25 February.
- Komsomol'skaya Pravda. 2017, 15 March. Nazlo kazapam.
- Komsomol'skaya Pravda. 2017, 15 March. Radikaly v banke.
- Rossijskaya gazeta. 2017, 15 March. Majdan stuchitsya k Poroshenko.
- Moskovskij komsomolec. 2017, 16 March. Tri goda v sostave Rossii.
- Rossijskaya gazeta. 2017, 17 March. Priglasenie v Krym.
- Nezavisimaya gazeta. 2017, 20 March.
- Nezavisimaya gazeta. 2017, 20 March. Donbass nadeetsya na integraciyu v Rossiyu s pomoshch'yu Kryma.
- Nezavisimaya gazeta. 2017, 20 March. Donbass zablokiroval finansovuyu pomoshch' Ukraine.
- Rossijskaya gazeta. 2017, 20 March.
- Komsomol'skaya Pravda. 2017, 21 March.
- Moskovskij komsomolec. 2017, 22 March. Krym, kotoryj ubezhdает.
- Nezavisimaya gazeta. 2017, 23 March.
- Rossijskaya gazeta. 2017, 23 March. Yulyu v Kiev ne puskeyut.
- Avramov D.S. Professional'naya etika zhurnalista: uchebnoe posobie. Moscow: Moscow State University, 1999.
- Danelyan N. Osnovnye principy zhurnalistskoj ehtiki. URL: <http://www.my-works.org/text>, 2017.
- Dzyaloshinskij I.M. Zhurnalist i informaciya // Pravo znat', 1999. No. 11.
- Kirichek P.N., Fedotova O.V. Ehtika zhurnalista. Uchebnik. Saransk: Mordovskiy State University. 2004.
- Kodeks professional'noj ehtiki rossijskogo zhurnalista / odobren Kongressom zhurnalistov Rossii 23 June 1994. URL: http://www.ruj.ru/about_organization.

- Konstituziya Rossijskoj Federacii. 1993 . URL:<http://constitution.kremlin.ru>.
- Korkonosenko S.G.* Osnovy zhurnalistiki. Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Aspekt Press, 2001.
- Lazutina G.V.* Professional'naya ehtika zhurnalista. Uchebnoe posobie. Moscow: Aspekt Press, 2000.
- Malkova V.K.* «Krym nash» v rossijskom informacionnom prostranstve // Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj ehtnologii. No. 243. Moscow: IEA RAS, 2015.
- Malkova V.K.* Est' russkaya pravda v krymskoj istorii // Vestnik rossijskoj nazii, 2016. No. 1.
- Mezhdunarodnaya deklaraciya principov povedeniya zhurnalistov. Prinyata na Vtorom Vsemirnom Kongresse Mezhdunarodnoj Federacii zhurnalistov v Bordo 25–28 April 1954 / izmeneniya vneseny na XVIII Vsemirnom Kongresse MFZH v Hel'sinki 2–6 June 1986 . URL:<http://jourdom.ru/news/39394>.
- Mezhdunarodnye principy professional'noj ehtiki v zhurnalistike // Professional'naya ehtika zhurnalista – mezhdunarodnye i rossijskie akty, 2017 . URL:<http://www.mediasprut.ru/info/pravo/moral.shtml>.
- Prohorov E. P.* Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki: Uchebnik dlya studentov vuzov. Moscow: Aspekt Press, 2011.
- Putin V.* Vystuplenie po povodu vosstanovleniya otnoshenij s Turciej /1-yj kanal CTV. Programma «Vremya», 3 May 2017.
- Skorobogatij P., Fedorov V.* «Krym nash» spustya 2 goda . URL: <http://expert.ru/2016/03/20/kryim>.
- Tishkov V.A.* Media pogloshchaet kul'turu ili – eto chast' kul'tury? /Antropologiya media: Teoriya i praktika / ed. V.K. Malkovoj, V.A.Tishkova. Moscow: IEA RAS, 2016.
- Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. Aktual'naya redakciya UK RF ot 17.04.2017 s izmeneniyami, vstupivshimi v silu s 28.04.2017 . URL: <http://kodeks.systems.ru/uk-rf>.
- Vartanova E.* Kolonka redaktora // Media trendy. Moscow: Moscow State University, 2011, No. 8, October . URL: <http://www.journ.msu.ru>.
- Zakon RF ot 27.12.1991 N 2124-1 (red. ot 03.07.2016) “O sredstvakh massovoj informacii” (s izm. i dop., vstup. v silu s 15.07.2016) . URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-o-smi>.

V.C. Malkova. Ethics and Media.

The paper presents some results of analysis of Russian-Ukrainian conflict's media covering. The author analyses some problems of formation of mass consciousness about interethnic and international relations, about countries and peoples. The main attention is paid to ethical norms and professional standards of journalism.

Key words: *Mass Media, ethical norms, objectivity, peacefulness, ethnopolitical interests, conflicts, images of countries and ethnic groups, Ukraine, Russia, Western countries.*

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 575.17

© А.Т. Агджоян, Н.В. Качанов, Ю.М. Юсупов, Н.И. Макмак,
Л.А. Мустафаева, Л.А. Атраментова, Е.В. Балановская

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА
ПО ДАННЫМ О ГЕНОФОНДАХ КАРАИМОВ, КРЫМСКИХ
ТАТАР И ГРЕКОВ***

Крымский полуостров в течение тысячелетий служил крупным торговым перекрестком и коридором миграций населения Средиземноморья, Кавказа, Восточно-Европейской равнины и степной полосы Евразии. Генетическое наследие этих потоков в шести популяциях трех народов Крыма – караимов, крымских татар и греков – изучено с помощью двух высокоинформативных генетических систем – Y-хромосомы и полногеномных панелей маркеров. Согласованность итогов изучения по разным системам генетических маркеров подтвердила надежность полученных результатов.

Выявлено, что генофонды крымских татар и греков сформировались на основе двух основных генетических источников. «Базовый» компонент, преобладающий в генофондах обеих групп крымских греков (румеев и урумов) и двух групп крымских татар (горных и южнобережных), указывает на сохранение генетического наследия восточно-средиземноморского населения – ряда волн переселенцев из Малой Азии («мореходов»). Генетический след населения Евразийской степи («степных номадов») максимален на севере Крыма у степных

Агджоян Анастасия Торосовна – научный сотрудник лаборатории геномной географии ФГБУН Института общей генетики РАН. Эл. почта: aagdzhojan@gmail.com.

Качанов Николай Валентинович – заместитель председателя по науке и культуре Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия караимов города Москвы». Эл. почта: itil7@yandex.ru.

Юсупов Юлдаш Мухамматович – кандидат исторических наук, начальник Центра социо-культурного анализа ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан». Эл. почта: ufa1980@yandex.ru.

Макмак Николай Иванович – кандидат технических наук, создатель и руководитель Интернет-проекта «Азовские Греки» Ассоциации наследия азовских греков. Эл. почта: dr_makmak@hotmail.com.

Мустафаева Лилия Амзаевна – главный врач ГБУЗ РК «Консультативно-диагностического центра по обслуживанию депортированных народов». Эл. почта: liliya.must@gmail.com.

Атраментова Любовь Алексеевна – доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетики и цитологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Эл. почта: lubov.atramentova@gmail.com.

Балановская Елена Владимировна – доктор биологических наук, профессор, заведующая лабораторией популяционной генетики человека ФГБНУ «Медико-генетический научный центр». Эл. почта: balanovska@mail.ru.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№16-34-00506_мол-а, №13-06-00670_а).

крымских татар, уменьшается к югу и может отражать следы переселения тюркоязычных кочевников-ногайцев из прикаспийских и причерноморских степей в Крым в XV–XVIII вв. в рамках демографической политики Крымского ханства. Наличие ближневосточных гаплогрупп Y-хромосомы в генофонде караимов может указывать на общность их происхождения с семитскими народами (сказавшейся в конфессиональном аспекте) и другими народами Ближнего Востока, а небольшой вклад восточноевразийских гаплогрупп – на взаимодействие их предков с тюркоязычным населением степей Евразии (сказавшейся в заимствовании языка). Однако ярко выраженная «юго-восточная» основа генофонда караимов, определяющая их генетическую близость как к популяциям юга Каспийского моря, так и Северного Кавказа, все еще оставляет за этим народом статус одного из самых загадочных.

Ни караимы, ни одна из групп крымских татар и греков не обнаруживают генетического сходства с ближайшими географическими соседями – русскими и украинцами, что указывает на отсутствие в популяциях крымских народов генетического следа мощнейшей и последней по времени демической экспансии.

Ключевые слова: генофонд, Y-хромосома, полногеномные панели ДНК-маркеров, караимы, крымские татары, крымские греки.

О чем и о ком могут рассказать Y-хромосома и полногеномные маркеры?

Каждый человек обладает невидимой летописью истории своих предков, которая дошла к нему сквозь века и тысячелетия. Эта история записана в генах, и современная геногеография способна ее читать.

Огромное число научных публикаций о генетической истории народов мира за последние 20 лет основаны на одной из наиболее информативных летописей – той, которую ведет Y-хромосома. И если техническую возможность использовать маркеры Y-хромосомы исследователям подарил прогресс технологий анализа генома в 1990-х годах (Балановский 2015: 5), то патрилинейное наследование Y-хромосомы (от отца к сыну) и наличие у нее такого участка, фрагменты которого не перетасовываются при передаче в поколениях, а сохраняют весь хронологический порядок накопленных мутаций, – то такую генетическую летопись «подарила» сама природа. Эти особенности маркеров Y-хромосомы, в сочетании с патрилокальностью большинства традиционных сообществ, позволяют выявлять генетическую преемственность в популяциях и миграционные потоки из других, зачастую далеких, регионов.

Другой и не менее мощный инструмент анализа генофондов связан с совсем недавним техническим прогрессом – это «полногеномные» панели маркеров (их более точное и короткое название – широкогеномные маркеры). Они позволяют одновременно прочитывать сотни тысяч точек (однонуклеотидных полиморфизмов – SNP), разбросанных по всему геному одного человека, а в результате становится известен широчайший набор генетических маркеров этого индивида, полученный им от множества предков по всем генетическим линиям (а не только по отцовской линии, как Y-хромосома). Столь высокая информативность широкогеномных панелей маркеров позволяет даже по небольшой (10–15 образцов) выборке получать данные о генофонде популяции, которую представляют эти индивиды (ограничения в объеме выборке вызваны дороговизной широкогеномного анализа).

Сочетание двух высокоэффективных систем генетических маркеров – Y-хромосомы и широкогеномных панелей – позволяет в двух зеркалах отразить генетическую историю популяций, включающую как следы миграций мужского населения, так и наследие по многим другим предковым линиям. Исследование генофондов популяций, сопряженных с этническими и субэтническими группами, в комплексе с данными физической антропологии, этнологии и лингвистики об истории этих сообществ, позволяют проследить параллелизм или же, напротив, разные пути их биологической и социальной истории. Одним из регионов, богатых культурными и демографическими событиями только за последние три тысячи лет, и поэтому интересным для подробного генетического исследования, является Крым.

Несмотря свою небольшую территорию, Крымский полуостров в течение многих веков оставался одним из крупнейших торговых и политических перекрестков, а значит, и коридором для миграций населения Средиземноморья, Кавказа, Восточно-Европейской равнины и степной полосы Евразии. Каждый из множества этих потоков миграций привнес что-то свое в культурное и этническое разнообразие Крыма. О том, население каких именно регионов и в какой степени оставило свое наследие и в генетическом разнообразии Крыма, могут рассказать генофонды популяций караимов, крымских татар и греков.

Крымские греки являются потомками как античных древнегреческих колонистов Крыма, так и всех последующих греческих переселенцев. Последние двести лет они компактно проживают в Приазовье, но сохраняют память о принадлежности к одной из двух средневековых субэтнических групп греков: тюркоязычным урумам или к «грекоязычным» румеям (Баранова 2010: 9–11). Формирование этноса крымских татар связано со средневековыми миграциями в Крым кочевников из Евразийской степи, которые вливались в более раннее население полуострова (Тюркские народы 2003: 151–152). Крымские татары сохраняют память о принадлежности своих предков к трем этногеографическим группам – степной, горной или южнобережной, хотя сейчас, после возвращения из депортации, они проживают независимо от такого субэтнического подразделения. Караимы являются наиболее загадочным народом Крыма: дискуссии об их «еврейских» или «хазарских» предках длятся почти два столетия. Сходство караимской религии с иудаизмом дает основание предполагать семитское происхождение караимов, а тюркский язык – общность их предков с другими народами этой лингвистической группы (Тюркские народы 2003: 17–27). Генетика может внести свой вклад в решение этой проблемы, изучив особенности их генофонда.

Нами суммарно исследовано 467 образцов ДНК, полученных от неродственных между собой мужчин-добровольцев – представителей двух субэтносов крымских греков (урумов и ромеев, обследование генофонда проведено в 2009–2013 гг. в сотрудничестве с Ассоциацией наследия азовских греков), трех субэтносов крымских татар (степного, горного, южнобережного, экспедиционное обследование проведено в 2010–2013 гг.) и караимов (обследование генофонда проведено в 2014–2015 гг. в сотрудничестве с Караимским обществом Москвы). Предки всех участников на глубину трех поколений относили себя к исследуемой этнической и субэтнической группе. Так как современные крымские татары не сохраняют субэтническую структуру (после возвращения в Крым из депортации 1944 г.), а изученные нами урумы и румеи проживают в Приазовье, то результаты исследования отражают не современную географию их генофондов, а реконструкцию генетической истории.

«Мореходы» и «степные номады» в генетической истории крымских татар и греков

Удивительным результатом исследования генофондов стало уже то, что в населении небольшого по площади Крыма обнаружился практически весь спектр евразийских вариантов Y-хромосомы (гаплогрупп): от приуроченных к конкретным регионам до «повсеместных» (паневразийских). Пестрые и мало похожие друг на друга (за исключением горных и южнобережных крымских татар) «генетические портреты» коренных популяций Крыма свидетельствуют об участии в их генетической истории выходцев из контрастных регионов.

«Степной» комплекс центральноазиатских и южносибирских гаплогрупп Y-хромосомы (C3, Q, O3) пронизывает генофонды крымских татар (снижаясь от максимума в 20% на севере у степного субэтноса до минимума в 6% у южнобережного), но совершенно обходит стороной урумов и румеев. «Степной» комплекс практически не встречается в Европе (*Балановский* 2015: 80, 105) и незначительно представлен в популяциях Малой Азии (*Cinnioğlu et al.* 2004: 130), однако его доля возрастает от популяций предкавказских степей и Северного Прикаспия в направлении на восток.

Другой комплекс гаплогрупп («базовый»), напротив, формирует основу генофондов пяти популяций крымских татар и греков и демонстрирует совсем иной, по сравнению со «степным», градиент с максимумом на юге (60–70%) у южнобережных крымских татар, урумов, румеев и минимумом на севере (около 40%) у степных крымских татар. Этот комплекс образуют гаплогруппы, наиболее распространенные в Средиземноморье, Передней Азии и на Кавказе. Роль этого слоя генофонда четко проявляется при анализе генетических расстояний от каждого из пяти субэтносов крымских татар и греков, когда ярко (для румеев, горных и южнобережных татар) или же сглаженно (для урумов и степных крымских татар) генетически ближайшими выступают популяции Восточного Средиземноморья (Крит, Малая Азия), Кавказа и Ирана.

Доли «степного» и «базового» генетических комплексов определяют положение изученных пяти популяций и в генетическом пространстве Северной Евразии: на графике многомерного шкалирования горные и южнобережные крымские татары, урумы и румей близки к популяциям Восточного Средиземноморья, Кавказа и Ирана, а степные крымские татары тяготеют к популяциям прикаспийских степей и Центральной Азии.

Анализ широкогеномных маркеров выявил аналогичную генетическую картину. На графике главных компонент, построенном по частотам 97 тысяч маркеров аутосомного генома, степные крымские татары вошли в «Центральноазиатский» кластер и наиболее близки к генофондам ногайцев и туркмен. Горные и южнобережные крымские татары, а также урумы и румей, вошли в «Средиземноморский» кластер, и наиболее близки к генофондам греков Балкан, турок, болгар, популяциям Сицилии и Крита. При этом все пять популяций крымских татар и греков крайне далеки от кластера своих восточнославянских соседей – украинцев и русских. Таким образом, результаты по обеим генетическим системам – Y-хромосоме и широкогеномным маркерам – для крымских татар и греков отражают сходные закономерности.

Полученные результаты указывают на то, что генофонды крымских татар и греков сформировались на основе двух основных генетических источников. «Базовый» компонент, преобладающий в генофондах горных и южнобережных крымских татар и обеих групп крымских греков, указывает на сохранение генетического наследия восточно-средиземноморских популяций («мореходы») в течение многих веков.

Вклад населения из Евразийской степи («степные номады») максимален на севере полуострова у степных крымских татар и уменьшается к югу, что согласуется с переселениями тюркоязычных кочевников-ногайцев из прикаспийских и причерноморских степей в Крым в XV–XVIII вв. в рамках демографической политики Крымского ханства (*Тюркские народы* 2003: 154–156).

Генофонд караимов: обширный регион генетических связей

Вопреки двум противоборствующим гипотезам происхождения караимов – «семитской» и «тюркской» – их Y-хромосомный генофонд отличается широким спектром гаплогрупп, приуроченных к куда более широким регионам и группам популяций, чем следовало бы из этих гипотез. Вклад «степного» комплекса гаплогрупп, который мог бы свидетельствовать в пользу «тюркской» гипотезы происхождения, у караимов составляет не более десятой доли генофонда. Доля гаплогруппы J1, очень частой в населении Аравийского полуострова, Палестины, Сирии и Леванта (но также у народов Восточного Кавказа), которая могла бы свидетельствовать в пользу «семитской» гипотезы происхождения, составляет у караимов не более пятой части всего разнообразия. При этом самый мощный слой – половина генофонда караимов – представлен комплексом гаплогрупп (J2, G2, L, T) с очень обширным географическим ареалом: это не только население «плодородного полумесяца» и Аравии, но и популяции Ирака, Ирана, Малой Азии и разных регионов Кавказа.

Эти особенности «генетического портрета» караимов проявляются при их многомерном анализе в масштабе Северной Евразии. В этом генетическом пространстве выделяются шесть кластеров генетически близких популяций: «Восточнославянский» (его сформировали популяции русских, украинцев и белорусов), «Поволжский» (башкиры, казанские татары и мишари), «Центральноазиатский» (астраханские татары, степные крымские татары, узбеки, караногайцы, каракалпаки, киргизы, казахи и монголы), «Западнокавказский» (карачаевцы, абазины, черкесы, кабардинцы, балкарцы, абхазы), «Переднеазиатский» (четыре популяции из Ирана, турки, азербайджанцы, кумыки, греки-румеи, иракцы, две популяции евреев-сефардов, палестинцы и две популяции арабов), «Крымский» (греки-урумы, крымские татары горные и южнобережные, а также караимы). Караимы, хоть и близки к трем своим крымским соседям, но располагаются на границе «Крымского» кластера и тяготеют к близлежащему «Переднеазиатскому» кластеру. Подобная закономерность прослеживается и при картографическом анализе, где генофонд караимов наиболее близок к популяциям Ирана и Кавказа.

Таким образом, основу генофонда караимов представляет «юго-восточный» генетический слой, указывающий на вероятный вклад популяций очень широкой территории – от Аравии до Кавказа, от Дарданелл до юго-восточных берегов Каспийского моря. Доля «степного» комплекса гаплогрупп, который отражает влияние популяций евразийской степи, намного меньше. Иными словами, генофонд караимов свидетельствует о столь сложной генетической истории, которую невозможно свести к исключительно «семитской» или «тюркской» версиям происхождения их генофонда.

Яркие персонажи «летописи»

Генофонды крымских татар и греков отражают как минимум двух ярких участников «генетической летописи» Крыма – тех групп населения, чье наследие мы фик-

сируем спустя века. Во-первых, это волны переселенцев из Малой Азии, чей поток генов прокатился с юга на север полуострова и лег в основу генофондов крымских татар и греков (датировки и гипотезы о времени этих миграций рассматриваются в готовящейся отдельной научной публикации). Во-вторых, это миграции из степной полосы Евразии – вероятнее всего, тюркоязычных кочевников, след которых наиболее выражен у степных крымских татар.

Генофонд же караимов требует дальнейшего детального исследования в широком генетическом контексте. Некоторая доля ближневосточных гаплогрупп у караимов может указывать на предполагаемую общность их происхождения с семитскими народами (что отразилось в близости религий) и другими народами Ближнего Востока, а небольшой вклад восточноевропейских гаплогрупп – на взаимодействие их предков с тюркоязычным населением степей Евразии (что, в свою очередь, отразилось в заимствовании языка). Однако ярко выраженная «юго-восточная» основа генофонда караимов, определяющая их генетическую близость к популяциям юга Каспийского моря и Северного Кавказа, все еще оставляет за этим народом статус одного из самых загадочных.

Примечательно, что ни караимы, ни одна из групп крымских татар и греков не обнаруживает генетического сходства с ближайшими географическими соседями – русскими и украинцами. Такой результат показывает, что генетические следы одной из мощнейших демических экспансий (в самом начале XIX в. русские и украинцы составляли 6% (Старченко 2013: 39), в начале XX века – уже 45% (Старченко 2013: 41), а еще столетие спустя – более 80% (Итоги переписи 2014)) в популяциях крымских народов отсутствуют.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия караимов города Москвы», сотрудникам ГБУЗ РК «Консультативно-диагностический центр по обслуживанию депортированных народов» (г. Симферополь), Ассоциации наследия азовских греков (Интернет-проект «Азовские Греки» <http://www.azovgreeks.com>) и особенно И.Н. Тасицу, А.А. Малтабару, М.Д. Пирго.

Литература

- Балановский 2015 – Балановский О.П. Генофонд Европы. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2015.
- Баранова 2010 – Баранова В.В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румыи Приазовья. Москва: ГУ-ВШЭ, 2010.
- Баранова 2015 – Баранова В.В. Итоги переписи 2014 – Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе. Федеральная служба государственной статистики. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2015.
- Козлов, Чижова 2003 – Козлов С.Я., Чижова Л.В. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. Москва: Наука, 2003.
- Старченко 2013 – Старченко Р.А. Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX веках // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. № 6. С. 38–41.
- Cinnioglu et al. 2004 – Cinnioglu C., King R., Kivisild T., Kalfoglu E., Atasoy S., Cavalleri G.L., Lillie A.S., Roseman C.C., Lin A.A., Prince K., Oefner P.J., Shen P., Semino O., Cavalli-Sforza L.L., Underhill P.A. Excavating Y-chromosome haplotype strata in Anatolia // Annals of Human Genetics, 2003. No. 114. Pp. 127–148.

References

- Balanovskii O.P.* Genofond Evropy. Moskva: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2015.
- Baranova V.V.* Iazyk i etnicheskaia identichnost'. Urummy i rumei Priazov'ia. Moscow: GU-VShE, 2010.
- Baranova V.V.* Itogi perepisi naseleniia v Krymskom federal'nom okruge. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Moscow: IITs «Statistika Rossii», 2015.
- Kozlov S.Ia., Chizhova L.V.* Tiurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatory. Krymchaki. Moscow: Nauka, 2003.
- Starchenko R.A.* Dinamika chislennosti i rasseleniia russkikh Kryma v XVIII–XIX vekakh // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova, 2013. No. 6. Pp. 38–41.
- Cinnioğlu C., King R., Kivisild T., Kalfoglu E., Atasoy S., Cavalleri G.L., Lillie A.S., Roseman C.C., Lin A.A., Prince K., Oefner P.J., Shen P., Semino O., Cavalli-Sforza L.L., Underhill P.A.* Excavating Y-chromosome haplotypes strata in Anatolia // Annals of Human Genetics, 2003. No. 114. Pp. 127–148.
- A.T. Agdzhoyan, N.V. Kachanov, Y.M. Yusupov, N.I. Makmak, L.A. Mustafaeva, L.A. Atramentova, E.V. Balanovskaya.** The genetic annals of the Crimean peninsula on the data of the gene pools of Karaites, Crimean Tatars and Greeks.

The Crimean peninsula over thousands of years was a major crossroads for trade and the corridor for migrations of population from the Mediterranean, the Caucasus, the East European Plain and the Steppe Belt of Eurasia. The genetic heritage of these flows in six populations of the three peoples of Crimea – Karaites, Crimean Tatars and Greeks – is studied using two the most informative genetic systems – the Y-chromosome markers and the genome-wide arrays. Consistency of results obtained with different genetic systems confirms the reliability of the methods.

It was revealed that the gene pools of Crimean Tatars and Greeks were formed on the basis of two main genetic sources. The «base» component which prevails in the gene pools of both groups of the Crimean Greeks (Rumei and Urums) and two groups of Crimean Tatars (Mountain and Coastal) points to preservation of the genetic legacy of the Eastern Mediterranean population – a series of migration waves from Asia Minor («seafarers»). The genetic footprint of the population of the Eurasian steppe («steppe nomads») reaches its maximum in Steppe Crimean Tatars and decreases to the south. It could reflect the traces of Turkic-speaking Nogai nomads migrated from the Caspian and Black Sea Steppes to the Crimea in XV–XVIII centuries, that was a part of Crimean Khanate demographic policy. The presence of Middle Eastern Y-chromosome haplogroups in the Karaites gene pool may indicate their common origin with Semitic peoples and other Near East ethnic groups (also reflected in the confessional aspect) and the small contribution of Eastern Eurasian haplogroups may point to the interaction of their ancestors with the Turkic-speaking population of the Eurasian steppes (also reflected in the borrowing Turkic language). Clearly expressed «south-east» source of the Karaite gene pool determines their genetic proximity both to the South Caspian and North Caucasus populations and reserves for this Karaites its status of one of the most mysterious.

Neither the Karaites nor any group of Crimean Tatars and Greeks show genetic similarity to their closest geographical neighbors – Russians and Ukrainians, which indicates that the Slavic demic expansion, despite being the most powerful of the recent migrations, did not influence any of the studied group of Crimean people.

Key words: gene pool, Y-chromosome, genome-wide markers, Karaites, Crimean Tatars, Crimean Greeks.

© А.В. Габучян, В.А. Князь, Г.В. Большаков

ОДОНТОМЕТРИЧЕСКИЕ И ОККЛЮЗИОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КОМПЬЮТЕРНЫХ ТРЕХМЕРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ПРЕМОЛЯРОВ И МОЛЯРОВ

Одонтометрические исследования нашли применение в разных научных и практических сферах, среди которых следует выделить антропологию и стоматологию. Наряду с традиционно применяемыми методиками, в последнее время стали реализовываться возможности использования в одонтометрии цифровых трехмерных изображений зубов и зубных рядов. В качестве подобного примера в статье представлено исследование, проведенное на коронковых частях премоляров и моляров. Наряду с одонтометрическими исследованиями, проводились также измерения, касающиеся противоположных зубов в сомкнутом положении зубных рядов: окклюзиометрические исследования. Характерным для проведенного исследования является применение оригинальных методик получения трехмерных изображений, послойного (одонтометрического) изучения зубов и использование стандартных одонтометрических ориентиров. Результаты измерений были использованы для определения характерных черт строения и соотношений упомянутых зубов для разработки соответствующих практических рекомендаций по препарированию окклюзионной поверхности зубов в ходе ортопедического лечения.

Ключевые слова: одонтометрия, окклюзиометрия, трехмерные компьютерные изображения, одонтометрия, одонтопрепарирование, фотограмметрия.

Введение

Измерения зубов и зубных рядов проводятся в рамках антропологических исследований, исследований и диагностических процедур в стоматологии, а также в криминалистике (Зубов 1968; Маркскорс 2007; Khera et al. 1990; Rothwell 2001) по методикам, описывающим проведение упомянутых измерений и использование их результатов. Представленное исследование касается ортопедической стоматологии, а именно препарирования окклюзионной поверхности зубов при изготовлении несъемных конструкций (коронки).

В ходе одонтопрепарирования зубу придается форма, отражающая строение восстанавливаемого зуба, которая также призвана обеспечить необходимые условия для

Габучян Армен Вардгесович – кандидат медицинских наук, главный врач клиники «Дианта». Эл. почта: armengaboutchian@mail.ru.

Князь Владимир Александрович – кандидат технических наук, заместитель начальника подразделения машинного зрения, ФГУП «ГосНИИАС». Эл. почта: knyaz@gosniias.ru.

Большаков Геннадий Васильевич – доктор медицинских наук, профессор Московского государственного медико-стоматологического института. Эл. почта: 2110063@mail.ru.

изготовления и наложения полноценной ортопедической конструкции. Эти обстоятельства делают тему одонтопрепарирования разносторонне обсуждаемой в стоматологии. Результаты исследований находят отражение в виде клинических рекомендаций, позволяющих избежать ошибок, приводящих к различным патологическим состояниям или повреждению конструкций. Касательно препарирования именно окклюзионной поверхности следует отметить, что изучается не только форма зубов, но также и соотношения с противоположными зубами. Приоритетное внимание в нашем исследовании уделено молярам и премолярам, которые обладают разнообразными по строению, имеющими выраженную функциональную значимость и крупными по размерам окклюзионными поверхностями, по сравнению с таковыми у резцов и клыков.

Представленная работа проводилась не на реальных объектах, а на их гипсовых моделях и компьютерных трехмерных изображениях, ввиду наличия у них существенных преимуществ, таких как неинвазивность в изучении одонтопрепарирования, высокая точность, а также обеспечение подробности исследования и удобства получения и обработки результатов измерений.

Постановка проблемы

Изучение литературы обнаружило источники, относящиеся к началу 1960-х годов (*Wilson, Lang* 1962), в которых обсуждается тема препарирования окклюзионной поверхности. Более современные методики предлагают детальное препарирование таких структур зуба как отдельные бугорки, их скаты, гребни и борозды (*Shillingburg et al.* 1991). Однако предлагаемый подход, несмотря на видимое соответствие идее о необходимости воссоздания формы зуба уже на этапе одонтопрепарирования, оказывается малоприменимым на практике. Основная причина заключается в частичном или полном, но всегда значительном, разрушении зубов, требующем применения методов не терапевтической (постановка пломб), а ортопедической стоматологии (изготовление коронок). Поэтому в подавляющем большинстве случаев, лежащих в рамках показаний к изготовлению коронок (*Каламкаров* 1996; *Курляндский* 1962; *Лебедево и др.* 2007), клиницисту не известно, какой окклюзионной поверхностью мог обладать зуб. Как было отмечено ранее при работе с окклюзионными поверхностями зубов внимание уделяется препарированию с учетом расположения зубов противоположного ряда (*Марксгорс* 2007; *Shillingburg et al.* 1991) или характера смыкания зубов (*Smith* 1998). Тем не менее и в данном аспекте клиническое разнообразие, связанное с лечением деформаций зубных рядов, существенным образом модифицирует одонтопрепарирование, равно как и ограничивает область применения известных рекомендаций постольку, поскольку на месте структур, которые могли бы послужить ориентирами для препарирования, должны оказаться другие.

При широком разнообразии подходов к описанию одонтопрепарирования окклюзионной поверхности, есть и общая для большинства методик черта. Она заключается в том, что в рекомендациях преимущественно описывается препарирование интактных и правильно расположенных зубов, т.е. некая идеализированная ситуация. Таким образом, многие известные методики препарирования, несмотря на то, что оказывают важное и во многом положительное влияние на подготовку стоматологов, оказываются успешно применимыми в весьма ограниченном секторе клинических ситуаций. Данные недостатки, как правило, компенсируются приобретением вра-

чом эмпирического опыта, важность обладания которым сложно переоценить, равно как, порой к сожалению, и цену его получения. Эти обстоятельства и побудили нас заняться более подробным изучением проблемы одонтопрепарирования окклюзионной поверхности зубов и поисков ответов на все еще насущные для стоматологии вопросы: какой формой должна обладать препарированная окклюзионная поверхность и как ее следует расположить по отношению к противоположным зубам.

Касательно формы препарированной окклюзионной поверхности, возникла необходимость определить, какие структуры способны отразить наиболее характерные черты окклюзионной поверхности данных зубов при одонтопрепарировании. Поэтому анализу было подвергнуто строение коронковых частей премоляров и моляров для выявления данных структур. Здесь следует отметить, что каков бы ни был премоляр или моляр наличие вестибулярных и оральных бугорков будет являться одной из основных характеристик их окклюзионных поверхностей. Они обладают известными различиями и особенностями, однако мы не станем их касаться. В обсуждаемом контексте важно само наличие вестибулярно и орально расположенных бугорков. Другой особенностью моляров и премоляров является наличие анатомической окклюзионной поверхности. Данная структура, интегрировавшая в себя внутренние скаты вестибулярных и оральных бугорков, вполне самостоятельна и является единственной структурой зуба, имеющей четкие границы. Упомянутые структуры – вестибулярные и оральные бугорки, а также анатомическую окклюзионную поверхность – мы предлагаем называть безусловными (рис. 1а). Как становится очевидным, безусловные структуры окклюзионной поверхности занимают общие площади на окклюзионной поверхности. Данное обстоятельство, однако, не умаляет их значимости и не делает их неразличимыми.

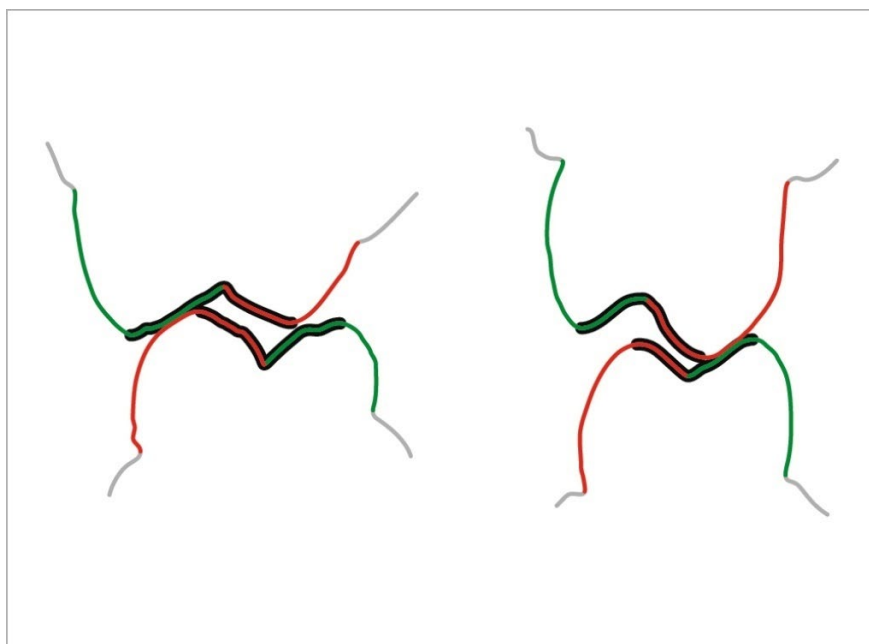

Рис. 1. Безусловные структуры (а) и разграничители (б) на контурах премоляров и моляров.

Наличие безусловных структур позволяет нам наблюдать их, описывать их и говорить о них как о структурах отдельных благодаря наличию на окклюзионной поверхности других структур, исполняющих роль, которая позволяет именовать их безусловными разграничителями. Тремя безусловными разграничителями являются: мезио-дистальная борозда, мезиальные и дистальные гребни вестибулярных бугорков, мезиальные и дистальные гребни оральных бугорков (рис. 1б).

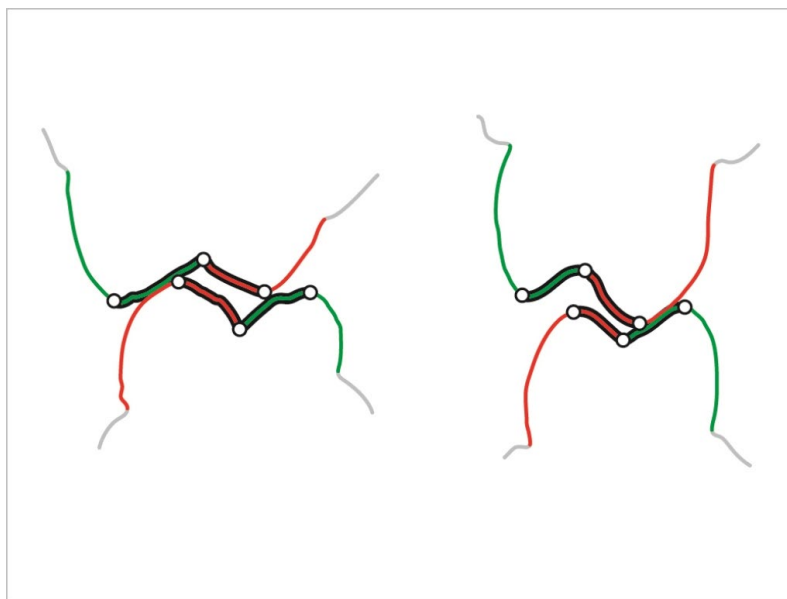

Рис. 1. Безусловные структуры (а) и разграничители (б) на контурах премоляров и моляров.

Мы считаем, что безусловные структуры, как и безусловные разграничители, должны присутствовать на препарированной окклюзионной поверхности, что и будет являться отражением формы премоляров и моляров.

Наличие безусловных структур означает, что они обладают пропорциями, характерными как для отдельных зубов, так и для разных их групп, например: премоляров и моляров, верхних и нижних и т.д. Безусловные разграничители позволяют их установить и учесть при разработке рекомендаций по одонтопрепарированию. Для проведения измерений мы обратились к известным примерам одонтометрических исследований. Необходимо отметить, что подавляющее большинство известных методик проведения измерений на реальных объектах (зубах или их моделях) (Дмитриенко и др. 1998; Зубов 1968; Клюев 1972) нацелены на определение максимальных размеров зубов, их коронковых частей. Замеры предлагается проводить в определенном участке по ориентирам, устанавливаемым скорее экспертно, чем оперделяемым достоверно, что, по-видимому, связано со сложной геометрией коронковой части зуба. Изучаемое же препарирование зубов не проводится в каком-либо ограниченном участке: вовлеченной оказывается вся протяженность коронковой части зуба. Другие из известных примеров проведения измерений на сечениях зубов (Маркскорс 2007; Швард 1994; Khera et al. 1990), также не в полной мере соответствуют нашим исследовательским задачам. Учитывая изложенные обстоятельства, возникла необходимость разработки методики измерений, обладающей как универсальными каче-

ствами, так и адаптированной к проводимому исследованию. В основу данной методики легло послойное изучение вестибуло-оральных сечений коронковых частей зубов, т.к. именно данное направление сечений позволяет отобразить на получаемых контурах как безусловные структуры, так и безусловные разграничители.

Наиболее подходящими объектами для проведения исследования стали компьютерные трехмерные изображения изучаемых зубов, что соответствует известным примерам аналогичных исследований (Юмашев 1998; Zuccotti et al. 1998) и современному уровню развития технологий.

Реализация поиска метода измерений, подходящего для изучения одонтопрепарирования, преследование соображений точности, объективности и должной детальности исследования привели к разработке метода получения серии параллельных друг другу сечений коронковых частей зубов, проведенных в вестибуло-оральном направлении, с равными интервалами во всем мезио-дистальном протяжении анатомической окклюзионной поверхности зубов. Данный метод мы предлагаем называть одонтометрическим. Полученные при помощи сечений контуры зубов, а также их однотипность, позволили реализовать на них алгоритмы геометрических построений и связанных с ними одонтометрических исследований, в основе которых лежит использование безусловных разграничителей в качестве ориентиров для измерений. Сечения, полученные на зубах в сомнутом положении зубных рядов, позволили реализовать разработанные методы измерений, характеризующих смыкание зубов. Данные методы получили название окклюзиометрических. Результаты измерений и визуального изучения контуров легли в основу разработки рекомендаций по одонтопрепарированию. Необходимо отметить, что проведение измерений на компьютерных трехмерных изображениях зубов и зубных рядов в последние годы получило широкое распространение как в антропологии (Paredes et al. 2015; Townsend et al. 2012), так и в стоматологии (Naidu, Freer 2013; Zilberman et al. 2003). Используются различные средства получения трехмерных изображений, снабженные программным обеспечением, позволяющим получать и обрабатывать данные изображения в рамках сфер применения оборудования. Специфичность выполняемого нами исследования потребовала не только получения трехмерных изображений, но и разработки программного обеспечения, что было выполнено совместно с Государственным НИИ Авиационных систем.

Характерной особенностью разных одонтометрических исследований является их высокая трудоемкость. Это подтверждается как наблюдениями коллег (Townsend et al. 2012), так и проведенным нами изучением. Данное обстоятельство послужило толчком для дальнейшего совершенствования разработанных одонтометрических методик в направлении автоматизации проведения измерений, что не только способствует ускорению проведения измерений, но и повышает объективность измерений, лишая необходимости определения положения одонтометрических ориентиров «вручную» (Knyaz, Gaboutchian 2016).

Материалы и методы

Для измерений зубов были использованы компьютерные трехмерные изображения верхних и нижних премоляров и моляров четырех добровольцев с интактными зубами и зубными рядами, без выраженных аномалий форм и положений зубов. Изучены модели двух мужчин (31-о и 38 лет) и двух женщин (30 и 62 лет).

Первое исследование, связанное с оценкой рельефа их анатомической окклюзионной поверхности зубов, было проведено на 70-и зубах. Выявленные сходства в выраженности рельефа у исследуемых 30–38 лет и существенное различие в данном показателе с исследуемым 62 лет привели к тому, что дальнейшие исследования и обобщения производились в двух отдельных группах: второй, в отличие от первой, свойственна выраженная стертость.

Дальнейшие одонтометрические исследования, включая измерения вестибулооральных размеров бугорков и их внутренних и наружных скатов проведены на 62-х зубах. Измерения углов наклона внутренних скатов проводилось на 4-х зубах. В рамках окклюзиометрических исследований изучено 69 зубов на предмет проникновения в анатомическую поверхность зуба бугорка противоположного зуба и отклонения бугорка зуба-антагониста относительно центральной борозды зуба.

Изученные трехмерные изображения послужили для получения сечений, отображающих двумерные контуры зубов. Именно на них проводились геометрические построения и измерения. Одонтометрия проведена на 1240 контурах, окклюзиометрия – на 1380 контурах; в общей сложности изучено 1400 разных контуров верхних и нижних премоляров и моляров. На совмещенных контурах, помимо измерительных, применены визуальные (одонтоскопические) методы исследования.

Таким образом, одонтометрический, окклюзиометрический и одонтоскопический методы объединяет общий метод проведения одонтопии, позволяющий подробно изучать неоднородный рельеф окклюзионной поверхности зуба.

Для получения компьютерных трехмерных моделей зубов были изготовлены гипсовые модели (в том числе разборные), сопоставлены в окклюзионном положении и зафиксированы в артикуляторе. На моделях были препарированы зубы и смоделированы искусственные коронки. Перечисленные работы проводились с применением материалов, методов и технологий, принятых в практике ортопедической стоматологии.

Получение трехмерных изображений проводилось с помощью фотограмметрической системы, включающей: проектор SXGA Canon XEED SX80, две видеокамеры высокого разрешения Basler a641f, программно-управляемое устройство позиционирования и компьютер с оригинальным программным обеспечением. Применялось программное обеспечение, реализующее функции захвата и обработки изображений, расчета трехмерных координат поверхности, построения 3D модели поверхности зубного ряда, а также интерфейсы управления камерами, проектором и устройством позиционирования. Процесс сканирования и получения единой 3D модели зубного ряда выполнялся в автоматическом режиме. Оригинальная процедура калибровки системы обеспечила точность измерений не хуже 0,03 мм и плотность измерений точек поверхности не менее 100 точек/мм².

По завершении фотограмметрического этапа компьютерные трехмерные изображения содержали в себе установленные в положении центральной окклюзии модели зубных рядов, совмещенные с моделями препарированных зубов и смоделированных коронок; все части позиционированы в соответствии с положением гипсовых моделей в артикуляторе.

Для проведения одонтопии маркерные точки расставлялись на краевых гребнях зуба, выбиралось количество сечений (в нашем исследовании – 20 сечений для каждого зуба), и программа автоматически выполняла построение контуров сечений

с равными интервалами в плоскостях, перпендикулярных отрезку, соединяющему маркерные точки (рис. 2). При помощи данного метода были получены контуры зубов, зубов-антагонистов и совмещенные контуры зубов, препарированных зубов и смоделированных коронок. Первые два типа контуров были использованы для измерений, а совмещенные контуры – для одонтоскопического исследования.

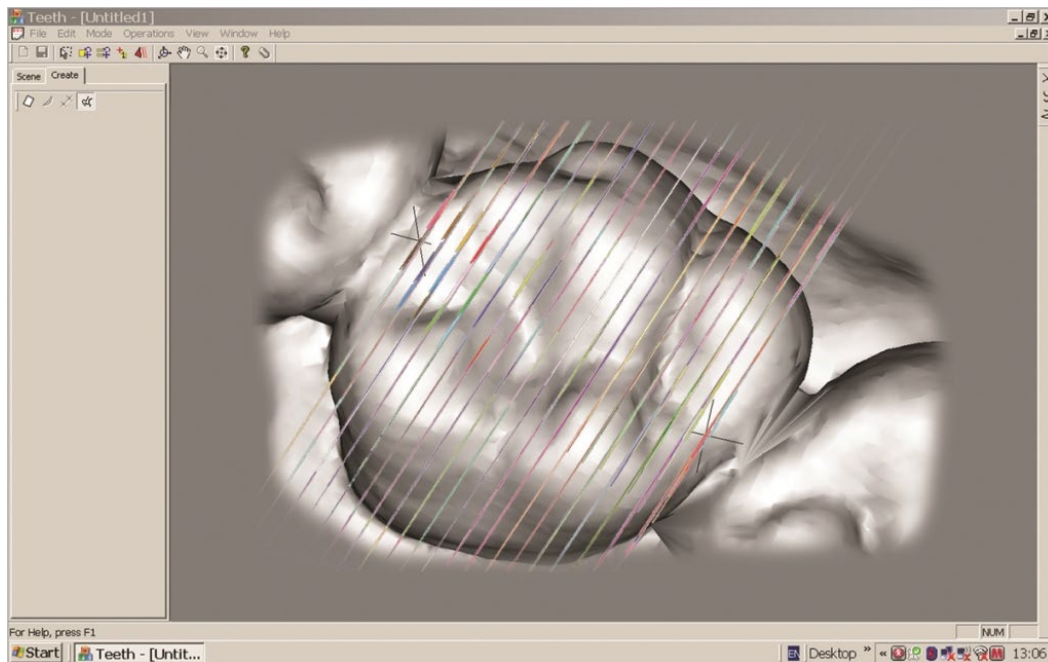

Рис. 2. Контуры 20-ти сечений в трехмерном формате.

Проведение одонтометрии сопряжено с геометрическими построениями, позволяющими локализовать исходные одонтометрические ориентиры, представленные безусловными разграничителями. Их положение определяется первым замером между двумя параллельными прямыми, одна из которых (а) соединяет проекции вершин или мезиальных/дистальных гребней вестибулярных и оральных бугорков (точки А и А'), а другая – b проходит через проекцию мезио-дистальной борозды (точка В) (рис. 3а).

Расстояние между прямыми а и b, показатель h, характеризует глубину анатомической окклюзионной поверхности на сечении. Второй замер между прямыми с и d, перпендикулярными прямым а и b, по точкам А и А' позволил определить вестибулооральный размер анатомической окклюзионной поверхности (показатель l) (рис. 3б). Показатель выраженности рельефа окклюзионной поверхности на контуре зуба (g) может быть выражен формулой: $g = h / l$. Аналогичный показатель для всего зуба (G) является средним арифметическим результатов, полученных на каждом из 20-и изученных контуров зуба, т.е. $G = \Sigma(g_1, g_2, g_3... g_{20}) / 20$.

Для измерения вестибулооральных размеров бугорков и их внутренних и наружных скатов выполнялись построения, во многом схожие с описанными выше, поэтому мы ограничимся в рамках данной статьи их схематическим изображением (рис. 4).

Проводимые геометрические построения позволяют расширять спектр изучаемых параметров, например для измерения углов наклона внутренних скатов бугорков (углы α и β) (рис. 5 а и б).

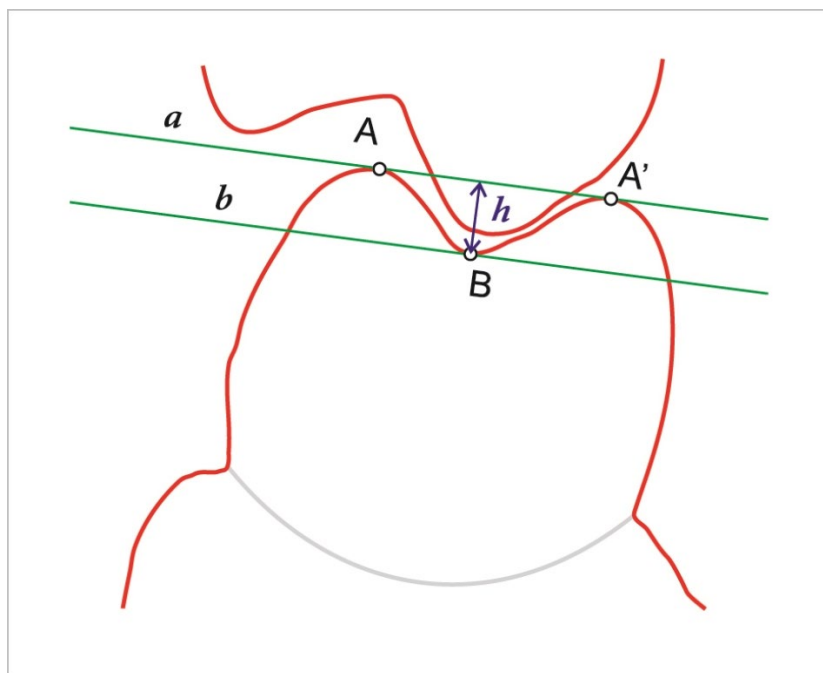

Рис. 3а. Локализация безусловных разграничителей и измерение показателей h (а) и l (б) на контуре зуба.

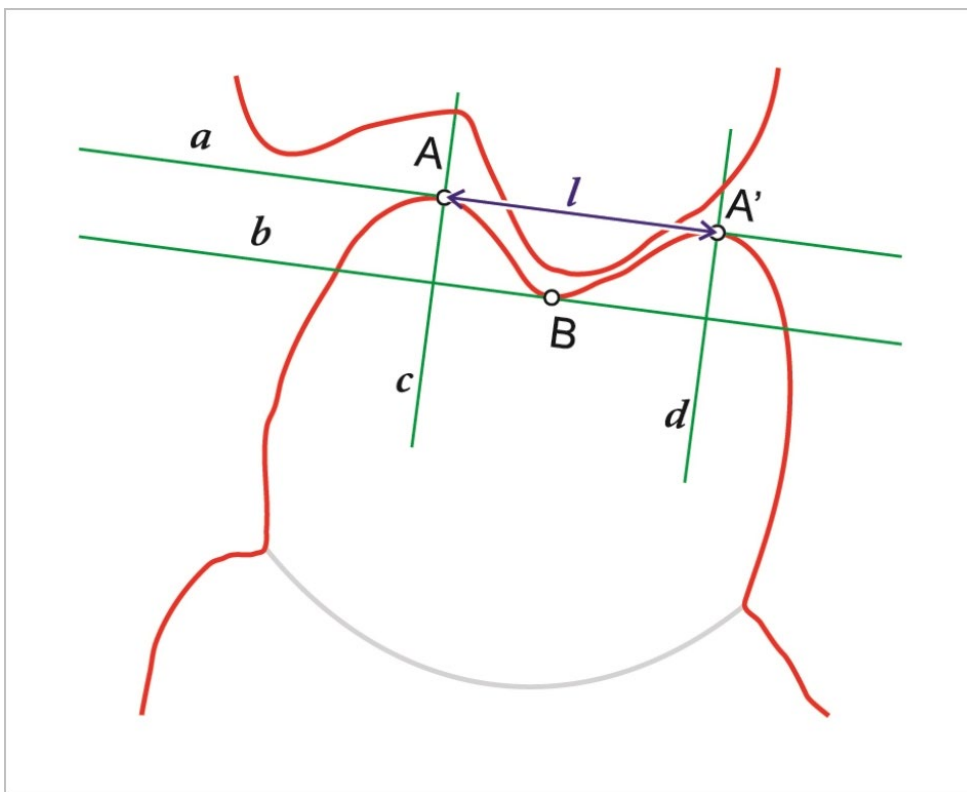

Рис. 3б. Локализация безусловных разграничителей и измерение показателей h (а) и l (б) на контуре зуба.

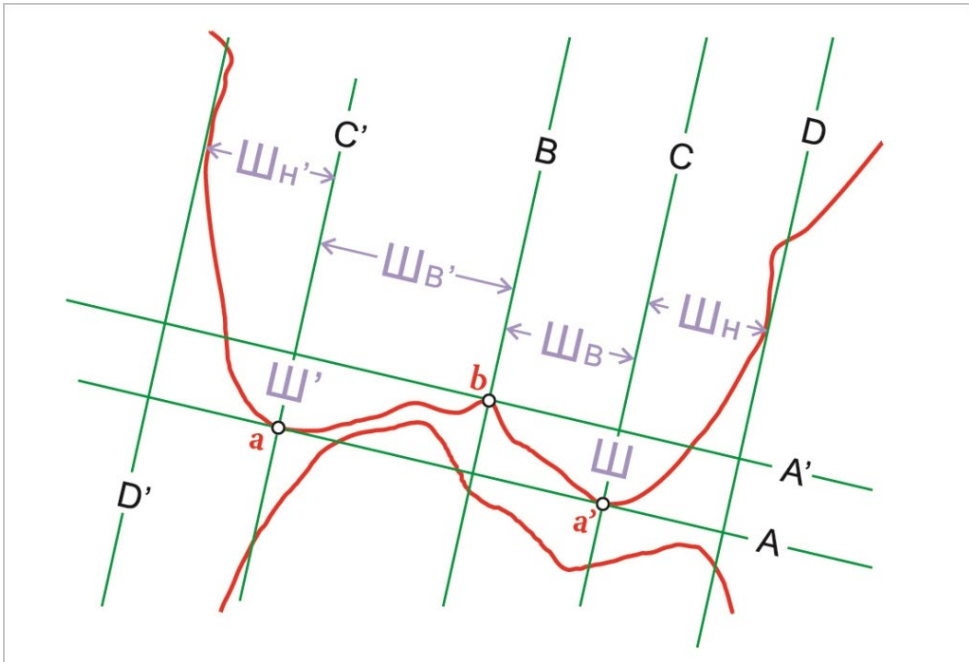

Рис. 4. Одонтометрические измерения на контуре зуба.

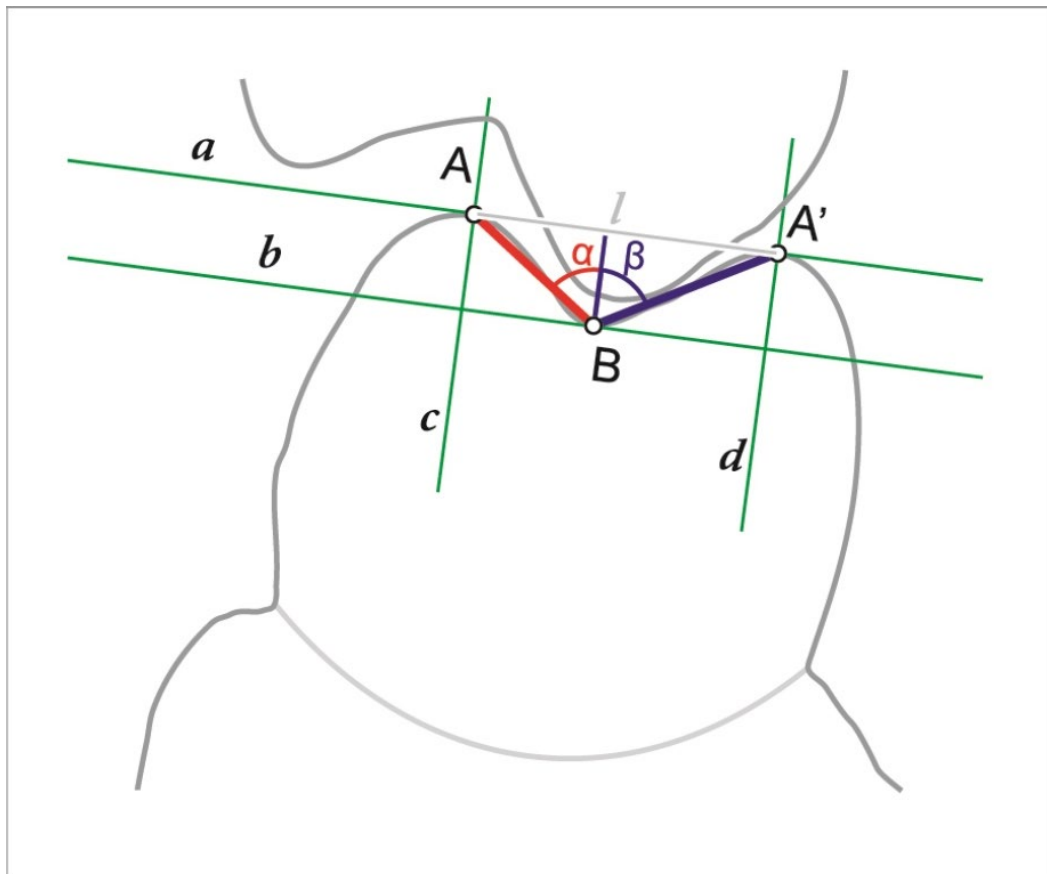

Рис. 5а. Измерение углов наклона внутренних скатов на контурах зуба.

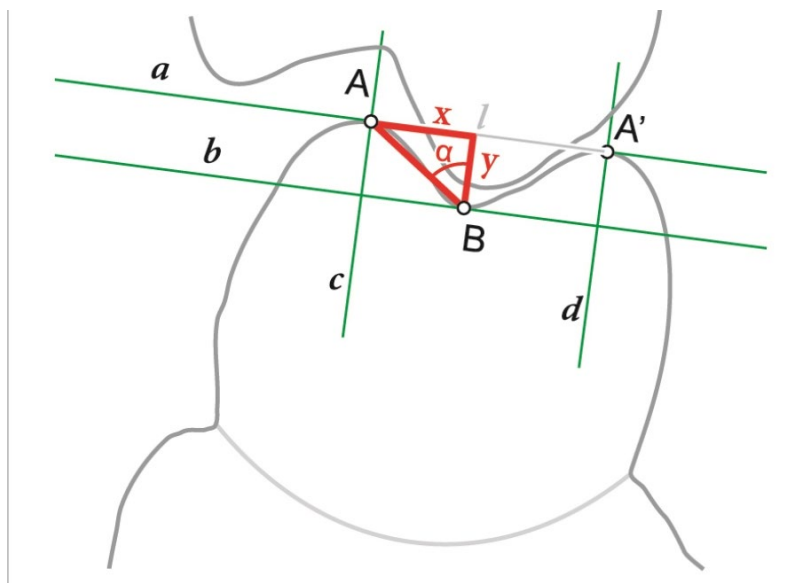

Рис. 5б. Измерение углов наклона внутренних скатов на контурах зуба.

Угол α располагается в вершине прямоугольного треугольника, образованного катетами x и y ; а угол β располагается в вершине прямоугольного треугольника, образованного катетами x_1 и y_1 . Катеты y и y_1 соответствуют показателю h ; катет x – показателю Шв, а катет x_1 – показателю Шв'. Вычисляя тангенсы углов: $\text{tg } \alpha = x / y$; $\text{tg } \beta = x_1 / y_1$, получаем значения углов наклона каждого из бугорков. Сумма углов наклона скатов каждого из бугорков составляет угол схождения внутренних скатов зуба (γ): $\alpha + \beta = \gamma$ (рис. 5в).

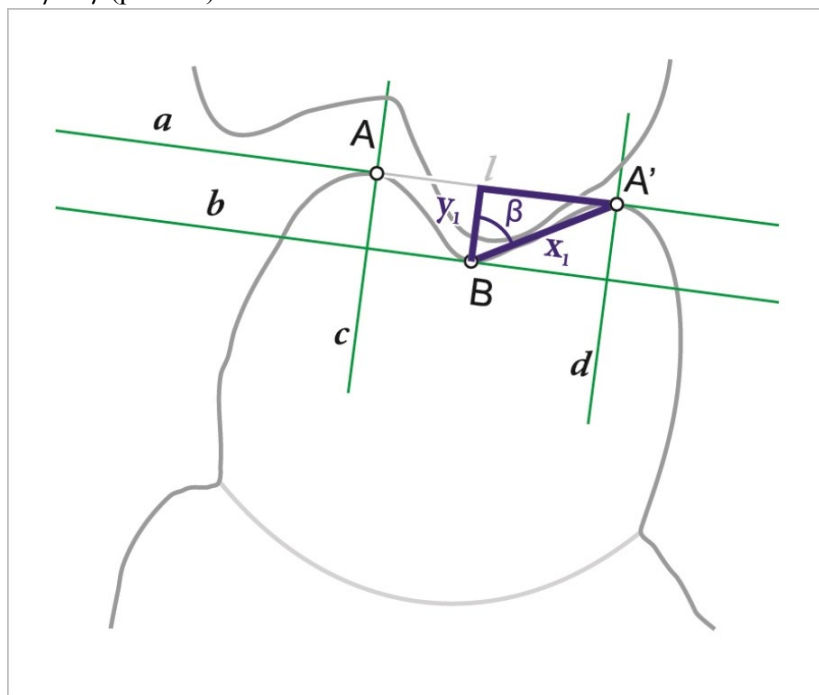

Рис. 5в. Измерение углов наклона внутренних скатов на контурах зуба.

В рамках окклюзиометрических исследований были измерены: величина проникновения бугорка зуба-антагониста в анатомическую окклюзионную поверхность зуба (рис. 6а) и величина вестибулярного или орального отклонения бугорка зуба-антагониста от центральной борозды зуба (рис. 6б).

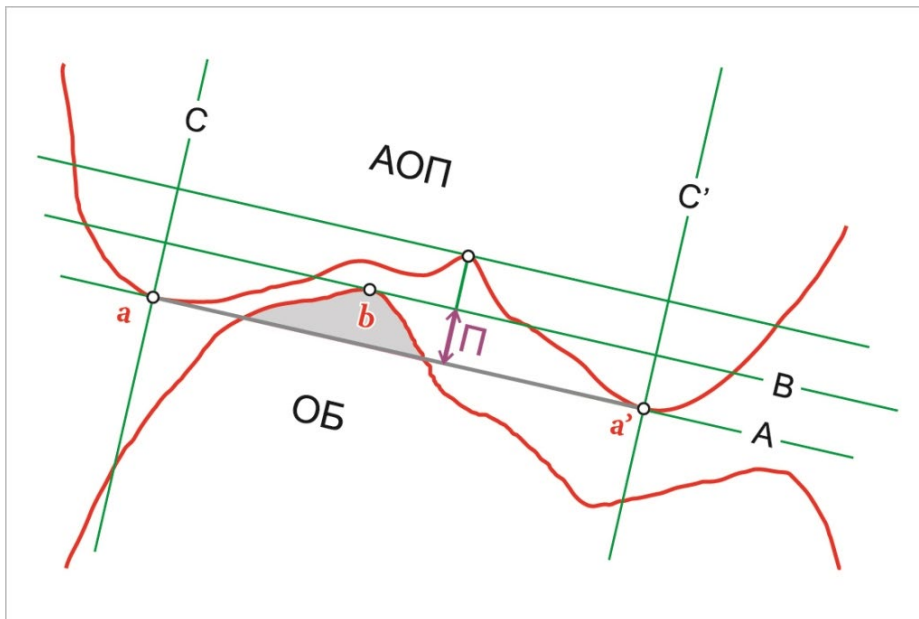

Рис. 6а. Окклюзиометрические построения на контурах зубов-антагонистов.

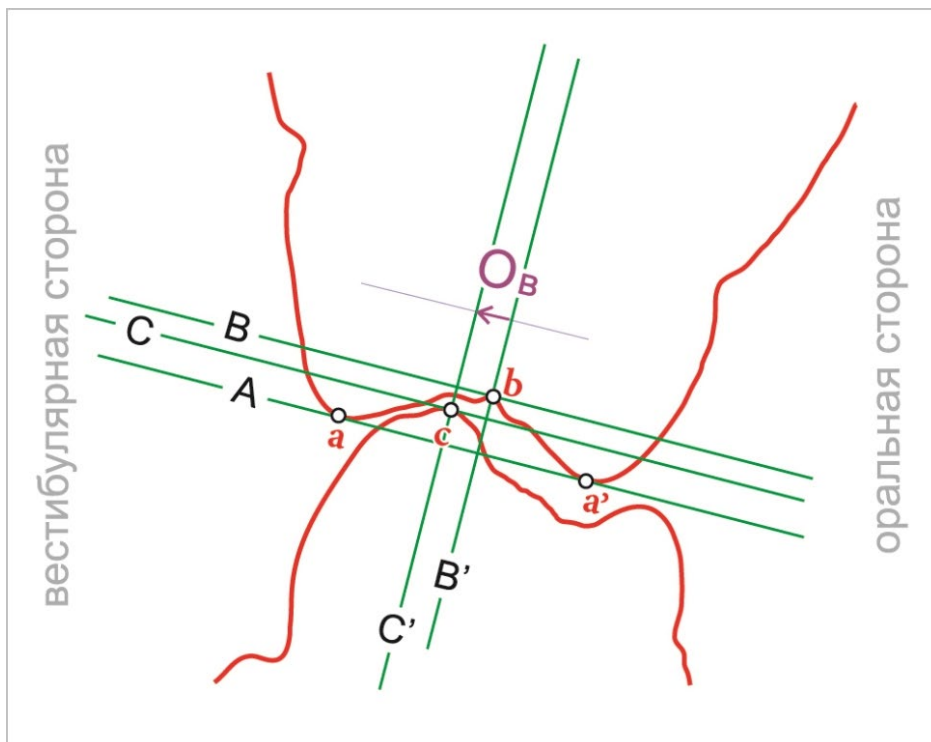

Рис. 6б. Окклюзиометрические построения на контурах зубов-антагонистов

Результаты измерений обрабатывались для вычисления параметров, характеризующих не только контуры, но и исследуемые зубы в целом. В рамках одонтометрических исследований были установлены: выраженность рельефа окклюзионной поверхности, вестибулооральный размер зуба, вестибулооральный размер бугорков и их процентные и долевые соотношения, вестибулооральный размер наружных и внутренних скатов бугорков и их процентные и долевые соотношения, углы наклона внутренних скатов бугорков, угол схождения внутренних скатов бугорков. В ходе окклюзиометрических исследований определены: проникновение бугорка, вестибулярное или оральное отклонение бугорка, непосредственное проецирование бугорка, количество сечений, на которых зарегистрированы те или иные показатели и соответствующие коэффициенты, характеризующие соотношения зубов. Применены методы статистической обработки результатов измерений (Кучеренко 2004), которые проводились для определения достоверности полученных результатов в группах зубов по сравнению со всей совокупностью изученных зубов.

Помимо измерительных методов в изучении одонтопрепарирования были использованы методы визуального исследования совмещенных контуров зубов, препарированных зубов и искусственных коронок (рис. 7).

Автоматизация проводимых измерений осуществлялась с использованием программных методов, используемых при обработке трехмерных изображений.

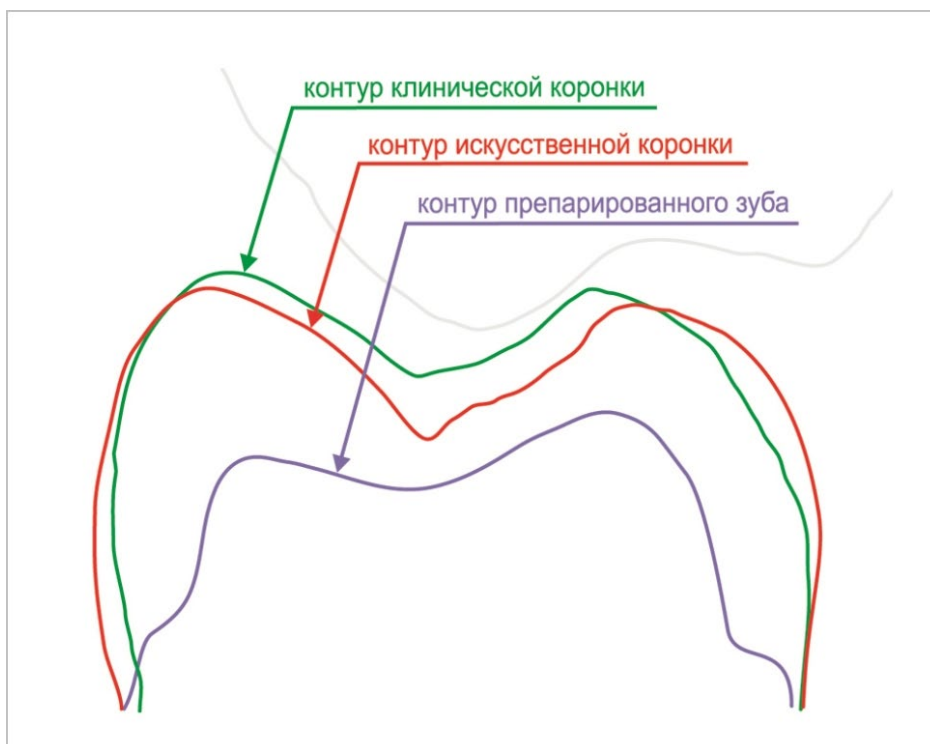

Рис. 7. Контуры совмещенных изображений.

Результаты и их обсуждение

В результате применения разработанных методик получены четыре комплексные компьютерные трехмерные модели, каждая из которых содержит 36 совме-

ценных изображений зубных рядов, ориентационных точек, смоделированных коронок и препарированных зубов. Все части данных моделей ориентированы в трехмерной системе координат (рис. 8).

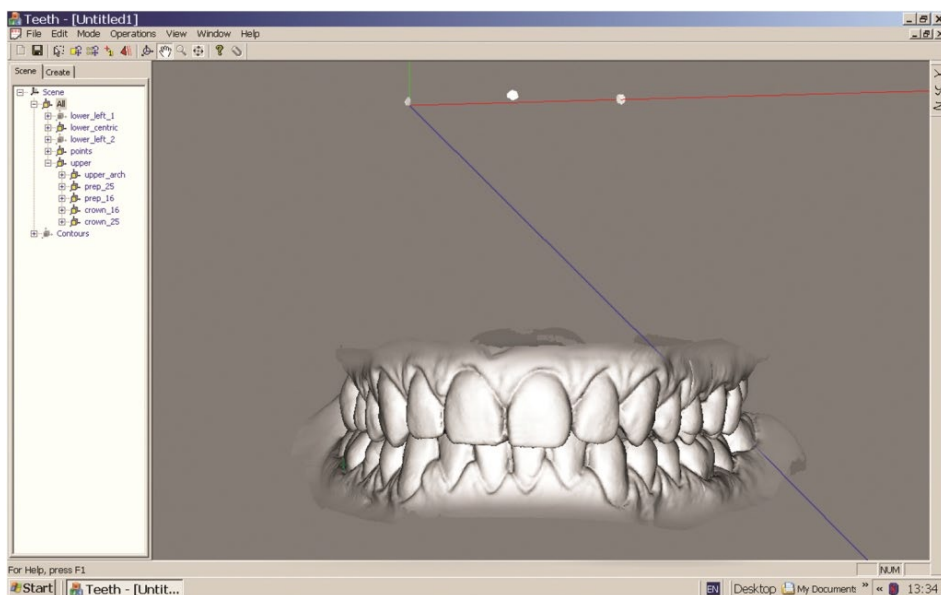

Рис. 8. Комплексная компьютерная трёхмерная модель.

При помощи сечений компьютерных трехмерных моделей получено и изучено 4260 контуров зубов и зубов-антагонистов и совмещенных контуров интактных зубов, препарированных зубов и смоделированных коронок. В результате одонтометрических и окклюзиометрических исследований проведено около 13,5 тысяч геометрических построений и создана база данных, содержащая около 15 тысяч показателей, характеризующих окклюзионную поверхность изученных зубов и зубов-антагонистов. Полностью результаты одонтометрических и окклюзиометрических измерений представлены в более чем 400 таблицах; некоторые из них приведены в таблице 1. Результаты измерений представлены по группам зубов: верхним и нижним премолярам и молярам с и без выраженной стертости.

Таблица 1

Одонтометрические показатели

ОДОНТОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ		min	max
Выраженность рельефа окклюзионной поверхности	G	3,09	12,062
Вестибулооральный размер бугорков	Ш+Ш'	6,191 мм	10,903 мм
Вестибулооральный размер внутренних скатов	Шв+Шв'	2,990 мм	6,970 мм
Вестибулооральный размер наружных скатов	Шн+Шн'	2,389 мм	5,798 мм

Некоторые максимальные значения окклюзиометрических показателей представлены в таблице 2. Минимальные окклюзиометрические показатели являются нулевыми.

Таблица 2

Окклюзиометрические показатели

ОККЛЮЗИОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ	max, мм
Проникновение бугра в окклюзионную поверхность	1,164
Вестибулярное отклонение бугорка относительно центральной борозды	1,560
Оральное отклонение бугорка относительно центральной борозды	2,772

Одонтоскопическое исследование выявило характерные участки недостаточного препарирования в области щечных борозд верхних и нижних моляров.

Клинические результаты исследования заключались в препарировании зубов и изготовлении искусственных коронок и мостовидных протезов с опорой на коронки.

Результаты вычисления ошибки репрезентативности (средняя ошибка средней арифметической величины) (m) в группах зубов и на всей совокупности исследованных зубов представлены в приложении. Показатель m на всей совокупности зубов составляет 0,168. Наибольший показатель в группах зубов принадлежит нижним премолярам и составляет 0,133; в остальных группах показатели находятся в пределах 0,071–0,096.

Разработанная методика изучения окклюзионной поверхности зубов включает получение и ориентацию компьютерных трехмерных моделей, проведение одонтопии и измерений. Ориентация компьютерных трехмерных моделей имеет значение не только для изучения соотношений окклюзионных поверхностей зубов-антагонистов, но и для достоверной ориентации контуров зубов, зубов-антагонистов, препарированных зубов и смоделированных искусственных коронок на сечениях, предназначенных для измерений или визуального изучения. Вестибулооральные сечения пересекают окклюзионную поверхность изученных зубов на всем ее протяжении, а не в отдельной ее части. Это позволяет повысить объективность исследования, что имеет существенное значение при изучении одонтопрепарирования. Проведение измерений с высокой точностью обеспечивает адаптированное под наши исследовательские задачи программное обеспечение. Все проведенные нами измерения опираются на универсальные и легко определяемые одонтометрические ориентиры окклюзионной поверхности. Это позволяет применить результаты измерений в ходе одонтопрепарирования в соответствующих группах зубов, которые формировались в соответствии со строением зубов и их положением в зубных рядах, а также в соответствии с результатами исследований.

Результаты измерений позволили вычислить показатели, характеризующие окклюзионные поверхности, и определить наиболее характерные особенности соотношений скатов и бугорков на окклюзионной поверхности зубов в каждой из изученных групп и применить полученные данные в ходе одонтопрепарирования посредством расположения исходных ориентиров на препарированных зубах. Окклюзиометрические исследования позволили определить наиболее характерные особенности расположения одонтометрических ориентиров на зубах-антагонистах в изученных группах зубов, которые следует учитывать при одонтопрепарировании.

Полученные показатели выявили ряд особенностей изученных окклюзионных поверхностей. Индивидуальные различия носят выраженный характер для каждого изу-

ченного добровольца. Групповые особенности характерны для верхних и нижних моляров, верхних премоляров и нижних первых и вторых премоляров, а также для зубов с выраженной стертой и без нее. Возрастные особенности проявляют себя только лишь при выраженной разнице в возрасте исследуемых. Различия в показателях зубов, расположенных справа и слева, не позволили выявить общих закономерностей.

В ходе статистической обработки результатов измерений вычислено среднеквадратическое отклонение, средняя ошибка средней арифметической величины, критерий достоверности (t – критерий Стьюдента). Примененные методы статистической обработки результатов исследования подтвердили целесообразность разделения первоначально единой группы нижних премоляров на две самостоятельные группы первых и вторых нижних премоляров.

Получаемые 3D модели зубных рядов, имеющие высокое разрешение и точность, создают значительный потенциал для анализа формы поверхности зубов на основе интеллектуальных методов обработки трехмерных компьютерных моделей объектов сложной формы. Исследования в области анализа формы зубов предполагается продолжать в направлении автоматического проведения измерений и распознавания характерных особенностей. Начальная автоматизация поиска одонтометрических ориентиров позволила ускорить проведение измерений в несколько десятков раз.

Заключение

В ходе проведенного исследования разработана методика изучения компьютерных трехмерных моделей зубов, в том числе одонтометрическая, позволившая получить контуры зубов, зубов-антагонистов и совмещенные контуры зубов, препарированных зубов и смоделированных коронок. На контурах зубов проведены одонтометрические и окклюзиометрические исследования, связанные с использованием стандартных одонтометрических ориентиров, которые позволили определить характерные черты строения и соотношений моляров и премоляров. Одонтоскопические исследования позволили выявить области недостаточного препарирования на вестибулярных поверхностях моляров.

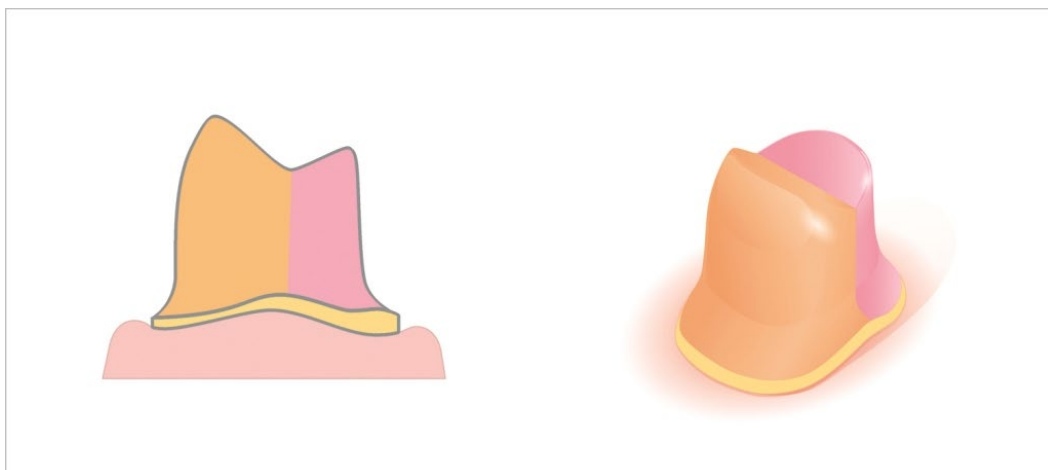

Рис. 9а. Рекомендованная форма препарирования и соотношения структур для нижнего второго премоляра.

На основе анализа полученных результатов разработаны рекомендации по препарированию окклюзионной поверхности 10-и групп зубов. Рекомендации представлены в виде описания, а также в графическом виде (рис. 9).

Проведенные исследования обеспечили получение точных, подробных и объективных данных об окклюзионных поверхностях зубов. Дальнейшие работы предполагается продолжить в направлении автоматического анализа формы зубов с целью сокращения временных затрат и повышения объективности измерений.

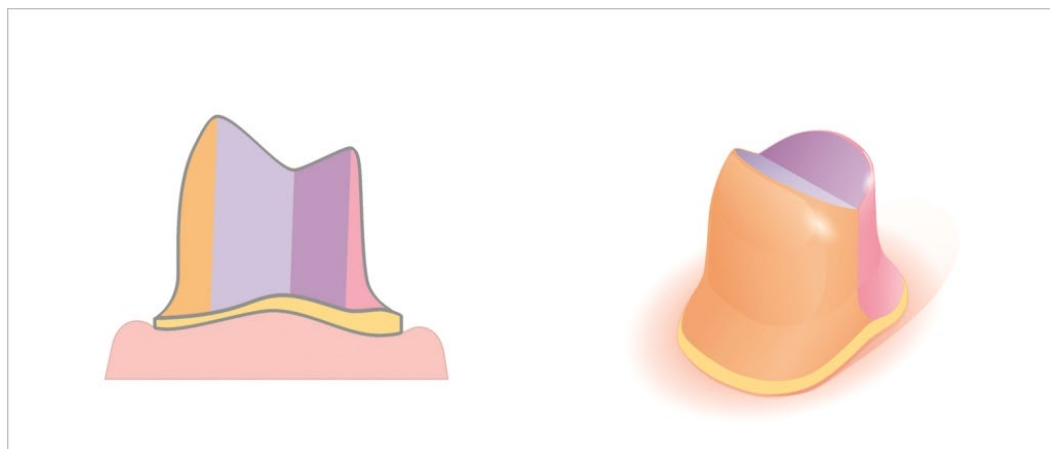

Рис. 9б. Рекомендованная форма препарирования и соотношения структур для нижнего второго премоляра.

Литература

- Дмитриенко и др. 1998 – Дмитриенко С.В., Иванов Л.П., Краюшкин А.И. Руководство по моделированию зубов. Волгоград: ВолГМА, 1998.
- Зубов 1968 – Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
- Каламкаргов 1996 – Каламкаргов Х.А. Ортопедическое лечение с применением металлокерамических протезов. М: Медиа Сфера, 1996.
- Клюев 1972 – Клюев Б.С. Зоны безопасности коронок боковых зубов человека и их клиническое значение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Калинин: Калининский ГМИ, 1972.
- Курляндский 1962 – Курляндский В.Ю. Учебник ортопедической стоматологии. М.: Медгиз, 1962.
- Кучеренко 2004 – Кучеренко В.З. Применение методов статистического анализа для изучения общественного здоровья и здравоохранения. М.: ГЭОТАР–Медиа, 2004.
- Лебедево и др. 2007 – Лебедево И.Ю., Еричев В.В., Марков Б.П. Руководство к практическим занятиям по ортопедической стоматологии. Для студентов III курса. М.: Практич. медицина, 2007.
- Маркскорс 2007 – Маркскорс Р. Несъемные стоматологические реставрации. М.: Newdent, 2007.
- Шварц 1994 – Шварц А.Д. Биомеханика и окклюзия зубов. М.: Медицина, 1994.
- Юмашев 1998 – Юмашев А.В. Использование анализа рельефа зубных рядов и их фрагментов при планировании и проведении ортопедического лечения несъемными конструкциями зубных протезов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. М.: ЦНИИС, 1998.

- Khera et al.* 1990 – *Khera S.C., Carpenter C.W., Staley R.N.* Anatomy of cusps of posterior teeth and their fracture potential // *J Prosth Dent*, 1990. Vol. 64. No. 2. Pp. 139–147.
- Knyaz, Gaboutchian* 2016 – *Knyaz V.A., Gaboutchian A.V.* Photogrammetry-based Automated Measurements for Tooth Shape and Occlusion Analysis // *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 2016, Vol. XLI-B5. URL: doi:10.5194/sprsarchives-XLI-B5-849-2016.
- Naidu, Freer* 2013 – *Naidu D., Freer T.J.* The evidence supporting methods of tooth width measurement: Part I. Vernier calipers to stereophotogrammetry // *Aust Orthod J*, 2013. Vol. 29. No. 2. Pp. 159–63.
- Paredes et al.* 2015 – *Paredes V., Tarazona B., Zamora N., Hernande, Y., San José V.* A Comparative Study of Reproducibility, Reliability and Accuracy in Measuring Mesiodistal Tooth Size Using Four Different Methods — 2D Digital, 3D CBCT, 3D Segmented and 3D Intraoral Scanner Method // *Issues in Contemporary Orthodontics*, 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.5772/59366>.
- Rothwell* 2001 – *Rothwell B.R.* Principles of Dental Identification // *Dent Clin North Am*, 2001, Vol. 45. No. 2. Pp. 253–70.
- Shillingburg et al.* 1991 – *Shillingburg H.T., Jacobi R., Brackett S.E.* Fundamentals of Tooth Preparations for Cast Metal and Porcelain Restorations. Chicago: Quintessence Books, 1991.
- Smith* 1998 – *Smith B.G.N.* Planning and Making Crowns and Bridges. Bremen: Martin Dunits Ltd., 1998.
- Townsend et al.* 2012 – *Townsend G., Kanazawa E., Tokuyama H.* New Directions in Dental Anthropology: paradigms, methodologies and outcomes. University of Adelaide Press, 2012.
- Wilson, Lang* 1962 – *Wilson W.H., Lang R.L.* Practical crown and bridge prosthodontics. NY: McGraw-Hill Books Co. Inc., 1962.
- Zilberman et al.* 2003 – *Zilberman O., Huggare J., Parikakis K.* Evaluation of the Validity of Tooth Size and Arch Width Measurements Using Conventional and Three-dimensional Virtual Orthodontic Models // *Angle Orthod*, 2003. No. 73. Pp. 301–306.
- Zuccotti et al.* 1998 – *Zuccotti L.F., Williamson M.D., Limp W.F., Ungar P.S.* Modeling primate occlusal topography using Geographic Information Systems Technology // *American Journal of Physical Anthropology*, 1998. No. 107. Pp. 137–142.

References

- Dmitrienko S.V., Ivanov L.P., Kraiushkin A.I.* Rukovodstvo po modelirovaniu zubov. Volgograd: VolGMA, 1998.
- Iumashev A.V.* Ispol'zovanie analiza rel'efa zubnykh riadov i ikh fragmentov pri planirovanii i provedenii ortopedicheskogo lecheniia nes'emnymi konstruktsiiami zubnykh protezov. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata meditsinskikh nauk. Moscow: TsNIIS, 1998.
- Kalamkarov Kh.A.* Ortopedicheskoe lechenie s primeneniem metallokeramicheskikh protezov. Moscow: Media Sfera, 1996.
- Khera S.C., Carpenter C.W., Staley R.N.* Anatomy of cusps of posterior teeth and their fracture potential. *J Prosth Dent*, 1990. Vol. 64. No. 2. Pp. 139–147.
- Kliuev B.S.* Zony bezopasnosti koronok bokovykh zubov cheloveka i ikh klinicheskoe znachenie. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata meditsinskikh nauk. Kalinin: Kalininskii GMI, 1972.
- Knyaz V.A., Gaboutchian A.V.* Photogrammetry-based Automated Measurements for Tooth Shape and Occlusion Analysis // *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 2016, Vol. XLI-B5. URL: doi:10.5194/sprsarchives-XLI-B5-849-2016.
- Kucherenko V.Z.* Primenenie metodov statisticheskogo analiza dlia izucheniia obshchestvennogo zdorov'ia i zdravookhraneniia. Moscow: GEOTAR-Media, 2004.
- Kurliandskii V.Iu.* Uchebnik ortopedicheskoi stomatologii. Moscow: Medgiz, 1962.

- Lebedenko I.Iu., Eriчев V.V., Markov B.P.* Rukovodstvo k prakticheskim zaniatiim po ortopedicheskoj stomatologii. Dlia studentov III kursa. Moscow: Praktich. meditsina, 2007.
- Marxkors R.* Nes'emnye stomatologicheskie restavratsii. Moscow: Newdent, 2007.
- Naidu D., Freer T.J.* The evidence supporting methods of tooth width measurement: Part I. Vernier calipers to stereophotogrammetry. *Aust Orthod J*, 2013. No. 29. Pp. 159–63.
- Paredes V., Tarazona B., Zamora N., Hernande, Y., San José V.* A Comparative Study of Reproducibility, Reliability and Accuracy in Measuring Mesiodistal Tooth Size Using Four Different Methods — 2D Digital, 3D CBCT, 3D Segmented and 3D Intraoral Scanner Method. *Issues in Contemporary Orthodontics*, 2015 URL: <http://dx.doi.org/10.5772/59366>.
- Rothwell B.R.* Principles of Dental Identification. *Dent Clin North Am*, 2001. Vol. 45. No. 2. Pp. 253–70.
- Shillingburg H.T., Jacobi R., Brackett S.E.* Fundamentals of Tooth Preparations for Cast Metal and Porcelain Restorations. Chicago: Quintessence Books, 1991.
- Shvarts A.D.* Biomekhanika i okkluziia zubov. Moscow: Meditsina, 1994.
- Smith B.G.N.* Planning and Making Crowns and Bridges. Bremen: Martin Dunits Ltd., 1998.
- Townsend G., Kanazawa E., Tokuyama H.* New Directions in Dental Anthropology: paradigms, methodologies and outcomes. University of Adelaide Press, 2012.
- Wilson W.H., Lang R.L.* Practical crown and bridge prosthodontics. New York: McGraw-Hill Books Co. Inc., 1962.
- Zilberman O., Huggare J., Parikakis K.* Evaluation of the Validity of Tooth Size and Arch Width Measurements Using Conventional and Three-dimensional Virtual Orthodontic Models // *Angle Orthod*, 2003. No. 73. Pp. 301–306.
- Zubov A.A.* Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1968.
- Zuccotti L.F., Williamson M.D., Limp W.F., Ungar P.S.* Modeling primate occlusal topography using Geographic Information Systems Technology. *American Journal of Physical Anthropology*, 1998. No. 107. Pp. 137–142.

A.V. Gaboutchian, V.A. Knyaz, G.V. Bolshakov . Odontometrics and acclimations research on computer three-dimensional images of the premolars and molars.

Odontometry has various scientific and practical applications, including such areas as anthropology and dentistry. In recent times digitalized 3D images of teeth and dental arches became more widely used in odontometrics, along with 'traditional' techniques. This article presents an example of a study dealing with coronal parts of premolars and molars. Original 3D image generation techniques were used in this research. All measurements were based on tooth sectioning approach (odontotomy) and standard odontometric landmarks. Measurements results were used for detecting specific features in the structure and interrelationship of the above-mentioned teeth for the development of recommendations for tooth occlusal surface preparation applied in prosthetic dentistry.

Key words: *odontometry, occlusiometry, 3D images, odontotomy, odontopreparation, photogrammetry.*

© *О.В. Калмин, О.А. Калмина, Д.С. Иконников*

ОСОБЕННОСТИ ПОСТКРАНИАЛЬНОГО СКЕЛЕТА ЖИТЕЛЕЙ ПЕНЗЫ XVII–XVIII ВВ.

В статье рассматриваются метрические параметры костей посткраниального скелета населения Пензы XVII–XVIII вв. Антропологические материалы, служившие предметом исследования, были разрознены. Это связано с тем, что они были перезахоронены в XIX веке. В связи с этим, исследователями была разработана методика работы с разрозненными антропологическими материалами. В частности, был предложен способ вычисления уточненной средней величины того или иного метрического параметра костей, принадлежавших мужчинам и женщинам. На основе изучения антропологических материалов с территории Пензы, было определено, какие именно измерения наиболее пригодны для половой диагностики по костям посткраниального скелета населения данного региона. Кроме того, был определен средний рост, характерный для населения Пензы XVII–XVIII вв. Для мужчин эта величина составила 164,5 см, для женщин – 154,4 см.

Ключевые слова: *морфологические особенности, посткраниальный скелет, городское население, половой диморфизм, трансгрессия, метрические показатели, длина тела.*

Введение

В настоящее время в физической антропологии все более актуальным становится вопрос о методах работы с разрозненными костями посткраниального скелета, которые не могут быть дифференцированы по отдельным скелетам и даже по половой принадлежности. Авторы настоящей работы, с целью привлечь внимание к данному вопросу, предлагают свою экспериментальную методику работы с длинными трубчатými костями посткраниального скелета. Мы подчеркиваем, что главная задача, которую мы ставим перед собой, публикуя данную статью, состоит в том, чтобы привлечь внимание к вопросу о методах работы с разрозненными костными материалами, и, по возможности, вызвать дискуссию среди исследователей. А лучший способ побудить ученый мир к дискуссии состоит в том, чтобы предложить способ решения той или иной научной проблемы.

Авторы отдают себе отчет в том, что предложенная ими методика является экспериментальной. Не исключено, что в данную методику, в дальнейшем будут внесены существенные коррективы, тем более не исключено, что методика не пройдет проверку временем и будет отброшена научным миром. Тем не менее, авторы считают целесообразным опубликовать полученные ими результаты исследования. Эта целесообразность обусловлена тем, что публикация может дать толчок к дальнейшему развитию научной мысли, в частности через критику экспериментального метода, изложенного в настоящей работе.

В ходе работы были исследованы кости посткраниального скелета, обнаруженные в 2010 г. во время строительных работ на территории современной Советской площади города Пензы. Антропологические материалы датируются XVII–XVIII вв., представлены большим числом черепов и разрозненных костей посткраниального скелета различной степени сохранности. Разрозненность материалов может быть обусловлена возможным перезахоронением во время строительства Спасского кафедрального собора в первой четверти XIX века. На части черепов и костей посткраниального скелета были обнаружены следы патологических процессов травматического, инфекционного и дегенеративного характера (Калмина и др. 2012, Калмина, Иконников 2011, Иконников, Калмин 2016).

Задачи исследования

В ходе исследования мы ставили перед собой две взаимосвязанные задачи: во-первых, разработать методику первичного изучения разрозненных остеологических материалов, в частности, выявить те метрические признаки, которые могут содействовать наиболее эффективной половой диагностике по костям посткраниального скелета; во-вторых, используя статистические методы, получить максимально полные сведения о морфологических особенностях населения Пензы XVII–XVIII вв.

Материал и методы

Для измерения и изучения были отобраны кости взрослых индивидов, без значительных следов прижизненных патологических изменений, которые могли привести к деформации.

Из-за разрозненности материалов, большие трудности вызывало определение пола индивидов, которым принадлежала та или иная кость. По общей величине кости, степени ее массивности и степени развития рельефа в местах прикрепления связок и мышц, кости были поделены на три категории: достоверно мужские, достоверно женские и кости индивидов с неопределимым полом (ИНП), как правило, составлявшие приблизительно третью часть всех остеологических материалов. Использование данных по костям ИНП затруднено, но отказаться от их использования было нельзя, так как это должно было привести к тому, что мужская часть каждой серии была бы искусственно «матуризована», а женская «грацилизована». Для того чтобы повысить точность статистических данных, было решено использовать взвешенные средние величины между показателями достоверно мужских или достоверно женских костей с одной стороны и показателями костей ИНП (Лакин 1990: 39). При этом значение веса показателей ИНП должно было быть уменьшено в два раза, так как приблизительно половина костей ИНП принадлежала мужчинам, приблизительно половина – женщинам. Способ вычисления данных величин (на примере костей, принадлежавших мужчинам) можно выразить в формулах:

$$N = \frac{x_{д.муж.} \times n + x_{инп} \times (m : 2)}{n + m : 2}$$

или:

$$N = \frac{x_{д.муж.} \times 2n + x_{инп} \times m}{2n + m}$$

Данные формулы, представляющие собой вариант способа вычисления взвешенных

средних величин достоверно мужских костей и половины костей ИНП, были разработаны авторами статьи для удобства работы с материалами посткраниального скелета (Иконников, Калмин 2016). В данных формулах N – искомая величина, которую мы будем называть здесь уточненной средней, $x_{д.муж.}$ – средняя величина того или иного показателя для достоверно мужских костей, $x_{инп}$ – средняя величина того же показателя, характерного для костей индивидов ИНП, n – число достоверно мужских костей, у которых был определен данный размер, m – число костей ИНП, у которых была определена та же величина. Последний показатель должен быть поделен на два, так как приблизительно половина костей ИНП принадлежала мужчинам, приблизительно половина – женщинам. Того же результата можно добиться, если число m оставить без изменений, а число достоверно мужских костей (n) умножить на два. Это позволит избавиться от дробных чисел в знаменателе. Обе формулы взаимозаменяемы. Для женщин вычисление уточненной средней величины осуществлялось аналогичным способом.

Кроме того, в ходе работы, по простой формуле $M/J \times 100\%$ (M – средняя величина мужских показателей, J – средняя величина женских показателей), вычислялся коэффициент полового диморфизма (КПД).

Для определения степени трансгрессии мужских и женских величин использовались вариационные ряды. О тенденции к увеличению трансгрессии должны были свидетельствовать: 1) одновершинное и симметричное строение вариационного ряда, 2) положение уточненных средних величин в диапазонах смежных столбцов вариационного ряда или вообще в диапазоне одного столбца. О тенденции к уменьшению трансгрессии, напротив, говорили: 1) двухвершинное строение вариационного ряда или, в меньшей степени правосторонняя или левосторонняя асимметрия одновершинного ряда, 2) положение уточненных средних величин в диапазонах классов, находящихся на некотором расстоянии друг от друга. В ходе исследования мы стремились выявить степень выраженности полового диморфизма и трансгрессии мужских и женских величин.

Обработка количественных данных осуществлялась в пакете статистических программ STATISTICA 6 и в программе Excel, входящей в пакет программ Microsoft Office.

Результаты исследования

Судя по данным вариационных рядов, **правая ключица** (табл. 1) характеризовалась значительной трансгрессией мужских и женских величин наибольшей длины (1), заметная трансгрессия наблюдалась по окружности середины кости (6) и высоте изгиба грудинного конца. И только у высоты изгиба акромиального конца наблюдалась устойчивая тенденция к снижению трансгрессии, выразившаяся в двухвершинном строении вариационного ряда и отдаленном друг от друга положении диапазонов классов, в которых находились уточненные средние величины. Данная величина отличалась наибольшим значением КПД (1,298) из всех показателей, характерных для правой ключицы (табл. 2).

У **левых ключиц** (табл. 1) такого значительного снижения трансгрессии мужских и женских величин изгиба акромиального конца не прослеживалось (при двухвершинном вариационном ряде наблюдалось положение уточненных средних величин в диапазонах смежных классов вариационного ряда). Заметная трансгрессия мужских и женских величин наблюдалась по окружности середины диафиза и изгиба гру-

динного конца. Зато заметная тенденция к снижению трансгрессии была отмечена у наибольшей длины ключицы (двухвершинный вариационный ряд, отдаленное друг от друга положение уточненных средних величин в вариационном ряду). Среди показателей левой ключицы наибольшая длина кости (1) отличалась максимальным значением КПД (1,178) (табл. 2).

То обстоятельство, что у правых ключиц наибольший половой диморфизм наблюдался по одному показателю, а у левых ключиц – по другому, по-видимому, свидетельствовало о том, что формирование морфологических особенностей данной кости связано с общей степенью развития мышечной системы индивида.

Длиннотные размеры **правых плечевых костей** (табл. 3) (наибольшая (1) и морфологическая (2) длины) характеризовались сильной трансгрессией мужских и женских величин и самой малой величиной КПД (1,089 у обеих величин). Зато разность между этими двумя величинами (1-2) характеризовалась сравнительно малой трансгрессией (двухвершинный вариационный ряд) и наибольшей величиной КПД (1,250) (табл. 4). Возможно, данная величина может представлять интерес для половой диагностики. Двухвершинным строением вариационного ряда и сравнительно отдаленным друг от друга положением классов, в которых находятся уточненные средние величины, характеризовались также окружность середины диафиза (7а), наибольший диаметр середины диафиза (5), а также величина, представляющая собой произведение наибольшего и наименьшего диаметров середины диафиза (5×6), которую мы здесь будем называть условной площадью сечения середины диафиза. Последняя величина отличалась также сравнительно большой величиной КПД (1,212). В остальных случаях значение величины КПД колебалось около 1,1, а величина трансгрессии мужских и женских величин была сравнительно велика, что затрудняло использование этих признаков для половой диагностики (табл. 4).

У **левых плечевых костей** (табл. 3), как и у правых, наименьший КПД и сравнительно сильная трансгрессия мужских и женских величин наблюдались у наибольшей и морфологической длин (1,071 в обоих случаях). Разность между этими величинами также отличалась значительным КПД (1,256) и сравнительно слабой трансгрессией. Зато у наибольшего (5) и наименьшего (6) диаметров середины диафиза, в отличие от правых плечевых костей, наблюдалась заметная трансгрессия мужских и женских величин (одновершинная форма вариационных рядов, положение уточненных величин в смежных классах) и сравнительно небольшое значение КПД (1,081 и 1,087 соответственно). Правда, условная площадь сечения середины диафиза (5×6) характеризовалась тенденциями к увеличению полового диморфизма (КПД=1,188) (табл. 4) и к уменьшению трансгрессии мужских и женских величин (правосторонняя асимметрия вариационного ряда, положение уточненных средних величин в несмежных классах). Однако эти тенденции были выражены менее отчетливо, чем у правых плечевых костей. Напротив, у левых плечевых костей обращали на себя внимание тенденция к уменьшению трансгрессии мужских и женских величин ширины нижнего эпифиза (4) (заметная левосторонняя асимметрия вариационного ряда, отчетливая тенденция к возникновению второй вершины, положение уточненных средних величин в несмежных классах) и сравнительно большое (по сравнению с другими величинами левой плечевой кости) значение КПД (1,129) (табл. 4). Кроме того, двухвершинным строением вариационного ряда и положением уточненных средних величин в несмежных классах отличались вертикальный и

горизонтальный диаметры головки и условная площадь головки, представляющая собой произведение горизонтального и вертикального диаметров головки. Таким образом, по своим метрическим показателям головка левых плечевых костей характеризовалась сравнительно слабой трансгрессией мужских и женских величин. Не исключено, что значения метрических показателей головки левой плечевой кости имеют ценность для половой диагностики. Условная площадь головки кости, кроме того, характеризовалась сравнительно большим КПД (1,211) (табл. 4).

Таким образом, и у правых, и у левых плечевых костей данной серии наиболее ценными с точки зрения половой диагностики оказались разность наибольшей и морфологической длины кости (1-2) и у условной площади сечения середины диафиза (5×6). У правых костей, кроме того, с этой точки зрения определенный интерес представляли наибольший диаметр середины диафиза (5) и окружность середины диафиза (7а), тогда как у левых костей – ширина нижнего эпифиза (4) и все размеры головки кости.

У *правых локтевых костей* (табл. 5) наименьшая трансгрессия мужских и женских величин наблюдалась у таких величин как наибольшая длина (1), переднезадний диаметр диафиза (11) и ширина локтевого отростка (двухвершинное строение вариационного ряда, положение уточненных средних величин в несмежных классах). Кроме того, тенденция к снижению трансгрессии (тенденция к образованию второй вершины) прослеживалась у условной площади сечения диафиза, под которой мы понимаем произведение переднезаднего и поперечного диаметров диафиза кости (11×12). У последнего показателя наблюдалась наибольшая величина КПД (1,261) (табл. 6). Кроме того, значительный половой диморфизм (КПД=1,239) (табл. 6) наблюдался у условной площади верхнего сечения диафиза, представляющей собой произведение верхних поперечного и переднезаднего диаметров кости (13×14). При этом, судя по форме вариационного ряда, данный показатель характеризовался значительной трансгрессией мужских и женских величин. Остальные показатели характеризовались заметной трансгрессией мужских и женских величин и относительно не очень сильным половым диморфизмом (значение КПД колеблется около 1,1) (табл. 6).

У *левых локтевых костей* (табл. 5) наименьшая трансгрессия (двухвершинный вариационный ряд, положение уточненных средних величин в несмежных классах) наблюдалась у таких величин как переднезадний диаметр диафиза (11), верхний поперечный диаметр диафиза (13), наименьшая окружность диафиза (3) и ширина локтевого отростка. В отличие от правых локтевых костей, условная площадь сечения диафиза (11×12) характеризовалась сравнительно сильной трансгрессией мужских и женских величин (симметричное строение одновершинного вариационного ряда, положение уточненных средних величин в диапазонах смежных классов). При этом данная величина отличалась значительным КПД (1,342). Условная площадь верхнего сечения диафиза (13×14) также характеризовалась значительным КПД (1,206) (табл. 6), но, при этом у нее наблюдалась тенденция к снижению трансгрессии мужских и женских величин, хотя и выраженная не очень отчетливо (двухвершинный вариационный ряд при положении уточненных средних величин в диапазонах смежных классов). В остальных случаях метрические показатели характеризовались заметной трансгрессией и не очень значительным половым диморфизмом (как правило, КПД колебался около 1,1) (табл. 6).

В целом, наиболее значимыми при половой диагностике у правых локтевых ко-

стей оказались такие показатели как наибольшая длина (1), переднезадний диаметр диафиза (11), условная площадь сечения диафиза (11×12), ширина локтевого отростка. У левых костей сравнительно малой трансгрессией отличались переднезадний диаметр диафиза и ширина локтевого отростка. Кроме того, у левых костей с точки зрения половой диагностики возросло значение верхнего поперечного диаметра диафиза (13), наименьшая окружность диафиза (3) и, в меньшей степени, условная площадь верхнего сечения диафиза (13×14).

Тенденция к снижению трансгрессии мужских и женских величин у **правых лучевых костей** (табл. 7) наблюдалась по таким показателям как сагиттальный диаметр диафиза (5), условная площадь сечения диафиза, представлявшая собой произведение поперечного и сагиттального диаметров диафиза (4×5) и наименьшей окружности диафиза. Сагиттальный диаметр диафиза и условная площадь сечения диафиза отличались сравнительно большим КПД (соответственно 1,152 и 1,252), тогда как КПД наименьшей окружности диафиза был всего 1,120 (табл. 8).

У **левых лучевых костей** (табл. 7) только наибольшая длина (1) характеризовалась сравнительно большой трансгрессией мужских и женских величин (одновершинный вариант симметричной формы в сочетании с положением уточненных средних величин в диапазонах смежных классов). У остальных величин (поперечного (4) и сагиттального (5) диаметров диафиза, условной площади сечения диафиза, наименьшей окружности диафиза) наблюдалась отчетливая тенденция к уменьшению трансгрессии (двухвершинное строение вариационного ряда, положение уточненных средних величин в диапазонах несмежных классов). КПД условной площади сечения диафиза составлял 1,232, в остальных случаях значение КПД было сравнительно небольшим, как правило, оно колебалось около 1,1 (табл. 8).

В целом, левые лучевые кости отличались сравнительно малой трансгрессией мужских и женских величин показателей, измерявшихся в плоскости, перпендикулярной длине диафиза. Сходная тенденция, хотя и выраженная менее отчетливо, наблюдалась и у правых костей. При этом наибольшая длина правых и левых костей отличалась значительной трансгрессией и не очень большим КПД (1,096 и 1,124 соответственно).

Большинство величин **правых бедренных костей** (табл. 9), в целом, показывают сравнительно высокую трансгрессию мужских и женских величин, на что указывают одновершинное строение вариационного ряда как отдельно, так и в сочетании с положением уточненных средних величин в диапазонах смежных классов. Исключение составляют только четыре величины с двухвершинным вариационным рядом и положением уточненных средних величин в диапазонах несмежных классов: мышечковая ширина (21), поперечный диаметр середины диафиза (6), горизонтальный диаметр головки и условная площадь головки, представляющая собой произведение горизонтального и вертикального диаметров головки кости. Примечательно, что большинство величин правых бедренных костей отличаются сравнительно небольшим коэффициентом полового диморфизма. Исключение составляли только величины, представлявшие собой произведения других величин: условная площадь сечения середины диафиза, представлявшая собой произведение сагиттального и поперечного сечения середины диафиза (6×7), условная площадь верхнего сечения диафиза, представлявшая собой произведение верхних сагиттального и поперечного диаметров кости (9×10) и условная площадь головки кости (КПД соответственно

равны 1,181, 1,178 и 1,207) (табл. 10). В остальных случаях значение КПД колеблется около 1,1. В двух случаях наблюдается очень малая величина КПД, не встреченная у костей верхней конечности: у наибольшей длины (1) правых бедренных костей (1,056) и длины кости в естественном положении (2) (1,054) (табл. 10).

У *левых бедренных костей* (табл. 9) отчетливая тенденция к снижению трансгрессии наблюдалась также у сравнительно малого числа признаков. Это были те же признаки, что и у правых костей, и, кроме того, условная площадь сечения середины диафиза (6×7), условная площадь верхнего сечения диафиза (9×10) и окружность середины диафиза (8). Также как и у правых бедренных костей наибольший КПД наблюдался у признаков, представлявших собой произведения метрических величин: условная площадь сечения середины диафиза (1,203), условная площадь верхнего сечения диафиза (1,179) и условная площадь головки кости (1,186). В остальных случаях значение КПД колебалось около 1,1, а у длиннотных размеров кости было еще меньше: КПД наибольшей длины кости (1) составлял 1,067, КПД длины кости в естественном положении (2) – 1,070 (табл. 10).

В целом, наименьшая трансгрессия мужских и женских величин, как у правых, так и у левых бедренных костей наблюдалась у тех метрических показателей, которые измерялись в трансверсальной плоскости (мышцелковая ширина (21), поперечный диаметр (8)), а также у величин, характеризующих величину головки кости, в первую очередь горизонтальный диаметр головки. Длиннотные размеры, напротив, характеризовались очень большой трансгрессией в сочетании с малой величиной полового диморфизма.

У *правых большеберцовых костей* (табл. 11) наиболее отчетливая тенденция к уменьшению трансгрессии мужских и женских величин наблюдалась по трем признакам: верхней ширине эпифиза (3), наименьшей окружности диафиза (10b) и условной площади верхнего сечения диафиза, представлявшего собой произведение сагиттального и поперечного диаметров диафиза, измеренных на уровне питательного отверстия (8a×9a). Во всех трех случаях у величины наблюдался двухвершинный вариационный ряд и положение уточненных средних величин в диапазонах несмежных классов. Двухвершинный вариационный ряд наблюдался также у такой величины как условная площадь сечения середины диафиза, представлявшей собой произведение сагиттального и поперечного диаметров диафиза, измеренных на уровне середины диафиза (8×9). Примечательно, что метрические показатели с ослабленной трансгрессией мужских и женских величин, в то же время, отличались крайне незначительным половым диморфизмом, коэффициент которого у верхней ширины эпифиза составлял 1,059, а у наименьшей окружности диафиза – 1,056. КПД верхней и средней условной площади середины диафиза соответственно составлял 1,181 и 1,195. В остальных случаях у метрических показателей, как правило, наблюдалась заметная трансгрессия мужских и женских величин при сравнительно небольшом КПД, как правило, колебавшемся около 1,1 (табл. 12).

У *левых большеберцовых костей* (табл. 11) отчетливая тенденция к снижению трансгрессии мужских и женских величин наблюдалась только у двух показателей – ширины верхнего эпифиза (3) и ширина нижнего эпифиза (6). Только у этих величин форма вариационного ряда была двухвершинной. У обоих показателей уточненные средние величины располагались в диапазонах несмежных классов. При этом КПД обеих величин был невелик: у ширины верхнего эпифиза он составлял 1,073, у ши-

рины нижнего эпифиза – 1,084. Сравнительно большое значение величины КПД наблюдалось только у величин, представляющих собой произведение двух параметров: у средней и верхней условной площади сечения диафиза (соответственно 1,199 и 1,243). Во всех других случаях значение КПД был сравнительно небольшим, как правило, он колебался около 1,1, а у наибольшей (1а) и общей (1) длины величина КПД составила соответственно 1,040 и 1,043 (табл. 12).

Таким образом, у правых и левых большеберцовых костей наибольший интерес для половой диагностики представляла только одна величина – ширина верхнего эпифиза. Большеберцовые кости, при этом, характеризовались сравнительно низким КПД большинства метрических показателей, особенно наибольшей и общей длины кости.

В целом, данные нашего исследования показали, что наименьшей трансгрессией мужских и женских величин отличались те метрические показатели, которые характеризовали не длину, а массивность длинных трубчатых костей. Женские скелеты, в целом, отличались от мужских большей грацильностью, тогда как резких различий в длиннотных размерах костей, как правило, не прослеживалось. Исключением были только ключицы, у которых была снижена трансгрессия между мужскими и женскими величинами по наибольшей длине. Правда, это было отчетливо выражено только у левых ключиц. Однако у правых ключиц наблюдалось снижение трансгрессии высоты изгиба акромиального конца. Вероятно, именно этот изгиб и «уменьшает» наибольшую длину правой ключицы. У плечевых костей, кроме того, сравнительно малой трансгрессией отличалась разность наибольшей и морфологической длины. Данная величина, возможно, также имеет значение для половой диагностики.

На основе полученных уточненных средних величин удалось предположительно установить важную морфологическую величину – среднюю длину тела мужчин и женщин, проживавших в Пензе и в ее окрестностях в XVII–XVIII веков. Длина тела определялась методом К. Пирсона и А. Ли на основе уточненных средних величин отдельных костей. Так как значение длины тела, определенное по различным костям, различилось, была определена взвешенная средняя величина, с учетом числа костей (плечевых, лучевых, бедренных, большеберцовых). Для мужчин значение взвешенной средней величины составило 164,5 см, для женщин – 154,4 см (табл. 13). Эти значения, на наш взгляд, следует считать наиболее вероятным средним ростом мужчин и женщин Пензы конца XVII–XVIII вв. Конечно, обе величины являются приблизительными.

Проверить точность полученных нами данных сложно, так как нет письменных источников, свидетельствовавших о росте населения Пензы и Пензенской губернии в этот период. Хронологически наиболее близки к этому времени данные «Всеобщей воинской повинности в Империи за первое десятилетие, 1874–1883 гг.» (1886), широко использованные Д.Н. Анучиным при подготовке работы «О географическом распределении роста мужского населения России» (Анучин 1889).

Средний рост мужчин Пензенской губернии в возрасте 20 лет (время призыва на военную службу (Анучин 1889: 106)) составлял 1636 мм (Анучин 1889: 78), средний рост призывников по Пензенскому уезду был равен 1634 мм (Анучин 1889: 178). Данные, полученные нами в ходе остеологического исследования, указывают на более высокий рост мужской части населения Пензы XVII–XVIII вв. по сравнению с населением Пензенского уезда конца XIX века. Различия приблизительно равны одному сантиметру.

Не исключено, что различия были связаны с неточностями в определении длины

тела по костям посткраниального скелета, но могут быть вызваны другими обстоятельствами. Учитывая, что, во-первых, процесс роста в XIX веке, не завершался в 20 лет, а длился приблизительно до 26 (Морфология 1990: 76), и что, во-вторых, в ходе нашей работы, был установлен приблизительный рост *городского* населения, более подверженного процессам акселерации, тогда как данные «Всеобщей воинской повинности...» основываются, преимущественно, на материалах по *сельскому* населению. Городское население Пензы в 1880-х годов приблизительно было равно 47340 (Никольский 1893: 86), что, составляло около 30% общей численности населения уезда (157523 человек. См.: Никольский 1893: 1). Следует также учесть, что в городе был сравнительно высок процент неподатного населения, относившегося к привилегированным сословиям и не подлежавшего призыву на военную службу. С учетом этих обстоятельств, мы считаем, что полученные данные о среднем росте населения Пензы стремились к истинной картине.

Таблица 1

Метрические показатели ключиц (мм)

		1. Наибольшая длина	6. Окружн. серед. диафиза	Изгиб груднин. конца	Изгиб акромал. конца
Правая сторона	N муж.	5	10	5	5
	сред. муж.	144,6	36,9	17,0	14,8
	уточн. муж.	143,5	35,9	16,9	14,8
	мин. муж.	138	32,5	11	14
	макс. муж.	153	42	23	16
	σ муж.	6,8	3,2	4,9	0,8
	N жен.	3	10	7	6
	сред. жен.	125,0	32,0	13,3	10,3
	уточн. жен.	128,3	32,3	14,3	11,4
	мин. жен.	114	28,5	9	8
	макс. жен.	135	38	16	14
	σ жен.	10,5	3,0	2,4	2,4
	N инп	2	7	3	4
	сред. инп	138,0	33,1	16,7	14,8
	мин. инп	137	29	15	13
	макс. инп	139	36	19	17
σ инп	1,4	2,3	2,1	1,7	

Таблица 1 (продолжение)

		1. Наибольшая длина	6. Окружн. сред. диафиза	Изгиб груднинн. конца	Изгиб акромиял. конца
Левая сторона	N муж.	5	12	9	6
	сред. муж.	151,4	37,0	16,3	13,3
	уточн. муж.	149,5	36,2	16,1	13,2
	мин. муж.	144	33	12	10
	макс. муж.	164	42,5	24	17
	σ муж.	8,1	2,5	3,5	2,8
	N жен.	4	10	7	6
	сред. жен.	126,5	31,0	14,7	12,0
	уточн. жен.	126,9	31,3	14,8	11,9
	мин. жен.	120	27	11	8
	макс. жен.	137	35	19	15
	σ жен.	7,3	2,3	2,9	2,8
	N инп	1	5	4	1
	сред. инп	130,0	32,3	15,0	11,0
	мин. инп	130	30	12	11
	макс. инп	130	36	17	11
σ инп		2,4	2,4		

Таблица 2

Коэффициенты полового диморфизма ключиц

		1. Наибольш. длина	6. Окружн. сред. диаф.	Изгиб груднинн. конца	Изгиб акром. конца
Правая сторона	КПД средн.	1,157	1,153	1,278	1,437
	КПД уточн.	1,118	1,111	1,216	1,298
Левая сторона	КПД средн.	1,197	1,194	1,109	1,108
	КПД уточн.	1,178	1,157	1,088	1,109

Таблица 3

Метрические показатели плечевых костей (мм)

		1. Набол. длина	2. Физиол. длина	3. Ширина верхн. эпифиза	4. Ширина нижн. эпифиза	5. Набол. диам. серед. диаф.	6. Наимен. диам. серед. диаф.	7а. Окружн. серед. диафиза	7. Наименьш. окружн. диаф.	Вертикальн. диам. головки	Горизонт. диам. головки
Правая сторона	N муж.	11	11	7	19	17	17	17	20	7	4
	сред. муж.	331	325,2	52,5	64,4	24,2	18,5	68,5	64,3	47,4	43,8
	уточн. муж.	326,2	320,7	50,3	62,9	23,3	17,9	65,6	62,0	45,5	41,7
	мин. муж.	317	313,5	50	61	22	17	62,5	60	45	40
	макс. муж.	359	355	56,5	70	27	20	75	70	53	47
	s муж.	11,24	11,42	2,273	3,666	1,296	0,856	3,092	2,342	2,657	2,986
	N жен.	9	9	8	10	20	20	20	18	11	6
	сред. жен.	284,5	280,6	44,8	55,4	20,8	15,6	58,0	54,0	40,6	38,9
	уточн. жен.	299,5	295,0	45,8	56,7	21,2	16,1	59,4	55,4	41,4	39,2
	мин. жен.	251	250	42	52	19	14	54	50,5	38	37
	макс. жен.	298	294	47	58	23	17	65	58,5	43	42
	s жен.	15,05	13,73	1,731	1,955	1,042	0,841	2,492	2,213	1,514	2,06
	N инп	14	14	10	13	24	24	25	22	11	8
	сред. инп	318,7	313,6	47,25	58,62	21,85	17,0	61,72	57,8	43	39,63
мин. инп	302	298	43	56	20	15,5	57	54	40	36	
макс. инп	342,5	337	51	62	25	20	68	60,5	48	43	
s инп	12,14	11,73	2,3	1,516	1,165	1,01	2,858	1,837	2,236	2,134	
Левая сторона	N муж.	10	10	9	17	25	25	25	26	9	8
	сред. муж.	324,6	319,7	50,8	64,7	22,9	17,9	64,8	62,7	46,1	43,2
	уточн. муж.	321,8	317,0	49,3	63,0	22,5	17,5	63,5	61,3	44,9	42,2
	мин. муж.	305	298	48,5	58,5	20	16	59	56,5	43	40
	макс. муж.	340,5	338	55	69	26	20,5	73,5	69	51	46
	s муж.	12,98	13,37	2,25	2,663	1,488	1,31	3,469	3,107	2,559	2,103
	N жен.	12	9	12	11	22	22	22	22	11	8
	сред. жен.	293,0	287,3	44,9	54,1	20,5	15,8	56,9	53,4	40,6	37,9
	уточн. жен.	300,5	295,9	45,3	55,8	20,8	16,1	58,0	54,6	41,2	38,4
	мин. жен.	271,5	269	43	48	19	14,5	52	48,5	39	36
	макс. жен.	307	303	47,5	58	22	17	60	57	43	39
	s жен.	11,65	11,76	1,294	2,809	0,809	0,736	1,925	1,894	1,306	1,126
	N инп	11	10	9	13	20	20	20	19	10	6
	сред. инп	316,8	311,6	46,28	58,7	21,6	16,6	60,5	57,3	42,6	39,6
мин. инп	292	286	43	55	18,5	14	53	52	38,5	37	
макс. инп	342	334	49,5	62,5	25	18	67	63,5	45	44	
s инп	15,85	16,35	2,476	2,331	1,641	1,034	3,56	2,922	2,114	2,764	

Таблица 4

Коэффициенты полового диморфизма плечевых костей

	Условн. площадь головки	1,342	1,174	1,303	1,211
	Горизонтальный диаметр головки	1,126	1,064	1,140	1,099
	Вертикальный диаметр головки	1,167	1,099	1,135	1,090
	7. Наименьш. окружн. диаф.	1,191	1,119	1,174	1,123
	7а. Окружность серед. диаф.	1,181	1,104	1,139	1,095
	5×6. Условн. площадь сечен. серед. диаф.	1,371	1,212	1,276	1,188
	6. Наименьш. диам. серед. диаф.	1,186	1,112	1,133	1,087
	5. Наибольш. диам. серед. диафиза	1,163	1,099	1,117	1,081
	4. Ширина нижн. эпифиза	1,162	1,109	1,196	1,129
	3. Ширина верхн. эпифиза	1,172	1,098	1,131	1,088
	1-2. Разность наибольш. и физиол. длин	1,462	1,250	1,485	1,256
	2. Физиологич. длина	1,159	1,089	1,113	1,071
	1.Наибольш. длина	1,163	1,089	1,108	1,071
		КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.	КПД уточн.
Правая сторона					
Левая сторона					

Таблица 5

Метрические показатели локтевых костей (мм)

		1. Наибольшая длина	2. Физиологическая длина	11. Переднезадний диаметр диафиза	12. Поперечный диаметр диафиза	13. Верхний поперечный диаметр диафиза	14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	3. Наименьшая окружность диафиза	Ширина локтевого отростка
Правая сторона	N муж.	9	12	16	15	20	20	13	14
	сред. муж.	269,8	234,7	14,6	17,5	22,3	24,7	36,8	26,3
	уточн. муж.	267,1	232,6	14,3	17,3	21,9	24,3	36,3	25,9
	мин. муж.	257	223	12,5	16	19	22	32	24
	макс. муж.	283	248,5	17	20	27	30	40	29
	s муж.	8,986	8,013	1,328	1,187	2,068	1,758	2,222	1,503
	N жен.	5	10	19	19	19	20	12	9
	сред. жен.	243	212,9	12,0	15,5	18,9	21,7	31,8	22,8
	уточн. жен.	244,8	214,1	12,4	15,8	19,4	22,1	32,4	23,5
	мин. жен.	234	205	10	14	16	18	29	22
	макс. жен.	256	224,5	15	17	23	24	35	24
	s жен.	9,487	7,26	1,073	0,79	2,079	1,647	1,672	0,833
	N инп	3	4	14	13	14	16	7	10
	сред. инп	251	220	13,5	16,81	20,75	23,16	34,36	24,7
	мин. инп	243	212	12	14	18	21	29	23
	макс. инп	257	231	16	20	23	27	37,5	27
s инп	7,211	8,114	1,216	1,377	1,205	1,63	2,78	1,183	
Левая сторона	N муж.	10	12	16	16	19	20	15	11
	сред. муж.	264,2	230,3	15,2	17,8	22,2	24,8	36,3	26,6
	уточн. муж.	262,3	228,8	15,1	17,3	21,7	24,6	35,9	26,0
	мин. муж.	249	216,5	13	16	19	22	32	25
	макс. муж.	280,5	250	20	22	25,5	29	39,5	29
	s муж.	10,89	11,01	1,915	1,526	1,78	1,585	2,161	1,206
	N жен.	4	5	16	16	15	16	11	6
	сред. жен.	230,5	201,6	12,5	14,6	18,7	22,5	31,2	23,7
	уточн. жен.	233,2	206,7	13,1	15,0	19,1	22,9	32,0	23,9
	мин. жен.	198	171	11	13	17	21	27	22
	макс. жен.	249	217	15	16	22	24,5	34	26
	s жен.	22,34	18,02	1,176	0,946	2,007	1,155	2,017	1,472
	N инп	2	4	11	11	13	13	7	7
	сред. инп	243,8	219,5	14,9	16,0	20,1	23,9	34,4	24,1
	мин. инп	243,5	212	12	14	17	20,5	31	23
	макс. инп	244	237,5	20	18	25	27	38	25
s инп	0,354	12,06	2,237	1,422	2,139	1,983	2,507	1,069	

Таблица 6

Коэффициенты полового диморфизма локтевых костей

		КПД сред.	Ширина локт. отростка	1,154	1,102	1,122	1,088
			3. Наименьш. окружн. диаф.	1,157	1,120	1,163	1,122
		КПД угочн.	13×14. Условн. площадь верхн. сечен. диаф.	1,339	1,239	1,296	1,206
			14. Верхн. сагитт. диам. диаф.	1,138	1,100	1,102	1,074
		КПД сред.	13.Верхн. поперечн. диам. диаф.	1,180	1,129	1,187	1,136
			11×12. Условн. площадь сечен. диаф.	1,380	1,261	1,496	1,342
		КПД угочн.	12.Поперечн. диам. диаф.	1,129	1,095	1,219	1,153
			11. Переднезадн. диам. диаф.	1,217	1,153	1,216	1,153
		КПД сред.	2.Физиологич. длина	1,102	1,086	1,142	1,107
			1. Наибольш. длина	1,110	1,091	1,146	1,125
		КПД угочн.					
			Правая сторона				
		КПД сред.					
			Левая сторона				
		КПД угочн.					

Таблица 7

Метрические показатели лучевых костей (мм)

		1. Наибольшая длина	4. Поперечный диаметр диафиза	5. Сагиттальный диаметр диафиза	Наименьшая окружность диафиза
Правая сторона	N муж.	11	19	19	15
	сред. муж.	247,2	17,1	12,3	41,1
	уточн. муж.	243,9	16,9	12,1	40,0
	мин. муж.	236	15	10	38
	макс. муж.	262	21	15	44
	s муж.	8,987	1,363	1,003	1,755
	N жен.	10	19	19	17
	сред. жен.	217,5	15,2	10,3	35,1
	уточн. жен.	222,5	15,5	10,5	35,7
	мин. жен.	184	13	9	31
	макс. жен.	232	17	12	39
	s жен.	13,43	1,295	0,732	2,24
	N инп	8	12	12	12
	сред. инп	235	16,33	11,25	37,38
	мин. инп	218	14	10	34
макс. инп	254	18	13	42	
s инп	10,86	1,135	0,989	2,524	
Левая сторона	N муж.	12	17	17	17
	сред. муж.	251,3	17,0	12,5	40,8
	уточн. муж.	246,3	16,7	12,2	39,6
	мин. муж.	233,5	16	12	39
	макс. муж.	273	18	14	43
	s муж.	11,5	0,624	0,599	1,047
	N жен.	13	22	22	23
	сред. жен.	214,5	15,1	10,6	34,7
	уточн. жен.	219,2	15,3	10,8	35,3
	мин. жен.	184	13	10	31
	макс. жен.	230	16,5	12	38
	s жен.	12,43	1,046	0,695	1,572
	N инп	9	15	15	15
	сред. инп	232,8	16,0	11,4	37,0
	мин. инп	221	15	10	33
макс. инп	247	17	13	41	
s инп	7,79	0,855	1,141	2,918	

Таблица 8

Коэффициенты полового диморфизма лучевых костей

	1.Наибольш. длина	1,137	1,125	1,194	1,346	1,171
		КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.
	4.Поперечн. диам. диаф.	1,096	1,090	1,152	1,252	1,120
		КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.
	5.Сагитт. диам. диаф.	1,172	1,126	1,179	1,335	1,176
		КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.
	4×5. Условн. площадь сечен. диаф.	1,124	1,092	1,130	1,232	1,122
		КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.
	Наименьш. окружн. диаф.					
		КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.	КПД уточн.	КПД средн.
Правая						
Левая						

Таблица 9

Метрические показатели бедренных костей

		1. Наибольшая длина	2. Длина в естественном положении	21. Мышелковая ширина	6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	7. Поперечный диаметр середины диафиза	10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	9. Верхний поперечный диаметр диафиза	8. Окружность середины диафиза	Вертикальная высота головки	Горизонтальная высота головки
Правая сторона	N муж.	11	12	11	22	22	22	22	22	17	14
	сред. муж.	453,1	449,8	82,1	28,1	27,9	26,9	30,2	86,9	48,1	47,3
	уточн. муж.	445,3	442,4	80,2	27,6	24,4	26,6	29,7	85,3	46,9	46,4
	мин. муж.	442	440	77,5	24	25,5	24	27	82,5	45	45
	макс. муж.	483,5	477	85	31,5	31	30	34	96	51,5	50
	s муж.	11,98	10,38	2,423	1,738	1,422	1,716	1,723	3,688	1,996	1,553
	N жен.	15	16	9	24	24	24	24	24	11	11
	сред. жен.	416,4	412,7	71,8	24,9	24,5	23,5	27,0	77,1	41,7	41,7
	уточн. жен.	421,7	419,9	73,8	25,4	25,1	24,3	27,5	78,7	42,4	42,5
	мин. жен.	392	388	69	23	21	21	23	72	38	37
	макс. жен.	440	438	75	29	27,5	26	30	86	45	46
	s жен.	14,6	14,76	1,904	1,378	1,422	1,141	1,635	2,878	2,369	2,533
	N инп	14	13	12	22	22	22	22	22	13	11
	сред. инп	433,1	428,8	76,8	26,6	26,4	25,9	28,6	82,2	43,6	44,05
	мин. инп	406	399	70	22,5	23	24	24	74	40	40
макс. инп	461	456,5	81	30	29	31	32	89	47,5	48	
s инп	14,96	15,75	3,272	1,986	1,706	1,765	2,399	4,646	2,388	2,631	
Левая сторона	N муж.	21	22	14	29	29	29	29	29	24	19
	сред. муж.	449,2	444,3	81,2	28,3	27,9	27,2	30,7	85,6	47,1	47,0
	уточн. муж.	446,3	441,6	79,8	27,6	27,4	26,6	30,1	83,6	46,5	46,3
	мин. муж.	428	414	75	26	25	24	27	81	43,5	45
	макс. муж.	470,5	468	86,5	33,5	30,5	30	33	95	50	49
	s муж.	13,96	15,17	2,873	1,873	1,215	1,715	1,378	3,359	1,648	1,258
	N жен.	13	14	7	26	26	26	26	26	9	10
	сред. жен.	411,2	406	72,3	25,2	24,2	24,4	27,1	75,15	41,9	41,2
	уточн. жен.	418,4	412,9	73,5	25,4	24,8	24,6	27,6	76,0	42,9	42,3
	мин. жен.	378	373	70	23,5	22	22	23	71	40	39
	макс. жен.	420	417,5	74	28,5	27,5	28	31,5	84	45	44
	s жен.	11,75	12,84	1,38	1,273	1,25	1,675	1,872	3,411	1,716	1,602
	N инп	11	11	9	22	23	24	24	21	13	12
	сред. инп	435,4	430,6	75,3	25,86	26	25,13	28,56	78,05	44,31	44
	мин. инп	407	404	73	22,5	23,5	22	26	73	42	41,5
макс. инп	460	452,5	80,5	30	28	29	32	89	47	47	
s инп	13,93	12,95	2,195	2,139	1,297	2,086	1,469	4,234	1,562	1,977	

Таблица 10

Коэффициенты полового диморфизма бедренных костей

		Условн. площадь головки	1,308	1,207	1,282	1,186
		Горизонт. высота головки	1,134	1,092	1,141	1,095
		Вертикальн. высота головки	1,153	1,101	1,124	1,084
		8. Окружн. серед. диаф.	1,127	1,084	1,138	1,100
		10×9. Условн. площадь верхн. сечен. диаф.	1,277	1,178	1,262	1,179
		9. Верхн. поперечн. диам. диаф.	1,119	1,080	1,133	1,091
		10. Верхн. сагитт. диам. диаф.	1,128	1,095	1,115	1,090
		6×7. Условн. площадь средн. сечен. диаф.	1,280	1,181	1,292	1,203
		7. Поперечн. диам. серед. диаф.	1,139	1,092	1,125	1,105
		6. Сагитт. диам. серед. диаф.	1,129	1,087	1,123	1,087
		21. Мыщелк. ширина	1,143	1,087	1,123	1,087
		2. Длина в естеств. полож.	1,090	1,054	1,094	1,070
		1. Наибольш. длина	1,088	1,056	1,092	1,067
		КПД средн.				
Правая сторона	КПД уточн.					
	КПД средн.					
Левая сторона	КПД уточн.					

Таблица 11

Метрические показатели большеберцовых костей (мм)

		1а. Наибольшая длина	1. Общая длина	3. Ширина верхнего эпифиза	6. Ширина нижнего эпифиза	8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	9. Поперечный диаметр середины диафиза	8а. Сагитт. диаметр диафиза на уровне питат. отверстия	9а. Попереч. диаметр диафиза на уровне питат. отверстия	10. Окружность середины диафиза	10в. Наименьшая окружность диафиза
Правая сторона	N муж.	13	12	10	12	20	20	19	19	20	19
	сред. муж.	363,1	356,5	75,1	53,3	29,2	21,5	33,6	24,2	78,7	71,1
	уточн. муж.	360,1	353,4	74,1	52,3	28,5	21,2	32,7	23,6	77,4	70,2
	мин. муж.	343,5	340	71,5	51,5	26	20	31	20	72,5	68
	макс. муж.	382,5	376,5	78	55	33	23	36	26	86	75
	s муж.	9,35	8,976	2,209	1,008	1,728	0,924	1,666	1,493	3,506	2,05
	N жен.	12	12	4	8	16	18	15	18	16	17
	сред. жен.	334,5	329	67,8	48,8	25,3	19,7	29,4	21,5	71,0	65,9
	уточн. жен.	339,7	334,0	70,0	49,3	25,7	19,9	29,8	21,8	72,0	66,5
	мин. жен.	325,5	319,5	64	47	22,5	18	25	20	65	61
	макс. жен.	344,5	339	70	50,5	27	21	33	23	76	69
	s жен.	7,348	7,037	2,872	1,487	1,3	0,877	2,057	0,977	2,769	2,459
	N инп	10	10	9	11	16	17	16	17	16	14
	сред. инп	352,3	346,1	71,89	50,14	26,63	20,41	30,47	22,38	74	67,79
мин. инп	334	328	69	46	23,5	18,5	26	20	67	60,5	
макс. инп	373,5	366	76	56,5	29	22	33,5	24,5	79	72,5	
s инп	11,54	11,26	2,247	3,026	1,765	1,093	2,225	1,305	3,559	3,28	
Левая сторона	N муж.	11	12	9	14	22	22	22	22	22	21
	сред. муж.	359,6	352,8	75,4	52,4	28,8	21,3	33,6	24,0	79,1	72,0
	уточн. муж.	358,6	351,8	74,6	51,8	28,4	21,2	33,0	23,6	78,2	71,3
	мин. муж.	340	333	70	50	25	20	30	21,5	71	64
	макс. муж.	373	367,5	78,5	56,5	33	23	39	28	86	78
	s муж.	9,934	9,79	2,678	1,859	2,051	0,907	2,508	1,603	3,678	3,549
	N жен.	8	8	2	10	17	18	17	18	17	17
	сред. жен.	338,4	331,6	68,0	47,4	25,1	19,4	29,2	21,3	70,2	65,4
	уточн. жен.	344,7	337,3	69,5	47,8	25,5	19,7	29,4	21,5	71,1	66,0
	мин. жен.	312	306,5	68	46	22	17	25	19	64	60
	макс. жен.	352,5	344	68	49	27	21	31	23	75	68
	s жен.	12,24	11,57	0	0,784	1,352	1,198	1,532	1,251	3,111	2,169
	N инп	9	8	4	6	11	11	9	10	10	10
	сред. инп	356	348,8	70,88	49,17	26,86	20,68	30,17	21,95	74	68,05
мин. инп	338	331,5	70	47	25	19	26	19,5	69	61	
макс. инп	373	367	72	54	28	23	32	25	80	73	
s инп	11,87	12,91	1,031	2,62	0,977	1,365	1,871	1,571	3,136	3,345	

Таблица 12

Коэффициенты полового диморфизма большеберцовых костей

		КПД средн.	1,079	1,079
		КПД уточн.	1,056	1,056
Правая сторона	10б. Наименьш. окружн. диаф.	КПД средн.	1,108	1,108
	КПД уточн.	1,075	1,075	
Левая сторона	8а×9а. Условн. площадь верхн. сечен. диаф.	КПД средн.	1,291	1,298
	КПД уточн.	1,195	1,243	
Правая сторона	9а. Поперечн. диам. диаф. на уровне питат. Отверст.	КПД средн.	1,126	1,127
	КПД уточн.	1,083	1,108	
Левая сторона	8а. Сагитт. диам. диаф. на уровне питат. от-верст.	КПД средн.	1,143	1,151
	КПД уточн.	1,097	1,122	
Правая сторона	8×9. Условн. площадь сечен. средн. диаф.	КПД средн.	1,267	1,265
	КПД уточн.	1,181	1,199	
Левая сторона	9. Поперечн. диам. средн. диаф.	КПД средн.	1,091	1,098
	КПД уточн.	1,065	1,076	
Правая сторона	8. Сагитт. диам. средн. диаф.	КПД средн.	1,154	1,147
	КПД уточн.	1,109	1,114	
Левая сторона	6. Ширина нижн. эпиф.	КПД средн.	1,092	1,105
	КПД уточн.	1,061	1,084	
Правая сторона	3. Ширина верхн. эпиф.	КПД средн.	1,108	1,109
	КПД уточн.	1,059	1,073	
Левая сторона	1.Общая длина	КПД средн.	1,086	1,064
	КПД уточн.	1,070	1,043	
Правая сторона	1а. Наибольш. длина	КПД средн.	1,086	1,063
	КПД уточн.	1,060	1,040	
Левая сторона		КПД средн.		
	КПД уточн.			

Таблица 13

**Средний рост населения, установленный по костям
посткраниального скелета: средние и взвешенные средние величины (см)**

		Н	Р	Ф	Т	средн.	взвешен.
Мужчины	средн.	165,5	167,5	166,0	163,0	165,5	165,4
	уточн.	164,4	166,1	165,1	162,5	164,5	164,5
Женщины	средн.	151,2	153,3	153,3	152,4	152,6	152,6
	уточн.	154,1	155,0	154,6	153,6	154,3	154,4
КПД	средн.	1,095	1,093	1,083	1,070	1,085	1,084
	уточн.	1,067	1,072	1,068	1,053	1,066	1,065

Литература

- Анучин 1889* – Анучин Д.Н. О географическом распределении роста мужского населения России (По данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб, 1889.
- Иконников, Калмин 2016* – Иконников Д.С., Калмин О.В. К вопросу о морфологических особенностях населения Пензы XVII-XVIII вв. // Вестник ПГУ. Пенза, 2016. № 1(13). С. 29–34.
- Калмина и др. 2012* – Калмина О.А., Коган З.А., Никишин Д.В., Рыбалкин С.Б., Шутов Б.И., Иконников Д.С. Сифилитические изменения костей в антропологическом материале захоронений г. Пензы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. Пенза: Изд-во Пенз. госуд. ун-та, 2012. № 4. С. 37–48.
- Калмина, Иконников 2011* – Калмина О.А., Иконников Д.С. Патологические изменения костей из погребений г. Пензы // Вестник антропологии. Научный альманах. М., 2011. Вып. 19. С. 232–237.
- Калмина и др. 2012* – Калмина О.А., Сиваконь С.В., Иконников Д.С., Сиваконь А.С. Посттравматические изменения ключиц из захоронения на Советской площади г. Пензы // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2012. Вып. 4. С. 163–168.
- Лакин 1990* – Лакин Г.Ф. Биометрия. М.: Высшая школа, 1990.
- Морфология 1990* – *Морфология человека* / отв. ред. Никитюк Б.А., Чтецов В.П. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990.
- Никольский 1893* – Никольский В.И. Санитарное исследование Пензенской губернии: Статистика населения городов и уездов за 10 лет (1880-1889 гг.). Пенза: Типо-Литография В.Н. Умнова, 1893.

References

- Anuchin D.N.* O geograficheskom raspredelenii rosta muzhskogo naseleniia Rossii (Po dannym o vseobshchei voinskoj povinnosti v imperii za 1874–1883 gg.) sravnitel'no s ras-predeleniem rosta v drugikh stranakh. St.Peterburg, 1889.
- Ikonnikov D.S., Kalmin O.V.* K voprosu o morfologicheskikh osobennostiakh nasele-niia Penzy XVII-XVIII vv. // Vestnik PGU. Penza, 2016. No. 1(13). Pp. 29–34.
- Kalmina O.A., Kogan Z.A., Nikishin D.V., Rybalkin S.B., Shutov B.I., Ikonnikov D.S.* Sifiliticheskie izmeneniia kostei v antropologicheskom materiale zakhoroneniia g. Penzy // Izvestiia vysshikh

uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Meditsinskie nauki. Penza: Izd-vo Penz. gosud. un-ta, 2012. No. 4. Pp. 37–48.

Kalmina O.A., Ikonnikov D.S. Patologicheskie izmeneniia kostei iz pogrebenii g. Penzy // Vestnik antropologii. Nauchnyi al'manakh. Moscow, 2011. No 19. Pp. 232–237.

Kalmina O.A., Sivakon 'S.V., Ikonnikov D.S., Sivakon 'A.S. Posttravmaticheskie izmeneniia kliuchits iz zakhoroneniia na Sovetskoi ploshchadi g. Penzy // Penzenskii arkhelogicheckii sbornik. Penza, 2012. No. 4. Pp. 163–168.

Lakin G.F. Biometria. Moscow.: Vyshaya schola, 1990.

Morfologiya cheloveka / Nikitiuk B.A., Chtetsov V.P. (ed.). Moscow: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1990.

Nikol'skii V.I. Sanitarnoe issledovanie Penzenskoi gubernii: Statistika naseleniia gorodov i uezdov za 10 let (1880–1889 gg.). Penza: Tipo-Litografiia V.N. Umnova, 1893.

O.V. Kalmin, O.A. Kalmina, D.S. Ikonnikov. Particular qualities of the postcranial skeleton of Penza residents XVII–XVIII centuries.

The article explores the metric parameters of bones of the population postcranial skeletons of Penza-city XVII-XVIII centuries. Anthropological materials, if was served as a subject of study, had been characterized by unsystematic. It was the result of the reburial, which was produced in the XIX century. The author team developed a methodology of the work since unsystematic material. The authors proposed a method of calculating by refined arithmetic mean one or the other of the metric parameters one or the other the bone, then belonged to men and women. The authors identified metric parameters of the bones of postcranial skeleton which is useful for the sexual diagnosis. Research has displayed average growth of the population amounted to Penza. It was 164.5 cm (men) and 154.4 cm (women).

Key words: *morphological features, postcranial skeleton, the urban population, sexual dimorphism, transgression, metric indicators, body length.*

ВЕКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЕФАЛОМЕТРИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ У МУЖЧИН ЮЖНОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЭПОХАЛЬНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ МОРФОЛОГИИ ЧЕРЕПА

К 125-летию со дня рождения Виктора Валерьяновича Бунака

Динамику значений морфологических признаков человека в ряду его поколений можно рассматривать как пример антропологической изменчивости во времени. В работе использовались данные, отражающие соизменчивость продольного и поперечного диаметра головы у мужчин, относящихся к разным поколениям. Анализировались частоты встречаемости разных сочетаний значений продольного и поперечного диаметров головы, т.е. разных морфотипов головы. На их основе были рассчитаны показатели внутригруппового разнообразия морфотипов головы, характеризующие степень и структуру этого разнообразия в каждом из поколений. Морфологический анализ проводился исходя из утверждения о двухфазовой природе изменчивости формы головы – чередовании фаз брахикефализации и дебрахикефализации. Установлено, что во время фазы брахикефализации (в более брахикефальной выборке) уменьшается равномерность в распределении частот имеющихся морфотипов. Во время фазы дебрахикефализации (в менее брахикефальной выборке) равномерность в распределении морфотипов головы, наоборот, увеличивается. При этом, как во время одной, так и другой фазы, при наличии различий в степени морфологического разнообразия, структура этого разнообразия (доля редких морфотипов) остается постоянной. Динамика морфологического разнообразия мозгового отдела головы в ряду поколений может выступать моделью для изучения эпохальной изменчивости формы головы в популяциях человека. Это позволяет углубить понимание общих закономерностей краниологической изменчивости человека – классической проблемы антропологической науки.

Ключевые слова: морфологическое разнообразие, кефалометрические признаки, ряд поколений.

Введение

Изучение изменчивости физического типа человека в контексте пространственно-временного континуума является одной из ключевых фундаментальных задач антропологической науки. Проблема краниологической изменчивости *Homo sapiens* – часть этой проблемы. Она входит в круг вопросов, рассматриваемых в классических разделах физической антропологии – «антропогенезе», «расоведении», а также в других областях биологии человека.

Помазанов Николай Николаевич – научный сотрудник отдела антропологии Института истории Национальной академии наук Беларуси. Эл. почта: pamazanau@gmail.com.

По мнению автора, следует различать особенности изучения изменчивости во времени физического типа предковых форм человека (архантропов, палеоантропов) при исследовании проблем антропогенеза и исследование внутривидовой изменчивости современного человека, изменчивости на территории расовых зон и т.п.

Динамика размеров черепов палеоантропов и палеолитического человека современного вида указывает на нелинейный характер изменчивости краниологических размеров. Вероятно, он был связан с увеличением внутригруппового размаха изменчивости и сокращением темпов увеличения массы мозга (Кочеткова 1973: 12). По всей видимости, ее «нелинейность» может быть сопряжена с морфологическим результатом нейрофизиологических изменений, приведших в конечном итоге к социальной адаптированности индивидов в сообществах человека. Она связана с сохранением «социально выгодных» особенностей организации мозга, появившихся в результате церебрального ароморфоза и поддерживаемого искусственным отбором («внутригрупповыми селективными процессами» по Я.Я. Рогинскому) благодаря социальной структуре сообществ у палео- и неоантропов (Рогинский 1969, Савельев 2011). В этой связи эволюция представителей рода *Homo* на отрезке палеоантропы – неоантропы шла не столько по пути увеличения объема мозга, сколько в направлении усиления наиболее востребованных социальных качеств. Они были детерминированы развитием определенных полей неокортекса (Кочеткова 1973: 214, Савельев 2011).

Эпохальные изменения размеров тела человека современного вида в хронологическом ряду палеолит – мезолит – неолит – эпоха бронзы – железный век, по всей видимости, находились под определяющим воздействием глобальных факторов, связанных с колебаниями климатических условий (Алексеев 1978, 1985; Медникова 2002).

При научном обсуждении общей проблемы эпохальных изменений физического типа человека и частной – краниологической изменчивости, обычно рассматривают такие процессы биологической изменчивости, как брахицефализация и грацилизация, а также сдвиги в антропологическом составе населения, которые происходят на конкретной территории в результате передвижений и смешения в ходе исторического процесса (Дебец 1961, Алексеева 1972).

Наряду с изменчивостью морфологических особенностей черепа человека, при изучении которой учитывается период времени, измеряемый тысячелетиями, существует и другая разновидность временной изменчивости – вековая или межпоколенная (секулярная) изменчивость, связанная с изменением дефинитивных размеров черепа в ряду поколений (Саливон 2011, Рамазанов 2015). Если проблеме эпохальной изменчивости черепа посвящено достаточно много антропологических работ, то изучению особенностей вековой изменчивости формы и размеров головы (черепа) уделяется гораздо меньше внимания. В основном работы, в которых рассматривается изменчивость размеров и формы головы в ряду поколений, имеют аукологический характер и связаны с изучением изменений ростовых процессов у детей и подростков в контексте «вековой тенденции» («*secular trend*») эпохальных колебаний темпов развития (Велдре 2002; Година 2000; Пурунджан и др. 2002; Vercauteren et al 1983). В то же время анализ морфологической изменчивости дефинитивных размеров и формы головы и тела человека в ряду поколений может являться «ключом», моделью для выявления закономерностей эпохальной трансформации физического типа *Homo sapiens*, которая является результатом микроэволюционных процессов. Изучение популяционной, групповой динамики значений морфологических признаков черепа позволяет расши-

рительное понимание общих закономерностей краниологической изменчивости человека.

В полной мере особенности краниологической изменчивости раскрываются в популяционных исследованиях. Популяционная биология связана с двумя направлениями, определяющими исследования популяционной динамики организмов – «каузальным» и «феноменологическим» (Яблоков 1987). Суть первого направления заключается в познании механизмов различных явлений в популяции, второго – в раскрытии разнообразия популяционных структур и явлений (Яблоков 1987). Если использование первого подхода, связанного с биологическими механизмами популяционных явлений, позволяет объяснить какое-либо одно популяционное событие, то применение второго подхода связано с поиском проявления одного механизма в популяции разных групп организмов (Яблоков 1987).

«Каузальность» (причинность) формирования формы головы (черепа) на индивидуальном уровне обусловлена реализацией геномной программы. Образование той или иной формы данной части тела человека и животных зависит от преобладания определенных продольно-поперечных градиентов роста. Данные ростовые соотношения формируются на основе реализации генетической программы, записанной в геноме организма. Образование формы различных органов происходит с помощью морфогенетических механизмов через гормональный канал реализации генетической информации на тканевом уровне (Харрисон и др. 1979; Бунак 1959, 1968; Мина, Клевезаль 1976; Хрисанфова, Перевозчиков 2005; Шмальгаузен 1982, 1984; Bilezikian et al. 2002).

«Феноменология» антропологических исследований размерности и формы головы в упомянутом контексте популяционной биологии основана на изучении изменчивости морфологической структуры популяций человека по краниологическим признакам. Данная научная работа связана именно с «феноменологическим» направлением популяционных исследований, т.е. с «феноменологическими» аспектами популяционной морфологии (Яблоков 1982).

Основной целью работы является анализ динамики, изменения структуры кефалометрического разнообразия в мужских выборках ряда поколений в южном регионе Беларуси в связи с проблемой эпохальной изменчивости морфологических признаков черепа.

Материал и методы

В работе был использован материал из архива отдела антропологии Института истории НАН Беларуси, полученный И.И. Саливон в 80-е годы XX века, а также в начале XXI века во время работы антропологических экспедиций Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР¹ по государственным программам. Антропологический материал представляет собой результат измерений морфологических особенностей головы 187 мужчин белорусской национальности из южного региона БССР² – Брестской и Гомельской областей. Исходя из цели исследования, общая выборка была разделена на три условных поколения. Выборку поколения I составила сборная группа мужчин численностью 74 человека в возрасте 40–50 лет из Ивацевичского, Малоритского и Пинского районов Брестской области, а также из Житковичского района Гомельской области, обследованных в первой половине 1980-х годов. В выборку поколения II вошли юноши 17 лет из г. Пинска численностью 61 чел., обследованных в 1984–1985 гг. Выборка поколения III численностью 52 чел. была сформирована из юношей 17 лет из г. Пинска, обследованных в 2002–2003 гг.

По унифицированной антропометрической методике были измерены продольный

и поперечный диаметры мозгового отдела головы – размеры, отражающие морфометрические характеристики мозгового отдела головы у обследованных индивидов в норме сверху (анат. *norma verticalis*) (Martin 1957–1966, Бунак 1941).

При исследовании кефалометрического разнообразия, соизменчивости продольного и поперечного диаметров головы была использована классификация морфотипов головы (табл. 1), предложенная В.В. Бунаком (Бунак 1922).

Таблица 1

Морфометрические типы головы и их кефалометрические диапазоны у мужчин

Ширина, мм	Длина, мм		
	Брахиоидный тип (короткоголовый) 149–176	Мезоидный тип (среднедлинноголовый) 177–194	Долихоидный тип (длинноголовый) 195–230
МОРФОТИПЫ			
Стеноидный тип (узкоголовый) 106–135	sb стеноидно-брахиоидный (узкий короткоголовый)	sm стеноидно-мезоидный (узкий среднедлинноголовый)	sd стеноидно-долихоидный (узкий длинноголовый)
Параэуроидный тип (среднеширокоголовый) 136–155	pb параэуроидно-брахиоидный (среднеширокий короткоголовый)	pm параэуроидно-мезоидный (среднеширокий среднедлинноголовый)	pd параэуроидно-долихоидный (среднеширокий длинноголовый)
Эуроидный тип (широкоголовый) 156–179	eb эуроидно-брахиоидный (широкий короткоголовый)	em эуроидно-мезоидный (широкий среднедлинноголовый)	ed эуроидно-долихоидный (широкий длинноголовый)

Для выявления отличий в распределении частот морфотипов головы использовался критерий К. Пирсона χ^2 (Гланц 1998, Рокицкий 1978). Для расчета этого критерия и определения статистической значимости различий в распределении частот морфотипов головы в выборках применялась компьютерная программа БИОСТАТИСТИКА (версия 4.03).

Достоверность различий между частотами отдельных морфотипов в двух выборках оценивалась с помощью критерия «*t*», который вычислялся по формуле 1³ (Weber 1961, Гусева 2010):

$$t = \frac{p_1 - p_2}{\sqrt{\frac{n_1 p_1 + n_2 p_2}{n_1 + n_2} \left(100 - \frac{n_1 p_1 + n_2 p_2}{n_1 + n_2} \right) \frac{n_1 + n_2}{n_1 n_2}}}, \quad (1)$$

где p_1 и p_2 – доля встречаемости определенного морфотипа головы в разных выборках,

n_1 и n_2 – численность выборки 1 и выборки 2.

Для описания особенностей морфологического разнообразия формы головы в сравниваемых группах применялся показатель « μ », используемый в биологических исследованиях для определения внутривидового разнообразия «морф» – фенотипов, генотипов, аллелей, градаций количественных признаков и т.д., который рассчитывался по формуле 2 (Животовский 1980):

$$\mu = \left(\sum_{i=1}^m \sqrt{p_i} \right)^2, \quad (2)$$

где P_i – частоты морфотипов головы в выборке,
 m – количество морфотипов головы в выборке.

Показатель « μ » оценивает среднее число морфотипов в выборке и имеет размерность – «число морфотипов». Когда распределение частот морфотипов равномерное, показатель « μ » равен m . В том случае, если распределение частот морфотипов неравномерное, т.е. одни морфотипы встречаются чаще других, значение показателя « μ » будет меньше m (Животовский 1980).

Ошибка показателя « μ » – s_μ вычислялась по формуле 3 (Животовский 1980):

$$s_\mu = \sqrt{\frac{\mu(m-\mu)}{n}}, \quad (3)$$

где n – объем выборки.

В работе был использован еще один показатель – показатель « h », определяющий долю редких морфотипов и рассчитанный по формуле 4 (Животовский 1980):

$$h = 1 - \frac{\mu}{m} \quad (4)$$

При равномерном распределении морфотипов головы h равно нулю. Это происходит при отсутствии редких морфотипов. В случае неравномерности распределения h отлично от нуля (Животовский 1980).

Ошибка показателя « h » – s_h можно вычислить по формуле 5.1 или 5.2 (Животовский 1980):

$$S_h = \sqrt{\frac{h(1-h)}{N}} \quad (5.1) \quad \text{или} \quad S_h = \frac{S_i}{m} \quad (5.2)$$

На основе значений показателей « μ » и « h » и их ошибок была оценена значимость различий между выборками поколений I, II и III по среднему числу морфотипов (μ) и доле редких морфотипов головы (h) с помощью приближенного критерия « u », рассчитанного по формуле 6 (Животовский 1980):

$$u = \frac{|x_1 + x_2|}{\sqrt{s_1^2 + s_2^2}}, \quad (6)$$

где x_1 и x_2 – значения показателей « μ » или « h » в выборках разных поколений,
 s_1 и s_2 – их статистические ошибки.

Полученные значения критерия « u » сравнивались затем с соответствующими уровнями значимости по таблице нормального распределения (Гланц 1998).

Показатель « μ » оценивает степень разнообразия. Показатель доли редких морфотипов « h » характеризует структуру этого разнообразия (Животовский 1980).

Отношение μ к m (%) соответствует доле среднего числа наиболее распространенных морфотипов при равномерном распределении их частот и является показателем равномерности распределения морфотипов, при этом μ/m (%) + h (%) = 100 (%) всех морфотипов головы при определенном значении m (Гусева 2010: 123).

Результаты и их обсуждение

Распределение значений частот среднеширокоголовых и широкоголовых морфотипов головы в выборках трех поколений мужской части населения южного региона Беларуси приводятся в таблице 2.

Таблица 2

Значения частот встречаемости морфотипов головы в мужских выборках трех поколений

Выборка поколения и ее морфологические характеристики	Морфотипы головы							
	среднеширокоголовые				широкоголовые			
	pb	pm	pd	pb+pm+pd	eb	em	ed	eb+em+ed
I n=74 чел. Прод. диам. – 188,6 мм Поперечн. диам. – 157,5 мм ГУ – 83,6 %	0,0135	0,2568	0,0540	0,3243	0,0000	0,5811	0,0946	0,6757
II n=61 чел. Прод. диам. – 188,2 мм Поперечн. диам. – 160,8 мм ГУ – 85,5 % фаза брахикефализации	0,0000	0,1312	0,0000	0,1312	0,0164	0,7049	0,1475	0,8688
III n=52 чел. Прод. диам. – 188,6 мм Поперечн. диам. – 156,9 мм ГУ – 83,3 % фаза дебрахикефализации	0,0385	0,3077	0,0769	0,4231	0,0000	0,4808	0,0962	0,5769

Примечание: n – численность, ГУ – значение головного указателя. Для продольного, поперечного диаметров и ГУ приводятся средние групповые значения данных кефалометрических признаков.

В выборке поколения I из 3-х широкоголовых морфотипов головы отсутствует широкий короткоголовый (эуроидно-брахиоидный, *eb*) морфотип. Выборка поколения II характеризуется отсутствием 2-х среднешироких морфотипов головы – среднеширокого короткоголового (параэуроидно-брахиоидного, *pb*) и среднеширокого длинноголового (параэуроидно-долихоидного, *pd*) морфотипов. В выборке поколения III, также как и в выборке поколения I, значение частоты широкого короткоголового (эуроидно-брахиоидного, *eb*) морфотипа головы равно нулю.

На рисунке 1 представлены лепестковые диаграммы распределения частот имеющихся морфотипов в выборках трех поколений.

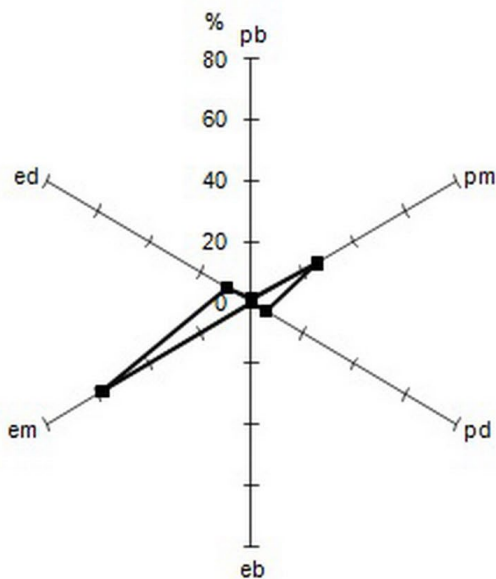

Рис. 1а. Морфологические профили распределения частот встречаемости морфотипов головы в 3-х выборках: а – поколение I.

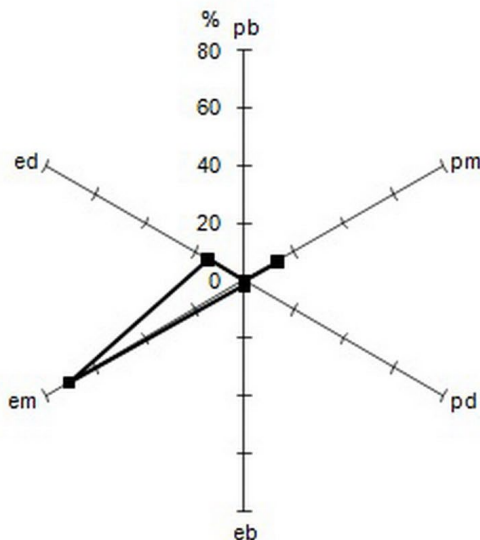

Рис. 1б. Морфологические профили распределения частот встречаемости морфотипов головы в 3-х выборках: б – поколение II.

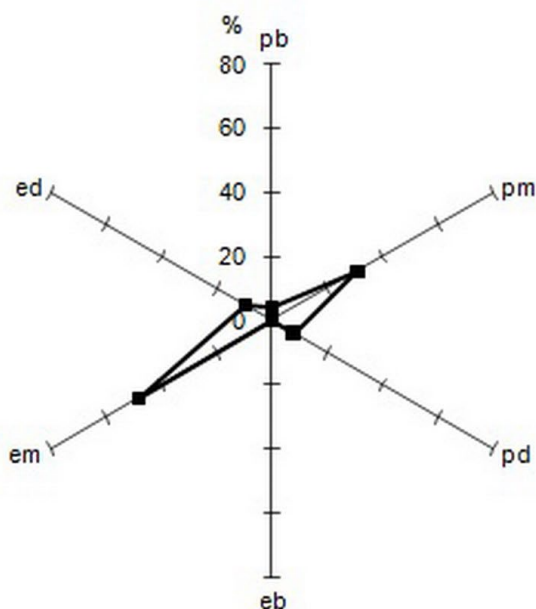

Рис. 1в. Морфологические профили распределения частот встречаемости морфотипов головы в 3-х выборках: в – поколение III.

Морфологические профили в выборках поколений I и III более схожи между собой, чем профили поколений I и II, II и III. Это сходство выражается в большей доле среднешироколовых морфотипов ($pb+pm+pd$) в выборках поколений I (32,43%, табл. 2) и III (42,31%, табл. 2), чем в выборке поколения II (13,12%, см. табл. 2). Соответственно в выборке поколения II отмечается значительное преобладание широкоголовых ($eb+em+ed$) морфотипов (86,88%, табл. 2) над среднеширокоголовыми морфотипами, доля которых составляет 13,12%.

В таблице 3 приводятся статистические параметры значимости различий распределения имеющих частот морфотипов головы в выборках трех поколений.

Таблица 3

Показатели различий распределений частот морфотипов головы в выборках трех поколений

Сравниваемые поколения	Статистические параметры		
	n	χ^2	P
I – II (фаза брахикефализации)	5	9,568	<0,05
II – III (фаза дебрахикефализации)	5	14,952	<0,005
I – III (одинаковое фазовое состояние)	4	1,905	>0,05

Примечание: n – количество степеней свободы, χ^2 – значение критерия Хи-квадрат, P – вероят-ность справедливости нулевой гипотезы.

Следует отметить, что значимые статистические различия ($P < 0,05$) распределений частот морфотипов головы имеются в выборках поколений I и II, II и III, которые находятся в разных фазовых состояниях, т.е. во время брахикефализации и дебрахикефализации. В выборках поколений I и III, находящихся в одинаковых фазовых состояниях, статистически значимые различия распределений частот морфотипов головы отсутствуют.

Статистически значимые различия распределений частот морфотипов головы в выборках разных поколений появляются за счет различий либо тенденции различий частот встречаемости одного или нескольких морфотипов.

На рисунке 2 представлена динамика соотношения частот среднеширокоголовых (pb , pm и pd) и широкоголовых (eb , em и ed) морфотипов в выборках 3-х поколений. Соотношения частот среднеширокоголовых и широкоголовых морфотипов в ме-

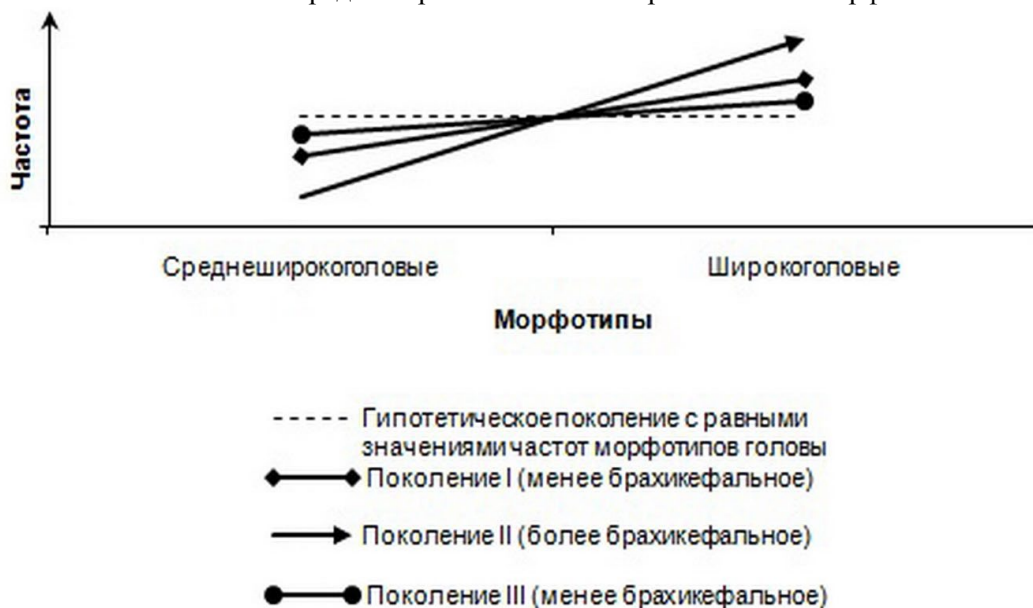

Рис. 2. Соотношение частот морфотипов головы в ряду поколений.

нее брахикефальных выборках (поколения I и III) во время фазы дебрахикефализации более приближено к равновесному состоянию частот морфотипов головы, чем в выборке поколения II, находящегося в фазе дебрахикефализации. Из этого следует, что во время фазы брахикефализации равновесие частот уменьшается.

В таблице 4 содержатся показатели значимости статистических различий значений частот отдельных морфотипов головы в выборках ряда поколений.

В выборке поколения II по сравнению с выборкой поколения I во время фазы брахикефализации отмечается статистическая тенденция ($P < 0,1$) уменьшения значений частот встречаемости среднеширокого среднелинноголового (pm) и среднеширокого длинноголового (pd) морфотипов (табл. 2 и 4). Сравнивая значения частот морфотипов в выборках поколений II и III можно констатировать увеличение значений частот среднеширокого среднелинноголового и среднеширокого длинноголового морфотипа на 17,65% и на 7,69%, соответственно, в выборке поколения III

относительно выборки поколения II (табл. 2 и 4). Также в выборке поколения III относительно выборки поколения II значение частоты встречаемости широкого среднедлинноголового морфотипа меньше на 22,41% (табл. 2 и 4). Различия значений частот морфотипов головы в выборках поколений I и III, находящихся в одинаковом фазовом состоянии, статистически не значимы (табл. 2 и 4).

Таблица 4

Статистические параметры различий частот встречаемости отдельных морфотипов головы в выборках разных поколений

Сравниваемые поколения	Статистические параметры	Морфотипы головы					
		pb	pm	pd	eb	em	ed
I – II (фаза брахикефализации)	n	133					
	t	0,91	1,82	1,84	1,11	1,49	0,95
	P	>0,05	<0,1		>0,05		
II – III (фаза дебрахикефализации)	n	111					
	t	1,55	2,29	2,21	0,93	2,43	0,82
	P	>0,05	<0,05		>0,05	<0,05	>0,05
I – III (одинаковое фазовое состояние)	n	124					
	t	0,91	0,63	0,52	0,00	1,11	0,03
	P	>0,05					

Примечание: n – количество степеней свободы, t – значение критерия Стьюдента, P – вероятность справедливости нулевой гипотезы.

В таблице 5 находятся значения показателей среднего числа морфотипов головы « μ » и доли редких морфотипов головы « h », отражающих степень и структуру кефалометрического разнообразия в мужских выборках каждого из поколений.

Таблица 5

Показатели кефалометрического разнообразия в выборках разных поколений

Поколение	n	m	$\mu \pm s\mu$	Доля (%) μ от m	$h \pm sh$
I	74	5	3,71 \pm 0,25	74	0,26 \pm 0,05
II	61	4	2,94 \pm 0,23	73	0,27 \pm 0,06
III	52	5	4,13 \pm 0,26	83	0,17 \pm 0,05

Примечание: n – численность, чел., m – количество морфотипов, μ – среднее число морфотипов головы, h – доля редких морфотипов, $s\mu$ и sh – ошибки показателей « μ » и « h ».

В выборке поколения II (фаза брахикефализации) количество морфотипов головы (m) меньше, чем в выборках двух других поколений (I и III). При этом кефалометрические профили (доля μ от m и доля редких морфотипов головы) более схожи в выборках поколений I и II, находящихся в разных фазовых состояниях.

Параметры значимости статистических различий значений показателей среднего числа и доли редких морфотипов головы представлены в таблице 6.

Таблица 6

Статистические параметры различий значений показателей кефалометрического разнообразия в выборках разных поколений

Поколение	I	II	III
I	0	n=133 u=2,26 P<0,05	n=124 u=1,17 P>0,05
II	n=133 u=0,13 P>0,05	0	n=111 u=3,40 P<0,001
III	n=124 u=1,23 P>0,05	n=111 u=1,25 P>0,05	0

Примечание: n – количество степеней свободы, u – значение критерия, P – вероятность справедливости нулевой гипотезы; над диагональю таблицы, образованной нулевыми значениями, приведены статистические параметры для показателя « μ », под диагональю – для показателя « h ».

В выборке поколения II значение показателя среднего числа морфотипов головы « μ » на 0,77 меньше ($P<0,05$), чем значение данного показателя в выборке поколения I (табл. 5 и 6). Значение показателя среднего числа морфотипов головы « μ » в выборке поколения III на 1,19 больше ($P<0,001$) значения этого показателя в выборке поколения II (табл. 5 и 6). В выборках поколений I и III различие значений показателя среднего числа морфотипов головы « μ » статистически не значимо ($P>0,05$). Доля редких морфотипов головы (показатель « h ») в выборках ряда поколений не имеет статистически значимых различий. Это значит, что структура кефалометрического разнообразия в выборках менее брахикефальных поколений (фаза дебрахикефализации) и более брахикефального поколения (фаза брахикефализации) не изменяется. Но при этом следует отметить, изменения наименований редких морфотипов головы. Если в выборках поколений I и III (фаза дебрахикефализации) к редким морфотипам головы можно отнести среднеширокий короткоголовый (pb) и среднеширокий длинноголовый (pd) морфотипы, то в выборке поколения II (фаза брахикефализации) редкими морфотипами головы являются среднеширокий среднедлинноголовый (pt) и широкий короткоголовый (eb) морфотипы. При этом широкий длинноголовый (ed) морфотип является редким как для поколений I и III, так и для поколения II.

Заключение

Анализ соизменчивости продольного и поперечного диаметра головы в мужских выборках ряда поколений южного региона Беларуси в конце XX – начале XXI века позволяет сделать следующие выводы.

1. В более брахикефальной выборке (поколение II) относительно менее брахикефальных (поколения I и III) на статистически значимом уровне повышена

частота встречаемости широкоголовых (эуроидных) и снижена частота встречаемости среднеширокоголовых (параэуроидных) морфотипов.

2. В более брахикефальной выборке поколения II соотношение частот среднеширокоголовых и широкоголовых морфотипов более неравновесно, чем в менее брахикефальных выборках поколений I и III.
3. В более брахикефальной выборке поколения II уменьшена степень кефалометрического разнообразия по сравнению с менее брахикефальными выборками поколений I ($P < 0,05$) и III ($P < 0,001$), у которых степень кефалометрического разнообразия, наоборот, увеличена.

Из выше приведенных выводов следует, что смена фаз брахикефализации (поколения I – II) и дебрахикефализации (поколения II – III) сопровождается перераспределением частот встречаемости широких и среднешироких морфотипов головы, изменением их соотношения и степени кефалометрического разнообразия. Фаза брахикефализации характеризуется увеличением доли широкоголовых морфотипов за счет сокращения доли среднеширокоголовых морфотипов головы, что приводит к уменьшению степени кефалометрического разнообразия. Фаза дебрахикефализации имеет противоположные характеристики: уменьшается доля широкоголовых и увеличивается доля среднеширокоголовых морфотипов. При этом растет степень кефалометрического разнообразия.

Включение в морфологический анализ большего числа поколений и анализ изменчивости диаметров головы в женских выборках значительно дополнит знание закономерностей популяционной динамики морфологических особенностей головы в ряду поколений современного населения Беларуси в связи с проблемой изменчивости во времени формы и размерности головы в популяциях человека.

Примечания

¹ Теперь – филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследования белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси».

² Теперь Республики Беларусь.

³ Также расчет можно осуществить по формуле, которую приводит П. Ф. Рокицкий (*Рокицкий* 1978: 176).

Литература

- Алексеев* 1978 – *Алексеев В.П.* Палеолит земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978.
- Алексеев* 1985 – *Алексеев В.П.* Человек: Эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М.: Наука, 1985.
- Алексеева* 1972 – *Алексеева Т.И.* Характер эпохальных изменений краниологических признаков в славянском населении Восточной Европы и некоторые вопросы его этнической истории // *Человек. Эволюция и внутривидовая дифференциация.* М.: Наука, 1972. С. 133–148.
- Бунак* 1922 – *Бунак В.В.* Основные морфологические типы черепа человека и их эволюция // *Русский антропологический журнал*, 1922. Т. 12. Кн. 1–2. С. 6–57.
- Бунак* 1941 – *Бунак В.В.* Антропометрия. Практич. курс. Пособ. для ун-тов. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941.
- Бунак* 1959 – *Бунак В.В.* Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // *Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия*, 1959. Т. 49.
- Бунак* 1968 – *Бунак В.В.* Об эволюции формы черепа // *Вопросы антропологии*, 1968. № 30. С. 3–16.

- Велдре* 2002 – *Велдре Г.* Изменчивость антропометрических характеристик подростков г. Тарту во времени // Антропология на рубеже веков. Минск: БГПУ, 2002. С. 58–65.
- Гланц* 1998 – *Гланц С.* Медико-биологическая статистика. М.: Практика, 1998.
- Година* 2000 – *Година Е.З.* Эпохальная трансформация размеров тела и головы у московских детей и подростков как критерий микроэволюционных процессов // Народы России. Антропология. М.: Старый Сад, 2000. Ч.2. С. 305–330.
- Гусева* 2010 – *Гусева И.С.* Пальцевые узоры человека. Морфология. Морфогенез. Генетика. Минск.: ФУАинформ, 2010.
- Дебец* 1961 – *Дебец Г.Ф.* О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида // Советская этнография, 1961. № 2. С. 9–23.
- Дробышевский* 2007 – *Дробышевский С.В.* Эволюция мозга человека: анализ эндокраниометрических признаков гоминид. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- Животовский* 1980 – *Животовский Л.А.* Показатель внутривидового разнообразия // Журнал общей биологии, 1980. Т. XLI. № 6. С. 828–836.
- Кочеткова* 1973 – *Кочеткова В.И.* Палеоневрология. М.: Издательство Московского университета, 1973.
- Медникова* 2002 – *Медникова М.Б.* Эпохальная изменчивость размеров тела человека: мифы и реальность // Орус. Междисциплинарные исследования в археологии, 2002. № 1–2. С. 59–65.
- Мина, Клевезаль* 1976 – *Мина М.В., Клевезаль Г.А.* Рост животных. М.: Наука, 1976.
- Пурунджан и др.* 2002 – *Пурунджан А.Л., Година Е.З., Хомякова И.А., Задорожная Л.В.* Особенности эпохальных изменений размеров тела и головы детей и подростков Республики Беларусь и Московского региона // Материалы IV Международного конгресса по интегративной антропологии. СПб., 2002. С. 299–301.
- Рогинский* 1969 – *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1969.
- Рокицкий* 1978 – *Рокицкий П.Ф.* Введение в статистическую генетику. Минск: Вышэйшая школа, 1978.
- Савельев* 2011 – *Савельев С.В.* Современные аспекты эволюции мозга человека // Актуальные вопросы антропологии, 2011. № 6. С. 3–28.
- Саливон* 2011 – *Саливон И.И.* Территориальные особенности и межпоколенные изменения структурных показателей головы, лица и тела у современного населения Республики Беларусь в XX в. // Изменения физического типа населения Беларуси за последнее тысячелетие. Минск: Беларуская навука, 2011. С. 38–71.
- Харрисон и др.* 1979 – *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В.* Биология человека. М.: Мир, 1979.
- Хрисанфова, Перевозчиков* 2005 – *Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология. М.: Издательство Московского университета: издательство «Наука», 2005.
- Шмальгаузен* 1982 – *Шмальгаузен И.И.* Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М.: Наука, 1982.
- Шмальгаузен* 1984 – *Шмальгаузен И.И.* Рост и дифференцировка. Избранные труды в 2-х томах. Т. 2. Рост и общие размеры тела в связи с их биологическим значением. Киев: Наук. думка, 1984. С. 146–156.
- Яблоков* 1982 – *Яблоков А.В.* Популяционная морфология – пути развития и очередные задачи // Проблемы развития морфологии животных. М.: Наука, 1982. С. 90–112.
- Яблоков* 1987 – *Яблоков А.В.* Популяционная биология. М.: Высшая школа, 1987.
- Bilezikian John P. (ed.) et al.* 2002 – *Bilezikian John P., Raisz Lawrence G., Rodan Gideon A.* Principles of Bone Biology. Academic Press: San Diego, San Francisco, New York, Boston, London, Sydney, Tokyo, 2002. Vol. 1.
- Martin, Sailer* 1957–1966 – *Martin R., Sailer K.* Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Stuttgart, 1957–1966.
- Pamazanau* 2015 – *Pamazanau M.* Peculiarities in the Variability of Head Shape in Consecutive Generations of the Modern Belarusian Population // International Journal of Anthropology,

2015. Vol. 30. No. 3–4. Pp. 225–234.

Vercauteren et al. 1983. – *Vercauteren M., Susanne C., Orban R.* Evolution seculaire des dimensions cephaliques chez des enfants belges, entre 1960 et 1980 // *Bulletins et memoires de la Societe d'anthropologie de Paris*, 1983. Vol. 10. Pp. 13–24.

Weber 1961 – *Weber E.* Grundriss der biologischen Statistik. Jena: Gustav Fischer Verlag, 1961. Vol. 4.

References

Alekseev V.P. Chelovek: Evoliutsiia i taksonomiia. Nekotorye teoreticheskie voprosy. Moscow: Nauka, 1985.

Alekseev V.P. Paleolit zemnogo shara i formirovanie chelovecheskikh ras. Paleolit. Moscow: Nauka, 1978.

Alekseeva T.I. Kharakter epokhal'nykh izmenenii kraniologicheskikh priznakov v slavianskom naselenii Vostochnoi Evropy i nekotorye voprosy ego etnicheskoi istorii.. Chelovek. Evoliutsiia i vnutrividovaia differentsiatsiia, V.P. Iakimov (ed.). Moscow: Nauka, 1972. Pp. 133–148.

Bilezikian John P., Raisz Lawrence G., Rodan Gideon A. Principles of Bone Biology. Academic Press: San Diego, San Francisco, New York, Boston, London, Sydney, Tokyo, 2002. Vol. 1.

Bunak V.V. Antropometriia. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR, 1941.

Bunak V.V. Cherep cheloveka i stadii ego formirovaniia u iskopaemykh liudei i sovremennykh ras.. Trudy Instituta etnografii AN USSR. Novaia seriia., M.G. Levin (ed.). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1959. Vol. 49.

Bunak V.V. Ob evoliutsii formy cherepa.. Voprosy antropologii, 1968. No. 30. Pp. 3–16.

Bunak V.V. Osnovnye morfologicheskie tipy cherepa cheloveka i ikh evoliutsiia.. Russkii antropologicheskii zhurnal, 1922. Vol. 12. No. 1–2. Pp. 6–57.

Debets G.F. O nekotorykh napravleniakh izmenenii v stroenii cheloveka sovremennogo vida.. Sovetskaia etnografiia, 1961. No. 2. Pp. 9–23.

Drobyshevskii S.V. Evoliutsiia mozga cheloveka: analiz endokraniometricheskikh priznakov gominid. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2007.

Glants S. Mediko-biologicheskaiia statistika. Moscow: Praktika, 1998.

Godina E.Z. Epokhal'naia transformatsiia razmerov tela i golovy umoskovskikh detei i podrostkov kak kriterii mikroevoliutsionnykh protsessov.. Narody Rossii. Antropologiiia. Moscow: Staryi Sad, 2000. Vol. 2. Pp. 305–330.

Guseva I.S. Pal'tsevye uzory cheloveka. Morfologiiia. Morfogenez. Genetika. Minsk: FUAinform, 2010.

Iablokov A.V. Populiatsionnaia biologiiia. Moscow: Vysshaiia shkola, 1987.

Iablokov A.V. Populiatsionnaia morfologiiia – puti razvitiia i ocherednye zadachi.. Problemy razvitiia morfologii zhivotnykh. E.I. Vorob'eva (ed.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 90–112.

Kharrison Dzh., Uainer Dzh., Tenner Dzh., Barnikot N., Reynolds V. Biologiiia cheloveka. Moscow: Mir, 1979.

Khrisanfova E.N., Perevozchikov I.V. Antropologiiia. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta: izdatel'stvo Nauka, 2005.

Kochetkova V.I. Paleonevrologiiia. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1973.

Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. K. Sailer (ed.). Stuttgart, 1957–1966.

Mednikova M.B. Epokhal'naia izmenchivost' razmerov tela cheloveka: mify i real'nost'.. Opus. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii, 2002. No. 1–2. Pp. 59–65.

Mina M.V., Klevezal' G.A. Rost zhivotnykh. Moscow: Nauka, 1976.

Pamazanau M. Peculiarities in the Variability of Head Shape in Consecutive Generations of the Modern Belarusian Population.. International Journal of Anthropology, 2015. Vol. 30. No. 3–4. Pp. 225–234.

Purundzhan A.L., Godina E.Z., Khomiakova I.A., Zadorozhnaia L.V. Osobennosti epokhal'nykh

- izmenenii razmerov tela i golovy detei i podrostkov Respubliki Belarus' i Moskovskogo regiona.. Materialy IV Mezhduнародnogo kongressa po integrativnoi antropologii. St. Peterburg, 2002. Pp. 299–301.
- Roginskii Ia.Ia. Problemy antropogeneza. Moscow: Vysshaia shkola, 1969.
- Rokitskii P.F. Vvedenie v statisticheskuiu genetiku. Minsk: Vysshaia shkola, 1978.
- Salivon I.I. Territorial'nye osobennosti i mezhpokolennye izmeneniia strukturnykh pokazatelei golovy, litsa i tela u sovremennogo naseleniia Respubliki Belarus' v 20 v.. Izmeneniia fizicheskogo tipa naseleniia Belarusi za poslednee tysiacheletie. Minsk: Belorusskaia nauka, 2011. Pp. 38–71.
- Savel'ev S.V. Sovremennye aspekty evoliutsii mozga cheloveka. Aktual'nye voprosy antropologii, 2011. No. 6. Pp. 3–28.
- Shmal'gauzen I.I. Organizm kak tseloe v individual'nom i istoricheskom razviti. Moscow: Nauka, 1982.
- Shmal'gauzen I.I. Rost i differentsirovka. Izbrannye trudy v 2 tomakh.. Rost i obshchie razmery tela v svyazi s ikh biologicheskim znacheniem. Kiev: Nauchnaia mysl', 1984. Vol. 2 Pp. 146–156.
- Veldre G. Izmenchivost' antropometricheskikh kharakteristik podrostkov g. Tartu vo vremeni. Antropologiya na rubezhe vekov, L.I. Tegako (ed.). Minsk: BGPU, 2002. Pp. 58–65.
- Vercauteren M., Susanne C., Orban R. Evolution seculaire des dimensions cephaliques chez des enfants belges, entre 1960 et 1980. Bulletins et memoires de la Societe d'anthropologie de Paris, 1983. Vol. 10. Pp. 13–24.
- Weber E. Grundriss der biologischen Statistik. Jena: Gustav Fischer Verlag, 1961. Vol. 4.
- Zhivotovskii L.A. Pokazatel' vnutripopulatsionnogo raznoobrazii.. Zhurnal obshchei biologii, 1980. Vol. XLI. No. 6. Pp. 828–836.

N.N. Pamazanov. Secular features of the cephalometric diversity of the men of the southern region of Belarus in the context of the problem of epochal skull morphology variability.

Dynamics of values of morphological characters in consecutive human generations can be observed as an example of anthropological changeability in time. The article contains data reflecting cochangeability of longitudinal and transverse head diameter of men belonging to different generations. The article gives analysis of the occurrence frequency of different combinations of the values of longitudinal and transverse head diameters, i.e. different head morphotypes. Indicators of intragroup diversity head morphotypes were calculated on the basis of different head morphotypes which characterises the extent and structure of this diversity in each generation. Morphological analysis was conducted on the basis of the statement concerning a two-phase nature of the changeability of a head shape - phase sequence of brachycephalisation and debrachycephalisation. It was found out that the uniformity in the distribution of frequencies of available morphotypes decreases during brachycephalisation phase (in more brachycephalic sample). On the contrary, the uniformity in the distribution of frequencies of available morphotypes increases during debrachycephalisation phase (in less brachycephalic sample). In this case, during both phases, diversity of structure (percent of rare morphotypes) remains constant in the presence of differences in the degree of morphological diversity. Dynamics of morphological diversity of backskull in consecutive generations can be a model for studying changeability of a head shape in human populations. This makes it possible to deepen the understanding of the general laws of human cranial changeability – a classic problem of anthropological science.

Key words: *morphological diversity, cephalometric features, consecutive generations.* 39+

ДИСКУССИИ

УДК 39+303.833.6

© С.А. Арутюнов

КУДА ТЫ, ЧЕРЕПАХА?¹

Автор продолжает дискуссию, открытую в «Вестнике антропологии» (2016, № 4). Критикуя постмодернизм в антропологии, он на примере статей А.Н. Кожановского, Е.В. Холлер, И.А. Кучеровой и Р.Н. Игнатьева показывает, что увлечение постмодернизмом уводит от понимания реальных процессов, происходящих в обществе и в сознании людей. Вместе с тем, автор признает ограниченность возможностей ученого в исследовании этих процессов, применяя известную апорию греческого философа Зенона «Ахиллес и черепаха».

Ключевые слова: *постмодерн, самосознание, идентичность.*

Как только появилась статья четырех авторов – А.Н. Кожановского, Е.В. Холлер, И.А. Кучеровой, Р.Н. Игнатьева – (Кожановский и др. 2016) откликнуться на нее захотелось сразу, тем более, что редколлегия прямо приглашала к этому, а С.В. Чешко в своем отклике наметил некоторые направления возможной критики или, во всяком случае, обсуждения (Чешко 2016).

Однако, прошло уже немало времени с момента публикации, но особой реакции не заметно. Поэтому я счел возможным высказать несколько своих замечаний, хотя было бы интереснее дождаться, пока это сделают более молодые коллеги, поскольку именно им присуще внимание к так называемому постмодерну, и именно к молодому поколению относятся трое из авторов статьи.

Сначала несколько слов о словах: я затрудняюсь сказать, когда именно в словаре русскоязычных авторов появилось слово самосознание, но хорошо помню, что уже с начала 1970-х годов обозначилась трудность передачи его в англоязычном тексте. Дело в том, что подобно небольшому ряду других, хорошо освоенных русским языком слов (санкция, пафос и др.) слово self-consciousness при обманчивой схожести на соответствующее слово русского языка обладает в английском своим, совершенно иным и особым значением, а именно – «неловкость, застенчивость», что неоднократно ставило переводчиков в тупик. Постепенно русскоязычные авторы стали избегать русского слова самосознание, заменяя его на идентичность, что еще больше запутало дело, так как в русском языке этот термин имеет свое, давно устоявшееся и совершенно иное содержание («равнозначный», «равноценный» и производные от них).

К сожалению, употребление данного латинского корня в значении принадлежности настолько укоренилось, что стало общепринятым и как бы само собой разумеющимся. Тем не менее ясно, что в заглавии рассматриваемой статьи («Перестройка

Арутюнов Сергей Александрович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gusaba@iea.ras.ru.

идентичности и трансформация традиционного уклада жизни в странах Европы на рубеже XX–XXI веков: уроки одного исследования») термин идентичность употреблен именно в смысле самосознания. А слово «перестройка» полностью «идентично» стоящему в этой же строке термину трансформация.

Известно, что о терминах не спорят, о них уславливаются. Приходится, однако, с сожалением констатировать, что условиться никак не удастся, и дебри нашего профессионального волапука¹ становятся лишь еще глушобнее².

Рассмотрение являющейся предметом нашей дискуссии статьи облегчается очень малым набором ключевых слов, вынесенных в преамбулу. Это: идентичность (как мы уже выяснили, в смысле самосознания), трансформация (в смысле перестройки), методы исследования (слава богу, в общепринятом смысле) и четыре названия стран (Австрия, Исландия, Испания, Сербия); правда, сама статья не столь уж большая – она занимает вместе с библиографией стр. 106–131 и состоит из четырех отдельных статей, написанных по разному плану и нуждающихся каждая в отдельном рассмотрении. Общее замечание, которое можно сделать по всем этим четырем неравновеликим сегментам, – это явный, характерный для всех продуктов, находящихся в тренде постмодерна, и видимо вполне сознательный, отказ от историзма.

В самом деле, что такое рубеж XX–XXI вв. хотя бы для Испании? Насколько я могу судить, вся эпоха правления короля Хуана Карлоса Бурбона, занявшая около сорока лет, и является таким рубежом, хотя трансформация уклада жизни его подданных подспудно началась еще до его восшествия на трон. Но сколько таких рубежей или относительно недолгих переломных эпох, имевших важнейшее значение для своего времени, пережило население Пиренейского полуострова, начиная хотя бы со времен Сертория (II–I вв. до н.э.)? Об их числе можно спорить, но каждый раз они сопровождались существенной «перестройкой» этнического состава этого населения, а стало быть, и изменением его самосознания («идентичности»).

При этом, уже во времена Сертория, и во все последующие века это население говорило, в основном, на одном и том же по своему корневому составу романском языке, выполнявшем роль более или менее общепонятного койнэ, при постоянной эволюции грамматического строя и фонетического облика этого языка, функционировавшего под разными именами и при наличии массы других разнородных и специфичных для каждой эпохи локальных языков. И что самое важное, память о них и о сопутствующих им конфигурациях культуры так или иначе содержится в самосознании ныне живущих испанцев, хотя бы в латентной форме. Я понимаю, что охватить эту тему невозможно в рамках небольшой статьи, но как-то обозначить ее было бы чрезвычайно важно.

А. Кожановский центральной темой своей статьи сделал рассмотрение очень резкого перехода от охранительных и реакционных традиций франкистского режима к революционному разрыву с ними и к поддержке новых веяний мультикультурализма, прогрессизма, феминизма и всех тех, подчас безоглядно крайних неолеволлиберальных черт, которые так характерны сегодня, для, мягко говоря, слегка заевшегося западноевропейского мейнстрима. Это обычное движение маятника, не способного и не должествующего остановиться на центральной вертикали «благородного срединного пути», но совершающего многократные качания в сторону то левой, то правой крайней точки. Таких качаний на примере Пиренейского полуострова можно наблюсти немало, на протяжении всего более чем двухтысячелетнего периода его цивилизационного развития, и каждый раз крайний фанатизм и мракобесие одних сменялось недолгим, но плодотвор-

ным временем расцвета толерантности у других (впрочем подчас готовых шарахнуть в другую крайность), многоцветья того или иного вида либеральности и т.д.

Другое дело, что история с большей достоверностью сохранила неизбежно следующий за такими благими временами новый уход маятника в сторону мракобесия. Чтобы не быть голословным, извинившись перед читателем, который наверняка все это знает, я назову римское общество накануне христианства, изуверство раннего христианства, расцвет арабско-мавританской культуры, жуткую реакцию по завершении реконкисты, вплоть до наступления просвещенного XIX века, затем обещавшую (как и в России) долгожданную свободу республику, и уже протекавшие на нашей памяти события середины и конца XX века.

Что касается самосознания, то еще русские путешественники и мореплаватели конца XVIII – начала XIX века, люди, в душах которых прорастал гуманизм грядущих декабристов, наблюдая испанцев в их американских и филиппинских колониях, с удивлением отмечали упадок, говоря языком Л.Н. Гумилева, их былой пассионарности и делали вывод, что это совсем другие испанцы, нежели те, что совершали реконкисту и конкисту.

Впрочем, видимо глубокая расколотость общества на правую и левую, либерально-толерантную и радикально-интолерантную части вообще характерна для траектории иберийского самосознания и, наряду с людьми, с надеждой ожидавшими избавления от оков франкизма, было немало и тех, которые, недовольные относительной легкостью этих оков, уходили добровольцами в ряды Голубой дивизии.

В нескольких строчках в начале повествования (с. 109) А. Кожановский упоминает испанских авторов (А. Мигель, Э. Ламо де Эспиноса, Б. Сантамарина Кампос), в трудах которых, как представляется, некие данные об исторических предпосылках и даже о волнообразном характере их эволюции присутствуют, равно как и восприятие их простыми испанцами. Однако эта тема не получает дальнейшего развития.

Крутизна происходящих трансформаций проявляется более всего, согласно Кожановскому, в отношении к религии и к роли женщин в общественной жизни. Однако, если в 2002 г. 42% испанцев все еще заявляли, что они твердо верят в бога, а 31%, что скорее верят, чем нет, то это довольно высокий процент верующих для современного индустриального общества. Для сравнения, можно сказать, что в Японии на это же время было те же 73% граждан, безусловно, не верящих ни в какие сверхъестественные силы, хотя и благожелательно относящихся к роли религиозных институций в общественной жизни.

Что же касается роли, которую играют женщины, то, несомненно, покойный каудильо не раз и не два перевернулся бы в гробу, услышав, что военный парад принимает дама на седьмом месяце беременности. Однако, есть все основания считать, что доля пассионарных, отважных, некомформных и прямо воинственных женщин не так уж и мала была в Испании и в прошлом. Разница лишь в том, что во времена Торквемады такие женщины назывались «ведьмами» и горели на кострах, во времена Гойи – «махами» – и вдохновляли на подвиги карлистов, герильеросов и прочих некомформных мужчин разных направлений, а в наши дни эти эвентуальные «ведьмы» уже командуют парадом.

И уклад жизни, и соответствующее ему самосознание меняются, хотя и постепенно, но все же с определенной прерывистостью или скачкообразностью. Нам, антропологам, заинтересованным в их изучении, не угнаться за ними, как в извест-

ной апории Зенона о черепахе. И мы, подобно Ахиллесу, можем лишь бесконечно приближаться к их постижению.

Следующий, как по порядку, так и по размеру раздел коллективной статьи принадлежит Е. Холлер. Она имеет преимущество в том, что в основном проживая в Австрии, рассматривает исследуемое общество одновременно и со стороны и изнутри методом полностью включенного наблюдения. Кроме того, она наиболее эксплицитно обозначает и свое понимание норм постмодернизма и свое принятие этих норм.

Текст Е. Холлер – единственный, который, кроме обычного повествования использует и рисуночную схему, но надо сказать, что эта схема и малопонятна и мало-содержательна. Помимо включения восходящего к З. Бауману понятия глокализация, которое долженствует интегрировать в себе как локальное, так и глобальное начало в интериоризации макрокосма в микрокосме, эта схема построена на противопоставлении двух типов индивидуального сознания. Одно (локальное) обозначается условно собирательным термином *salzkammergut* и обнимает все привлекательное, что связано с курортами и туризмом, противопоставлен же ему комплекс абстрактных космополитических ценностей.

Сегодня трудно сказать, как на самом деле восприняло австрийское общество 80 лет назад факт аншлюса. Ясно одно: для разных социальных групп, для разных типов отдельных личностей, для носителей разных статусных ролей это восприятие не могло не быть неодинаковым и неоднозначным. Людей, которые были бы взрослыми и политически сознательными на момент аншлюса, практически уже нет в живых, и не у кого спросить, как и кем воспринимался лозунг «*Ein Volk – ein Reich*», который в те времена глядел на обывателя со всех стен, открыток и почтовых марок.

Я попал в Австрию в начале 70-х годов XX века, и могу сказать, что по моим впечатлениям первой заботой любого жителя любой немецкоговорящей страны, кроме собственно Германии (а тогда еще и двух Германий), было стремление, чтобы его не считали немцем. Это в равной мере было характерно и для эльзасца, и для люксембуржца, и для швейцарца, и, разумеется, более всего для австрийца. Думаю, что в какой-то мере такие настроения актуальны и сейчас, хотя этот вопрос нуждается в углубленном изучении. Во всяком случае, мне приходилось и отчасти приходится и сейчас слышать от австрийцев утверждение, что на самом деле они отнюдь не немцы, а, скорее, как бы славяне, но только перешедшие на немецкий язык. Иногда это дополняется утверждением, что, дескать, вот чехи, мол, совсем наоборот, они по характеру как раз скорее немцы, но только почему-то говорящие на славянском языке.

Наверное, трудно найти в мире общность, этническую, религиозную или какую-то другую, в самосознании которой полностью отсутствовали бы элементы какой-либо травмы, обиды, пережитой несправедливости, ущербности, недостаточной вознагражденности, несоизмеримой наказанности и т.д. По понятным причинам такая травмированность в весьма высокой степени присуща как немцам, так и в той или иной мере другим немецкоговорящим общностям. Однако, австрийцам она присуща едва ли не в наибольшей степени, хотя они не всегда готовы признаться в этом даже самим себе. Это обстоятельство во многом предопределяет особенности австрийского самосознания, к нему добавляется ностальгия по имперскости, по ведущей роли Вены в культурной жизни всей Европы, (пожалуй, наравне с Парижем), ощущение диспропорциональности современной Австрии как маленького тела с гипертрофированной громадной головой.

Перечисление аналогичных диспропорций можно продолжить, а к нему добавляется еще, наряду с неизбежным ощущением общего провинциализма, и осязаемый местный локальный провинциализм. С другой стороны, провинциальная особость и специфика нередко культивируется, так как является хорошо продаваемым на туристическом рынке товаром. Свою коммерческую сторону имеет и открытое, приветливое отношение австрийцев к иностранным гостям страны, и относительная терпимость к гастарбайтерам, и настойчивость в сохранении нейтралитета. Все сказанное требует своего исследования, которое, в свою очередь, предусматривает огромные усилия и многоплановый сбор фактического материала. Нелепо было бы ожидать такого подвига от начинающего исследователя, но какие-то более или менее детализированные заявки в тексте Е. Холлер хотелось бы видеть.

Учитывая, что мигранты в населении современной Австрии составляют 20%, а в населении Вены почти 40%, а также то многообразие исходных точек, откуда они прибыли, можно ожидать, что дальнейшие исследования автора в этом направлении дадут немало нового и очень ценного материала.

Два других сегмента рассматриваемого сложносоставного труда невелики как по общему объему, так и по набору выделенных сюжетов. Раздел И. Кучеровой о «текучей современности» Исландии занимает всего три страницы, текст Р. Игнатьева, заголовок которого не содержит названия страны, говорит о населении Балканского полуострова и, в частности, о Сербии, но конкретно о трансформации уклада жизни или об изменении сербского национального или этнического самосознания мы из данной статьи почти ничего не узнаем. Разговор, скорее, идет о восприятии самим этнографом собственной работы или о том, как он, этнограф, изменяется в ходе этой работы, как он не только получает информацию от информанта, но как совершенствуется он сам в ходе контакта с местными жителями, как много можно почерпнуть из общения с маргинальными личностями в среде местных жителей, которых большинство их соседей считает безобидными чужаками, но чей ум помнит много историй и обстоятельств, проходящих мимо внимания основной массы их земляков.

Однако, никакого конкретного представления о тех фундаментальных переменах, которые неизбежно должны были произойти и произошли хотя бы в связи с распадом Югославии и с кровопролитной войной в этой стране, мы из статьи Р. Игнатьева почерпнуть не можем.

Р. Игнатьев пишет: «Если принять точку зрения, что традиционный уклад в Сербии отражал функционирование “долговременных структур”, то станет ясно, что трансформация последних в условиях распада Османской и Австро-Венгерской империй после Первой мировой войны и трагических событий Второй мировой войны неизбежно изменила этот уклад и привела миллионы людей к идентичностям, санкционированным государствами региона» (с. 126).

С этим утверждением согласиться невозможно. Идентичность человека не санкционируется государством. Роберт Бернс писал (перевод С. Маршака): «Король лакея своего назначит генералом, но он не может никого назначить славным малым». Так обстоит дело и с идентичностью и, по-моему, больше говорить здесь не о чем. Другое дело, что человек может среди своего окружения «сойти» за того, кем на самом деле не является, и немалому числу евреев в годы Холокоста удавалось выдать себя за немца, украинца, румына и др., и таким образом избежать гибели. Но причём тут идентичность или самосознание?

Задачи, стоявшие перед И. Кучеровой, во многом сходны с задачами, стоявшими перед Е. Холлер, но возможностей для исследования у нее было гораздо меньше. Правда, Исландия куда меньше Австрии, да и проблемы ее попроще, и все же. История маленькой страны на краю европейского мира насчитывает уже более тысячи лет. Ее жители могут гордиться именами нобелевского лауреата Х. Лакснесса и всемирно известной актрисы и певицы Бьорк, вписанностью своей истории во всеевропейскую сагу о викингах и своих саг в общеевропейскую литературу, да мало ли чем еще. И в то же время немало исландцев тяготится таким большим наследием как непомерным для столь малой страны, и хотелось бы отбросить свою идентичность и быть просто гражданами мира. Но возможно ли это вообще? Трудно ответить на этот вопрос, да, наверное, адепты постмодернизма и не должны пытаться на него ответить.

Я с большой симпатией и уважением отношусь ко всем четырем авторам рассматриваемой статьи. Они сделали то, что могли, вернее то, что можно было сделать, не нарушая маловразумительных рамок малопонятого канона постмодерна. Они представили текст, имеющий несомненную и существенную познавательную ценность. И, тем не менее, читая его, я не могу отделаться от двух других текстов, настойчиво стоящих перед глазами.

Один – это лаконичная надпись «Ура демократии и смерть фашизму!» Надпись сделана на турецком языке на стене устрасшающе грязного общественного туалета в парке Пратер на окраине Вены.

Второй текст – это неожиданно вновь ставшая злободневной пародия на стихи поэта Леонида Мартынова, написанная уже давно, к сожалению, покойным ведущим программы «Вокруг смеха» Александром Ивановым. Она гласит:

Вы спросите, зачем все это сказано,
Давным-давно известное?
Не эхо ли оно того, что все на свете связано,
И в огороде бузина обязана
Цвести, а к дядьке в Киеве приехали
Племянники, желающие пламенно
Горилки всласть испить тьмутаракаменно.

Примечания

¹ *Волатюк* – один из искусственных языков (наряду с эсперанто и др.). Создан в 1879 г. немецким католическим священником Иоганном Мартином Шлейером.

² Словом «глуца» («глуцоба») переводчица Д. Орловская передала кэрролловский неологизм *tulgey woods* в знаменитом стихотворении «Jabberwocky», входящем в сказку «Алиса в Зазеркалье» (перевод основного текста сказки Н. Демуровой).

Литература

Кожановский и др. 2016 – Кожановский А.Н., Холлер Е.В., Кучерова И.А., Игнатъев Р.Н. Перестройка идентичности и трансформация традиционного уклада жизни в странах Европы на рубеже XX–XXI вв.: уроки одного исследования // Вестник антропологии, 2016. № 4 (36). С. 106–131.

Чешко 2016 – Чешко С.В. Чем больше знаешь, тем меньше понимаешь... // Вестник антропологии, 2016. № 4 (36). С. 132–135.

References

- Kozhanovskii A.N., Kholler E.V., Kucherova I.A., Ignatiev R.N.* Perestroika identichnosti i transformatsiia traditsionnogo ukladazhizni v stranakh Evropy na rubezhe XX–XXI vv.: uroki odnogo issledovaniia. Vestnik antropologii, 2016. No. 4 (36). Pp. 106–131.
- Cheshko S.V.* Chem bol'she znaesh', tem men'she ponimaesh'... Vestnik antropologii, 2016. No. 4 (36). Pp. 132–135.

S.A. Arutiunov. Where are you going, o Tortoise?

The author continues the discussion opened in the «Herald of Anthropology» (2016, No. 4). Criticizing postmodernism in anthropology, he is using the example of A.N. Kozhanovsky, E.V. Holler, I.A. Kucherova and R.N. Ignatiev to show that the fascination with postmodernism leads away from an understanding of the real processes taking place in society and in the minds of people. At the same time, the author recognizes the limited ability of the scientist to study these processes, applying the famous aporia of the Greek philosopher Zeno «Achilles and the Turtle».

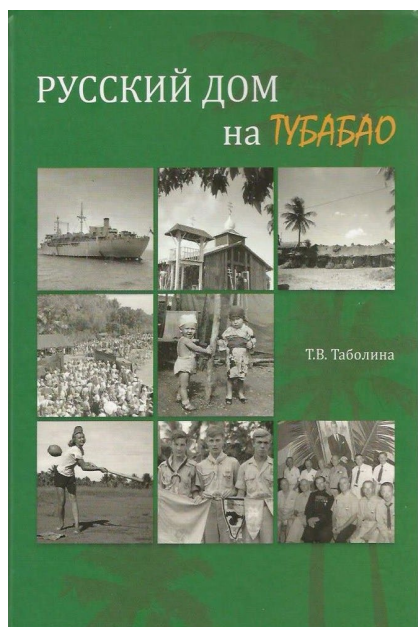
Key words: *postmodernity, self-consciousness, identity.*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+ 655.552

© *О.В. Кириченко*

РЕЦ. НА: Т.В. ТАБОЛИНА
«РУССКИЙ ДОМ НА ТУБАБАО». М.:
ДАРЬ, 2016. – 192 с.

Рецензия на последнюю книгу Татьяны Владиславовны Таболиной была написана незадолго до неожиданной ее кончины и поэтому, конечно, не предполагала особых слов в адрес автора. Но случилось то, что случилось и потому хочется начать со слов благодарности за общение. Каких-то отдельных встреч и бесед у нас было не так много; мне были интересны некоторые детали из жизни русской европейской эмиграции, и Т.В. Таболина консультировала меня; потом обсуждались вопросы казачества;

нас обоих в равной степени интересовало русское церковное зарубежье. Где-то за месяц до кончины мы пересеклись в коридорах родного института, и опять зашел разговор на одну из близких тем, после чего Татьяна Вячеславовна подарила свою новую книгу и попросила откликнуться на нее рецензией. Откликаюсь на эту просьбу, со всей благодарностью за ее труды и общение.

Автор успела немало сделать для научного сохранения памяти о русской военной эмиграции (и казачеству, в первую очередь), но думается, что планы были еще более обширными. И очень жаль, что им не суждено уже осуществиться. Мне думалось: почему Т.В. Таболину так задела эта тема, и когда я прочитал ее последний труд – «Русский дом на Тубабао» – я понял, в чем дело. Каким светлым романтизмом веет от того, что происходило на Тубабао! При том, что трагические и для кого-то гибельные обстоятельства заставляли людей бежать от революции и искать неизвестно где временное пристанище. Но люди словно молодели от этих испытаний. И автор книги не только почувствовала это, но и сумела передать этот дух молодости, дух оптимизма, дух, присущий русским переселенцам на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, – во всем строе своего текста. Это, мне кажется, главное.

Поэтому и начну рецензию с личного ощущения от виденных могил наших соотечественников на южнокорейском побережье. Удивительное чувство испытываешь, когда после долгого перелета, оказавшись в одной из отдаленных азиатских стран, встречаешь здесь, среди следов хранимого прошлого, и русские могилы, из времени трагического XX в. Словно огонь ударяет в сердце. Ведь это не здания, не таблички о пребывании

Кириченко Олег Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru.

здесь моих земляков, а они сами, лежащие в чужой земле! Ничто так не заставляет душу ощутить трагизм того времени – войн, революций, эмиграции, – как эти, по сути безвестные мне люди, в которых запечатлелась Россия, не памятными словами, а их личным и вечным присутствием. Эти люди-изгнанники – люди судьбы, времени великого противостояния, разделившего страну, это живые осколки мировых и гражданских войн.

Книги, посвященные русской послереволюционной эмиграции, не могут быть написаны без этого чувства «неожиданной и трагической встречи» с нашим прошлым, иначе они не будут правдивы. И данная книга Татьяны Вячеславовны «Русский дом на Тубабао» содержит эту интонацию, это указание на отстраненность от фактов и сосредоточенность на чувстве благоговения перед памятью этих людей, «выстраивавших Россию» далеко за ее пределами, передвигавшихся с десятками тысяч других русских по зарубежью от города к городу, от страны к стране, от материка к материка. 1920-е, 1940-е, 1950-е годы... Пока события окончания Второй мировой войны не позволили людям немного остановиться и успокоиться. Автор книги не является первооткрывателем заявленной в заглавии темы, поскольку были воспоминания Н.В. Моравского «Остров Тубабао. 1949–1951. Последнее пристанище дальневосточной эмиграции» (Моравский 2000), была глава в двухтомнике П.П. Балакшина «Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке» (Балакшин 2013), статья О. Miram «Tubabao Island Camp» (Miram 1999) и ряд других статей, в том числе самой Таболиной. Но как этнограф и как представитель российской этнографической школы она выдвигает в книге новые задачи осмысления сюжета, связанного с пребыванием на Филиппинах части русской эмиграции, после перемещения ее из Китая. Задач этих несколько: 1) показать русскую эмиграцию на Тубабао не как политический проект, но как цивилизационный, как опыт адаптации конкретной русской диаспоры; 2) показать эту цивилизационную деятельность во времени, как «сумму слагаемых», складывающуюся из разного опыта, приобретенного русскими эмигрантами в Китае, потом на Тубабао, затем в США; 3) автор ставит задачу свести воедино всю сумму имеющихся источников на эту тему. Документальной основой монографии стали архивные материалы, с которыми автор работала в фонде Дома русского зарубежья (г. Москва), а также документы из зарубежных собраний, в том числе личных коллекций. Сюда же вошли и полевые зарубежные материалы, а также все ценное, собранное в библиотеках США: Стэнфордского университета, Музея-архива русской культуры в Сан-Франциско, архивов Русской Православной Церкви за Рубежом.

Емким и информационно насыщенным выглядит обращение «К читателю», где собраны и историография вопроса, и поставлена проблема путей сохранения памяти и знаний в условиях эмиграции. Автор показывает роль самих героев книги в написании первых трудов, отмечает значение наиболее крупных организаторов этого периода эмиграции, определяет географию зарубежных фондов, библиотек и институтов, хранящих информацию о пребывании русских на Тубабао. Здесь, во введении, аннотируются события последних лет – конференции, встречи, выставки, посвященные этому изучаемому сюжету. В первой главе автор не только детализирует, заявленное во введении об информационно-источниковой базе данной книги, но, по сути, раскрывает эмигрантскую лабораторию формирования архивов, погружает нас в методологию и методику этого процесса, подчеркивает, что это было еще победой русской эмиграцией над тяжелыми обстоятельствами жизни. В этом контексте ее содержание вызывает особый интерес.

Конечно, важна и информация о самих архивах, их географии, содержании, особенностях работы в них. В целом же концепция 1-й главы сопрягается с содержанием последующих трех глав. Во всех них показываются особенности самоорганизации русского сообщества, попавшего в инородную среду; порой агрессивную, сложную, требующую немалых адаптационных ресурсов. И вот в числе таковых Т.В. Таболина выбирает и рассматривает четыре адаптационные модели. Это: 1) тщательная и даже философски продуманная забота об архивах, что указывает на приоритет памяти перед естественной стихией жизни; 2) адаптация к повседневности (культурная и бытовая). Последнему посвящена вторая глава, где хорошо прописана роль лидеров-организаторов, значение коллективистских форм в устройстве быта, роль культуры, квалификации переселенцев, проявления особенностей их национального характера в деле самоорганизации; 3) значение военизированных образований скаутов не только для конкретных областей, где нуждались в их помощи, но и в целом для эмиграции, как силы, необходимой для создания порядка, дисциплины, возможности действовать сообща и эффективно. Скаутское движение сопровождало русскую эмиграцию, начиная с Китая и заканчивая США, везде выполняя важные общие и конкретные функции; 4) Лига русских женщин – в числе важнейших механизмов, через который русская община могла реализовывать круг основных социальных и культурных потребностей: в благотворительной, литературно-музыкальной, общественной, спортивной деятельности, и даже в чисто прикладной – рукодельной.

О «Лиге русских женщин» (глава 4) хочется сказать особо, поскольку ей посвящена целая глава. Лига тоже была органичной русской эмиграции, на нее выпадала миссия поддерживать школьное дело, заниматься делами милосердия и благотворительности, а также в целом организационной работой. Автор хорошо показывает, как разворачивалась работа Лиги в Китае, потом была свернута, по мере движения в Европу и Америку, и опять развернулась там после приезда и адаптации. На Тубабао, хотя и не было у нее возможностей действовать в полную силу, но и здесь, как показывает Татьяна Владиславовна, «за чашкой чая» решались серьезнейшие и масштабные проблемы. Значение общественной деятельности русской женщины для русской эмиграции нельзя переоценить: оно было сверхважно и для сохранения памяти (как цивилизационной традиции), для поддержания высокой культуры жизнедеятельности, для бодрости духа, оптимизма, цельности русской общины. Эмигрантская среда спорила внутри себя, искала лучшие пути, и благодаря присутствию женщин – всех возрастов – их общественной активности, она оставалась единой и не разобщенной.

Важным и естественным элементом жизни вынужденных эмигрантов была забота о сохранении памяти. Причем это понятие рассматривалось и в широком и в узком смысле; память – как связь с исторической Россией, ее культурой и традициями (для этого создавались школы, писались учебники, комплектовались библиотеки), и память как стремительная и драматичная жизнь самих эмигрантов. Последнее подразумевало заботу об архивах, концентрирование документов и вообще артефактов в одном месте. И о первом и о втором направлении сохранения памяти автор подробно пишет в книге. Она показывает насколько важной в этой ситуации была добрая воля людей, готовых действовать по столь разным направлениям, везде успевать, не жалеть себя, максимально проявлять оперативность и всюду успевать включать все свои профессиональные качества. Представленные материалы, с чрезвычайно богатой информационной базой, заставляют просто восхищаться уровнем самоорганизации русского эмигрант-

ского сообщества и, конечно, сожалеть, что все эти громадные силы были распылены по миру, в то время как в своей стране они могли бы принести много пользы.

Автор не обошла вниманием и всех тех, кто помогал эмигрантам устраиваться, начиная с официальной власти Филиппин и заканчивая различными иностранными благотворительными организациями и обычными рядовыми людьми. В то же время Т.В. Таболина справедливо отмечает, насколько тяжел и горек был «зарубежный хлеб», насколько жесткие условия приходилось выполнять людям. Но люди проявляли чудеса организации и вписывались в жесткие требования как на о. Тубабао, где их поселили практически в джунглях и выделили поначалу немного времени для пребывания, так и далее – в США, где в Сан-Франциско приходилось соблюдать тамошние положенные санитарные нормы численного расселения по домам (нельзя было жить в барачных условиях) и выполнять другие распоряжения властей. Если учитывать, что за послевоенный период (до 1990-х годов) около двух миллионов наших соотечественников осело в Соединенных Штатах, то понимаешь, как не просто было решить эту задачу – органично вписаться в западное общество. Помогло, в первую очередь то, что русские эмигранты действовали не по одиночке, а через разные сообщества, и эта традиционно-общинная, по сути, способность к выживанию в нелегких внешних условиях и стала для них спасительной. Эта общинность также позволила сохранять идентичность и действовать как самобытное этническое и культурное сообщество, и более того – трудиться наравне с американцами из самых разных социальных слоев.

Книга небольшая, всего 192 страницы, но концептуально проработанная, плотно насыщенная информацией, редкими, неопубликованными ранее документами (что есть в приложении), большим число прекрасных и малодоступных фотографий (что всегда отличало издания Т.В. Таболиной!), а кроме того, она содержит длинный и внушительный список людей и организаций, которым автор выражает свою признательность, наводит на мысль, что путь к написанию этого труда был долог и нелегок.

Этнограф, как никто другой из гуманитариев, обращающийся к истории, нередко личностной, драматичной, но всегда преломленной через призму этничности, традиции, – должен глубоко, по человечески, чувствовать тот материал, к которому он обратился. Это кажется ценнейшим профессиональным качеством, присущим этой профессии. То есть – любовь к народу и традиции, которую ты изучаешь. И это есть у автора рецензируемой книги. Кроме того, этнограф исследует конкретное время, погружается в конкретную эпоху и ее перипетии и он должен, как струна на музыкальном инструменте, не фальшивить, но точно передавать звук этой эпохи. И здесь тоже, кроме профессионализма, нужно человеческое участие. От прочтения книги у меня остались только добрые чувства: она продумана структурно, насыщена информационно, оформление ее и снабжение документами и фотографиями также не вызывает возражений. И самое главное она этнографична, в ней есть не только информация, но, как мне кажется, в ней живет тот мир русской эмиграции, который автор обозначает как «русский дом на Тубабао».

Литература

Балакишин 2013 – Балакишин П.П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке». В 2-х тт. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2013.

Моравский 2000 – Моравский Н.В. Остров Тубабао. 1949–1951. Последнее пристанище даль-

невосточной эмиграции». М.: Русский путь, 2000.

Miram 1999 – *Miram O.* Tubabao Isiland Camp // Tubabao. Russian Refugee Camp. Philipines 1949–1951 / Ed. by K. and P. Tatarinoff. Sydney: Russian Historical Society in Australia, 1999. P.1–5.

References

Balakshin P.P. Final v Kitae. Vozniknovenie, razvitie i ischeznovenie Beloi emigratsii na Dal'nem Vostoke. In 2 vol. Moscow: Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaia biblioteka, 2013.

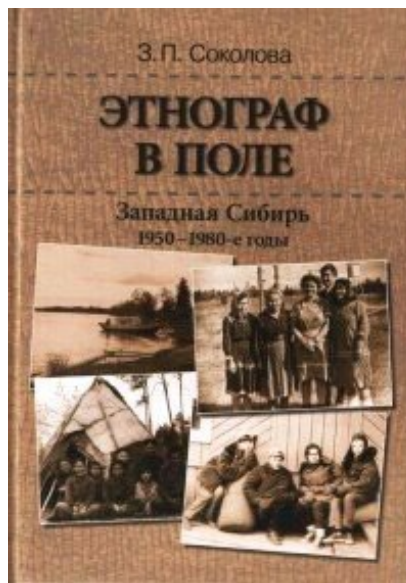
Moravskii N.V. Ostrov Tubabao. 1949–1951. Poslednee pristanishche dal'nevostochnoi emigratsii. Moscow: Russkii put', 2000.

Miram O. Tubabao Isiland Camp. Philipines 1949–1951. K. And P. Ttarinoff (eds.). Sydney: Russian Historical Society in Australia, 1999.

УДК 39+ 655.552

© С.В. Чешко

**РЕЦ. НА: СОКОЛОВА З.П.
ЭТНОГРАФ В ПОЛЕ: ЗАПАДНАЯ
СИБИРЬ. 1950 – 1980-е годы:
ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, НАУЧНЫЕ
ОТЧЕТЫ И ДОКЛАДНЫ ЗАПИСКИ /
Подг. к публ. З.П. СОКОЛОВА. – М.:
Наука, 2016. – 942 с.**

Никогда не думал, что возьмусь за рецензирование трудов Зои Петровны Соколовой, поскольку никогда не занимался изучением народов Сибири. Но этот ее капитальный труд невозможно оставить без внимания, тем более что он располагает к размышлениям. Полагаю, полезным для многих исследователей, как опытных, так и начинающих.

Работы З.П. Соколовой нуждаются не только в критическом разборе, – как и любые научные издания – но и в осмыслении и использовании того, что в них написано. В условиях естественной убыли маститых ученых – даже с учетом какой-то профессиональной живучести этнографов (а также археологов, историков, антропологов) – классиков-«мастодонтов» остается все меньше.

Мне посчастливилось застать многих из таких «мастодонтов». Сожалею, что многие абитуриенты, идущие в аспирантуру нашего института – Института этнологии и антропологии РАН, – зачастую даже и не слышали о них. Могу судить об этом на собственном опыте работе в приемной комиссии на протяжении, уж точно, больше двадцати лет. Не буду перечислять имена этих классиков. Получился бы очень внушительный список. Думаю, не менее внушительный, чем перечень выдающихся зарубежных этнологов, приведенных, например, в непревзойденной до сих пор по глубине анализа (и при ограниченности объема, при идеологических рамках советской эпохи) книге С.А. Токарева «История зарубежной этнографии». «Нет пророка в своем отечестве» – это про нас. За рубежом, кажется, обычно все обстоит наоборот.

Надеюсь, что Зоя Петровна не очень обидится за причисление ее к клану мастодонтов. Они в массе своей давно вымерли, а Соколова пишет так толково и обильно, что можно даже посочувствовать читателям, которым все это доводится не только читать, но и переносить в своих портфелях.

З.П. Соколова описала, кажется, все, что касается истории и культуры изучаемых ею на протяжении многих десятилетий народов (ханты, манси и др.). А вот рецензируемая книга, на первый взгляд, вроде бы стоит особняком. Она представляет собой публикацию полевых дневников автора с краткими комментариями: «Этнограф в поле» – это, по сути, значительно расширенный вариант предыдущей книги «Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах», вышедшей в 2015 г. вторым изданием.

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

У кого-то такие работы могут, возможно, вызвать саркастическую реакцию: мол человек исписался и теперь публикует все что ни попадя, лишь бы опубликоваться, чтобы о нем не забыли. Наверное, такое бывает, как и другие варианты «посттворческого» самовыражения. Но это не тот случай.

Сама З.П. Соколова так обосновывает свою затею: «Идея издать полевые дневники появилась у меня в конце 1990-х годов. Уже давно я не езжу в экспедиции, написала немало книг и статей, в том числе и по данным полевых сборов, но какая-то часть их лежит еще в тетрадях и дневниках. Жизнь не бесконечна, пора приниматься за эти материалы, лучше меня в них никто не разберется. Давно эта идея зрела во мне, кажется, час пробил...» (с. 18–19). Может быть, звучит несколько грустно, а по сути, верно.

Я как-то рискнул посоветовать одному из других весьма авторитетных и ярких в нашей науке «мастодонтов» не уносить с собой в лучший мир свои знания и опыт по части организации и методики экспедиционных исследований, работы с информантами и т.п., а попытаться обобщить свой опыт в публикации – если не в книге, то в статье или в серии статей. Похоже, я что-то не так сказал...

Если задуматься – что после себя оставляет научный сотрудник? Не бесспорный «светило» на все времена, а, скажем, обычный доктор наук. Список трудов, которые, неизвестно, будут ли востребованы потомками? Надпись на могильном памятнике – не дай бог, учитывая современные научно-бюрократические веяния, – чтобы содержала, после всех обычных персональных данных, еще и, например, индекс Хирша? Опыт серьезного ученого, если этот опыт окажется воспринятым последующими поколениями исследователей, возможно, более значим, чем все, что он написал. Я имею в виду, прежде всего, опыт технологии добывания, обработки и анализа информации.

Все тридцать лет, которые я работаю в Институте, слышал от его руководства – всех руководителей и во все времена (и я был в их числе), – что ветеранам следовало бы своевременно озаботиться приведением в порядок своих материалов, их систематизацией и сдачей в доступный для читателей архив Института. Примеры положительной реакции сотрудников единичны. Кстати, к своему стыду, я и сам не знаю, где мои полевые дневники. А уж добраться до научных отчетов, которые категорически требовались в эпоху Института этнографии АН СССР (а иначе отчеты об экспедициях не принимались), – это проблема довольно сложная. Если не ошибаюсь, книга З.П. Соколовой – это едва ли ни первое издание практически полного архива научных материалов, осуществленное в нашем институте.

Рецензируемая книга З.П. Соколовой демонстрирует, во-первых, именно ответственность ученого перед последователями, о чем я только что говорил. И ответственность за свое научное наследие – оно требует сохранения, систематизации и введения в научный оборот. Во-вторых, она есть естественное продолжение исследовательской логики этнографа-полевика, а З.П. Соколова относится к числу таких классических полевых ученых. Для полевика, насколько я понимаю, мельчайший факт может быть, не менее значим – если его правильно использовать, – чем какая-то теоретическая конструкция. Между прочим, я не устаю удивляться многим авторам от отечественной этнологии, которые предпочитают в качестве аргументов для поддержания своей позиции приводить не конкретные полевые материалы, а идеи философов, социологов (Бурдьё, Фуко и др. – перечень авторитетов периодически меняется со сменой моды в мире методологического постмодернизма). И, подчас,

ловлю себя на мысли о собственной замшелости.

Никак, например, не могу понять такую вещь. Уже и у нас в Институте прошли защиты кандидатских диссертаций, авторы которых, похоже, и не нюхали нормальной этнографической «человечинки». Проводятся анкетные опросы, закладываются в компьютерные программы, и получаются выводы. Когда спрашиваешь соискателей, что и как, то получаешь совершенно уверенные ответы, без малейшего сомнения в глазах: и анкеты составлены по «международным образцам», и сами программы – из той же категории. Не хочу считать себя врагом прогресса. Но предложил бы шикарную тему для «компаративного» исследования – прощупать одну и ту же проблему (в одном и том же месте) двумя группами сотрудников, одна из которых работала бы традиционными полевыми методами, а другая – с помощью обезличенной компьютерной программы.

В рецензируемой работе З.П. Соколовой отражена именно та этнографическая специфика и вкуснятина, которая делает этнографию этнографией, а молодого исследователя окунает в котел сложной, интересной, нудной и необходимой экспедиционной «куховарки».

Этой «куховаркой» Зоя Петровна специально занимается, как минимум, с начала 2000-х годов – это к тому, о чем я писал выше в связи с возможными подозрениями о выходе ученого «в тираж». За этот период было опубликовано свыше тридцати работ самой Соколовой, преимущественно в тематических сборниках статей, посвященных технологии и прикладной значимости этнографических экспедиций институтских ученых.

К сожалению, «реформа» Академии наук привела к исчезновению названных выше и очень полезных сериальных изданий. Но сам жанр «полеведения», хочется надеяться, не обречен на вымирание.

В 2014 г., когда была учреждена обновленная версия «Вестника антропологии», я предложил редколлегии переиздать непревзойденную, на мой взгляд, до сих пор работу Г.Г. Громова «Методика этнографических экспедиций», опубликованную еще в 1966 г. Дело даже не в том, что я считаю Геннадия Герасимовича одним из первых своих учителей в области этнографии. Мне посчастливилось побывать с ним (и с Алексеем Алексеевичем Никишенковым в качестве заместителя Громова по экспедиционному отряду) на полевой студенческой практике в Архангельской области. Эту учебу я запомнил на всю жизнь как эталон методики работы и этики этнографа в поле. Конечно, добавили еще Сергей Петрович Поляков (это уже была тогдашняя Ленинадская, а теперь Ходжентская, область Таджикистана) и Геннадий Евгеньевич Марков (Туркмения) – правда, то была сугубо палеоантропологическая экспедиция, но ведь с местным населением все равно приходилось общаться, а Марков-то мог объяснить, как это надо делать! Так, вот – рецензируемая и другие публикации З.П. Соколовой мне очень напоминают довольно занудные рекомендации Громова и эмоциональные наставления Полякова и Маркова.

Я был даже несколько удивлен тем, что все члены редколлегии журнала, а также аспирантура Института, поддержали эту идею: методичка была издана в 2015 г. с незначительными сокращениями. Потом я слышал весьма положительные отзывы коллег, хотя слышал и упреки в том, что журнал публикует нечто «ветхозаветное» и никому не нужное. Это все зависит от того, как относиться к современным задачам этнологии/антропологии и, соответственно, какие методики работы в поле надо сегодня применять, как вообще понимать теперешнее «поле». Для кого-то – это вся та же «человечинка», а для кого-то – лишь монитор компьютера.

Структура рецензируемой книги вполне отражает дотошность, культуру мышления и культуру работы с текстами, свойственные З.П. Соколовой. Во Введении (и отчасти в Послесловии) автор излагает предысторию своего замысла и историю его реализации, излагает принципиальные взгляды на специфику этнографических изысканий и приемы работы в поле. Во Введении есть и небольшие по объему, но емкие по содержанию историографические сюжеты, касающиеся изучения народов Сибири в советское время.

Основной текст скомпонован в трех хронологических разделах, одновременно отражающих, по мнению самого автора, основные этапы его научной жизни: **«По стопам учителей»**, когда Зоя Петровна только начинала свой путь в качестве аспирантки и младшего научного сотрудника под руководством мэтров отечественной этнографии, **«Поле, музеи, архивы»** – «свободное владение материалами и литературой, расширение и углубление тематики исследований» (с. 27), **«Путь к монографии»**, то есть написание солидных обобщающих работ. Правда, в Послесловии выделены четыре периода создания дневниковых записей автора, но это не столь уж важно.

А вот в конце книги: публикуемые впервые рисунки профессиональных художников, выполненные в поле и музеях Обского Севера; Глоссарий; Указатель имен информаторов; Географический указатель, список сокращений. Иными словами, даже по своей структуре и архитектонике книга выглядит как образец научного издания. Кстати, о списке информаторов (информантов, как теперь предпочитают говорить, пугаясь ассоциацией с негласными осведомителями зловещих советских спецслужб). Не поленился и посчитал – 380 человек, но, наверняка, это далеко не все, с кем Зое Петровне довелось общаться в ходе экспедиционных выездов: не все информаторы представляются, не всегда успеваешь записать их данные, если разговор получается недолгим, спонтанным. 380 человек – это минимум 380 часов, то есть примерно 16 суток непрерывных разговоров. А реально это надо умножить примерно на три-четыре.

Кстати говоря. Исследователи, опирающиеся на метод анкетирования, не говоря уж о социологических службах, употребляют термин «респонденты». Термины «респонденты» и «информанты», вроде бы, вполне нейтральны с методической точки зрения, но в действительности за ними скрывается глубокое различие. Респондент – это тот, кто отвечает на поставленные вопросы – «да», «нет», «затрудняюсь ответить» и т.п. А работа этнографа с информантом – это искусство, включающее способность войти в доверие, разговорить человека, а потом вести нередко многочасовые изнурительные беседы, стремясь выудить из собеседника что-то полезное: пожилым деревенским жителям бывает просто одиноко, скучно, им хочется пообщаться. Помню в одной из глухих архангельских деревушек (жилых домов-то оставалось всего три-четыре) нам попался древний, но бодрый дедок, который битый час рассказывал, как он воевал в Первую мировую войну на австрийском фронте, какие подавал команды своему артиллерийскому расчету и т.п. А потом вытащил дореволюционное издание книги Джона Мильтона (кажется, это был «Потерянный рай») и еще битый час объяснял, какая это замечательная книга. И только потом удалось его разговорить на интересовавшие нас темы. Как тут не вспомнить одно из правил Глеба Жеглова о работе с людьми: надо показать человеку, что он тебе интересен и т.д.

В полевых дневниках все это присутствует, хотя, разумеется, в очень сжатом виде. А сама З.П. Соколова так пишет.

- Этнограф должен уметь вступать в общение с людьми, сходитьсь с ними, располагать к себе, чтобы собеседник, не стесняясь, рассказывал о своих занятиях, обычаях своего народа, даже более сокровенном - религии, обрядах, а также охотно показывал орудия труда и промысла, одежду, утварь, вынимая их подчас из сундуков, амбаров...

Для этнографа очень важно найти хороших собеседников, обладающих ценной и достоверной информацией, желающих и умеющих поделиться ею, — мы их называем «информаторами» (есть и другой термин — «информант»), Иногда один информатор может сообщить много интересного. Полученные сведения следует проверять, иногда расспрашивая об одном и том же несколько человек и сравнивая их сообщения. Опрос и наблюдения дополняют друг друга. Для того чтобы получить интересные материалы, надо пожить в деревне и понаблюдать за жизнью ее обитателей (так называем «включенное наблюдение» — тоже метод работы этнографа). Бывает, что наблюдение (часто случайное) дает такие материалы, о которых даже не догадаешься спросить (с. 25–26).

Говоря обо всем этом, Зоя Петровна отмечает важность применения и современных исследовательских методов. Вспоминая о дискуссиях второй половины 1980-х годов о перспективах отечественной этнографии в свете обновленческих тенденций «перестроечного» времени и критикуя эти тенденции, Соколова находит и полезные вещи: «Активным противником этого [переименования нашего института] был Владимир Николаевич Басилов – выдающийся российский этнограф. Я вспоминаю, что тогда была во многом согласна с его позицией, в том числе с тем, что собственно этнография (конкретное описание и изучение традиционных национальных культур) уйдет из института. Прошедшие годы показали, что во многом именно это и произошло, но вместе с тем исследовательские и теоретические практики обогатились новыми методологическими приемами...» (с. 24).

А главная мысль заключается, видимо, здесь:

Уже несколько десятилетий считается, что этнография, как научная дисциплина умерла, так как исчезло основное составляющее ее предмета — «этнографическое поле». Это не так! Действительно, произошли изменения в понятии «этнографическое поле», но даже здесь это не совсем так. На самом деле произошло лишь сужение «этнографического поля», в котором возможны полевые исследования по методике включенного наблюдения. Нельзя даже сказать, что современный этнограф во многом работает как историк, лишь с историческими источниками, что ранее было составной частью наших комплексных исследований по всей этнографической проблематике. Анализ современных публикаций по самой широкой проблематике исследования национальных культур показывает, что, действительно, хотя «этнографическое поле» сузилось предметно, например в области материальной культуры, локально (из села в город) исчезают традиции и сами носители культуры, остаются отдельные составляющие национальных культур, которые продолжают жить и развиваться. В большей степени в настоящее время объектом полевых исследований стала область духовной культуры. И в научный оборот вводятся нередко неожиданно все новые и новые материалы, которые дополняют ранее собранные и осмысленные теоретически (с. 907).

Но вот как раз здесь и содержится, на мой взгляд, главная проблема современной этнологии. Или этнографии, антропологии? Если она обречена лишь на вылавлива-

ние из сознания людей неких рудиментов «традиционной национальной культуры», то, конечно, умрет еще при нашей жизни. А если стремиться увидеть перспективу, то надо серьезно задуматься о новом «поле», о новых методиках, наконец – о новом мире, в который мы стремительно въехали.

CONTENTS

The modern transformation processes and Ethnological Science

Guboglo M.N. The Concept of the “Sovietness” in the ethnological/ anthropological Context 4

Cheshko S.V. Multiculturalism or Cultural Promiscuity? 27

Russians abroad

Inikova S. A. Russian “eunuchs” in Romania. Part I. 41

Anthropological mosaic

Kaziev C.Sh. Trust: Concepts and Historical Reality. 60

Malkova V.C. Ethics and Media 77

Physical (biological) Anthropology

Agdzhoyan A.T., Kachanov N.V., Yusupov Y.M., Makmak N.I., Mustafaeva L.A., Atramentova L.A., Balanovskaya E.V. The genetic annals of the Crimean peninsula on the data of the gene pools of Karaites, Crimean Tatars and Greeks. 91

Gaboutchian A.V., Knyaz V.A., Bolshakov G.V. Odontometrics and acclamations research on computer three-dimensional images of the premolars and molars. 98

Kalmin O.V., Kalmina O.A., Ikonnikov D.S. Particular qualities of the postcranial skeleton of Penza residents XVII–XVIII centuries. 116

M. Pamazanov. Secular features of the cephalometric diversity of the men of the southern region of Belarus in the context of the problem of epochal skull morphology variability. 138

Discussions

Arutiunov S.A. Where are you going, o Tortoise? 153

Reviews

Kirichenko O.V. Review to: *Таболіна Т.В.* Русский дом на Тубабао. М.: Дарь, 2016. – 192 с. 160

Cheshko S.V. Review to: *Sokolova Z.P.* Этнограф в поле: Западная Сибирь 1950–1980-е годы: Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016. – 942 с. 165

OUR AUTHORS

Agdzhoyan Anastasiya – Vavilov Institute of General Genetics RAS, Moscow, Russia.

E-mail: aagdzhoyan@gmail.com.

Arutyunov Sergey – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.

E-mail: gusaba@iea.ras.ru

Atramentova Liubov – V. N. Karazin Kharkov National University, Kharkov, Ukraine.

E-mail: lubov.atramentova@gmail.com.

Balanovskaya Elena – Federal State Budgetary Institution «Research Centre For Medical Genetics», Moscow, Russia.

E-mail: balanovska@mail.ru

Bolshakov Gennadiy – Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow, Russia.

E-mail: 2110063@mail.ru

Cheshko Sergey – Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

E-mail: ieamoscow@mail.ru

Gaboutchian Armen – «Dianta» Dental Clinic, Moscow, Russia.

E-mail: armengaboutchian@mail.ru

Guboglo Mikhail – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.

E-mail: guboglo@yandex.ru

Ikonnikov Dmitry – Anthropological Laboratory by the Department “Human Anatomy” Medical Institute of Penza State University, Penza, Russia.

E-mail: ikonnikov-ds@mail.ru

Inikova Svetlana – Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

E-mail: ovis2@yandex.ru/

Kachanov Nikolai – Regional Public Organization «National-cultural Autonomy of the Karaites of Moscow», Deputy Chairman of the Autonomy of Culture and science, Moscow, Russia.

E-mail: itil7@yandex.ru

Kalmin Oleg – Medical Institute of Penza State University, Penza, Russia.

E-mail: ovkalmin@gmail.com

Kalmina Olga – Department “Human Anatomy” Medical Institute of Penza State University, Penza, Russia.

E-mail: okalmina@gmail.com

Kaziev Sattar – North Kazakhstan State University. M. Kozybaev.

E-mail: sattarkaz@mail.ru

Kirichenko Oleg – Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Knyaz Vladimir – Scientific Research Institute of Automatic Systems, Moscow, Russia.

E-mail: knyaz@gosniias.ru

Makmak Nikolai – Azov Greeks’ Heritage Association, Azov, Russia.

E-mail: dr_makmak@hotmail.com.

Malkova Vera – Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

E-mail: veramalk@mail.ru

Mustafaeva Liliya – State Institut of the Republic of Crimea the Consultative and Diagnostic Center for Services for Deported Peoples, Simferopol, Russia.

E-mail: liliya.must@gmail.com

Yusupov Yuldash – Institut of Strategic Research of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.

aE-mail: ufa1980@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ (АВТОРАМ)

Авторы представляют файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через один интервал, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: *Иванов* 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (*Наши будни* 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (*Смирнов и др.* 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (*Smith et al.* 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a*, *b*, *c*) к году издания (*Чернов* 1987а: 22; *Brown* 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р.; и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – *Санин Г.* Ингушский трамплин // *Итоги*, 2004. № 32. URL: www.itogi.ru.

Дятлова – Дятлова В.А. Немецкие поселения Енисейской губернии // История и культура немцев Сибири. URL: http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib.

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_Дятлова – http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

ЭТО ВАЖНО!

Вводится новый подраздел References, представляющий собой латинизированный вариант подраздела «Научная литература». Транслитерация с кириллицы производится согласно системе Библиотеки Конгресса США (примеры и инструкции по транслитерации приведены в правилах оформления статей).

References (латинизированный список)

Список «References» содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Транслитерация производится согласно системе Библиотеки Конгресса США. Порядок оформления публикаций в этом списке несколько отличается от оформления основных списков литературы в Вашей статье.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Инструкции:

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]

Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку Convert посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей. Основная работа проделана: теперь Вам нужно исправить типичные мелкие ошибки и оформить список согласно правилам Web of Science.

2) Оформление литературы:

Шапка оформления ссылки на книгу:

Familia I.O. Nazvanie knigi ili monografii. Gorod: Izdatel'stvo, 1988.

Шапка оформления ссылки на сборник научных статей:

Familia I.O. (ed.) Nazvanie sbornika statei. Gorod: Izdatel'stvo, 1988 (*впереди указывается фамилия отв. редактора или составителя сборника*)

Шапка оформления ссылки на статью в научном журнале:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala, 1988. No. 2. Pp. 64–74.

Шапка оформления ссылки на статью в научном сборнике:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie sbornika, I.O. Sostavitel (ed.). Gorod: Izdatel'stvo, 1988. Pp. 4–24 (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

3) Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

а) указания на «Том», «№», «С.» (страницы) издания должны быть переведены на англ. «vol.», «no.» и «pp.»

б) все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.

в) проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «X», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.)

г) имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале.

Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.

д) курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

4) Примеры:

В итоге публикации из Вашего списка «Научная литература» должны выглядеть следующим образом в списке «References»:

Moss 1996 – Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Tруды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii. Moscow: Vostochnaia literatura 1996.

Бернштам 1983 – Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983.

Bernshtam 1983 – Bernshtam T.A. Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v. Leningrad: Nauka, 1983.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать код универсальной десятичной классификации (УДК). Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Стилевое оформление:

При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов с проставлением знака переноса, а просто автоматический перенос. Не допускать перенос одного слога в конце абзаца (можно не менее 4 знаков).

Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

Дефисы, где этого требует правила орфографии, исправить на тире (- → – [Ctrl “–” самая правая верхняя кнопка на клавиатуре]). Тире ставится во всех случаях кроме «дефиса» по правилам русского языка, например,

Правильно: красно-коричневый, но 1990–1991 гг.

Неправильно: 1990-1991 гг.

В датах тире ставится без пробела (1990–1991)

После десятилетий полностью пишется слово «годы», например 1990-х годов, после даты, коротко г. , например, 1970 г.

Кавычки в основном тексте «», в тексте уже внутри цитаты “”.

Правила оформления литературы

Литература

Бутинов 1975 – Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.

Иванова 2010а – Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106.

Иванова 2010б – Иванова Л.А. Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929–02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.

Филатов 2002 – Филатов С.Б. Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 470–484.

References

Butinov N.A. Put' k Beregu Maklaia. Khabarovsk, 1975.

Ivanova L.A. N.N. Mishutushkin i vystavka "Etnografiia i iskusstvo Okeanii" (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 2. Pp. 97–106.

Meliksetova I.M. Vstrecha s Okeaniei 70-kh godov. Moscow, 1976.

Filatov S.B. Posleslovie. Religiia v postsovetskoii Rossii // Religiia i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad, 2002. Pp. 470–484.

ФОТО, ГРАФИКИ, ДИАГРАММЫ и РИСУНКИ

Размер файла в формате jpeg – 600 dpi. Файл подается отдельно от статьи (в текст не вставляются), в тексте указывается ссылка на рисунок (например, рис. 1).

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

новая серия

2017. № 3 (39)

Выпускающий редактор по этнологии – Н.А. Белова
Выпускающий редактор по физической антропологии – О.М. Григорьева
Компьютерная верстка – Н.А. Белова
Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова
Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 15.10.2017
Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 500 экз. Заказ № 246
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – *В.М. Маршанов*
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А